

ФЕДОР СОЛОГУБ НЕИЗДАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ 1878—1889 ГОДОВ

Публикация Т. В. Мисникевич и М. М. Павловой

Федор Сологуб (наст. имя и фам.: Федор Кузьмич Тетерников; 1863—1927) — один из крупнейших русских поэтов конца XIX—первой трети XX в. и один из наиболее плодовитых стихотворцев. При его жизни было издано 18 оригинальных сборников и несколько томов стихов в собраниях сочинений. Большое количество стихотворений, опубликованных в периодических изданиях, поэт не включил в книги. За пятьдесят лет творческой биографии с 1877 по 1927 г. он написал немногим менее четырех тысяч поэтических произведений, около половины из них при его жизни напечатаны не были. В одном из писем 1915 г. к А. А. Измайлову Ф. Сологуб как-то обмолвился: «Стихов пишу больше, чем нужно для людей, и в этом несчастье мое»;¹ в 1927 г. он сообщал В. В. Вересаеву: «Я всегда писал много стихов, иногда более двухсот пьес в год, и в старых дневниках еще и теперь нахожу погребенные там груды рифмованных строк...».²

Первая обширная публикация неизданных стихотворений Ф. Сологуба состоялась через полвека после его смерти — в составе издания: *Федор Сологуб. Стихотворения / Вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания М. И. Дикман. Л., 1975* (Библиотека поэта; Большая серия). В этот том вошло более ста неизданных текстов.

Освоение поэтического наследия Ф. Сологуба было продолжено в публикациях, осуществленных в 1989—1993 гг.³ и в издании, подготовленном Г. Пауэр в филологической серии «*Slavistische Beiträge*» (Bd. 245): *Федор Сологуб. Неизданное и несобранное* (Мюнхен, 1989); около трехсот ранее неизвестных стихотворений вошло в сборник статей и материалов «Неиз-

¹ Федор Сологуб и Ан. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 198.

² РГАЛИ, ф. 1041, оп. 4, № 394.

³ См.: Из стихотворений 1920-х годов / Публикация А. В. Лаврова // Дружба народов. 1989. № 1. С. 164—168; Стихи последних лет / Публикация М. М. Павловой // Русская литература. 1989. № 2. С. 172—182; «Преклоняйся пред судьбою...» / Публикация А. В. Лаврова // Наше наследие. 1989. № 3. С. 118; Цикл «Из дневника»: (Неизданные стихотворения) / Публикация М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 109—159.

данный Федор Сологуб» (М.: Новое литературное обозрение, 1997), составленный на основе архива писателя, хранящегося в Рукописном отделе Пушкинского Дома.⁴

Названные публикации отнюдь не исчерпали всего корпуса неизданных текстов. Более тысячи стихотворений 1878—1927 гг. все еще остаются «погребенными» в архиве поэта — в подготовленных им «Материалах к полному собранию стихотворений». Эта обширная часть его литературного наследия являет собой уникальный памятник творческой лаборатории большого художника, свидетельствует о его ответственном отношении к поэтическому дару, а также о глубоком исследовательском интересе к развитию русской поэзии и феномену поэтического слова.

«Материалы к полному собранию стихотворений» составляют шесть папок: ф. 289, оп. 1, № 1—6. Единицы хранения № 2—6 представляют собой папки с авторизованной машинописью стихотворений, расположенных в алфавитном порядке первой строки — от «А» до «Я», со сквозной авторской нумерацией (от 1 до 2049); на отдельных листах зафиксирована восстановительная правка, позволяющая воспроизвести предшествующие редакции и варианты. Значительная часть текстов представлена в нескольких машинописных экземплярах. Иногда эти копии содержат варианты и другие редакции текста, но, как правило, в качестве самостоятельных версий в авторской нумерации не учитываются, а помечены добавочными литерами (а, б, в и т. д.). В отдельных случаях машинописные листы заменены страницами из опубликованных книг стихов, в единичных случаях — вырезками из повременных изданий и автографами.

Единица хранения № 1 содержит два комплекта машинописных текстов, расположенных в алфавитном порядке первой строки (в большинстве случаев с авторской правкой), без копий, с авторской пагинацией (от «А» до «Ч» — 394 листа, от «А» до «О» — 277 листов); эти материалы предназначались для перепечатки с учетом воспроизведения редакций и вариантов текстов и дальнейшего включения в основной корпус (№ 2—6). Помимо этого, машинописные тексты стихотворений представлены в единицах хранения № 7 (42 листа авторской пагинации), № 10-а (181 лист, из них 35 листов — переводы), № 24-а (цикл «Анастасия», 25 листов; содержит варианты машинописных текстов основного корпуса).

Собрание автографов стихотворений Ф. Сологуба 1882—1927 гг. (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1) составляют единицы хранения № 8—38. Рукописное собрание сохранилось не полностью, утрачены автографы стихотворений 1877—1881 и 1924 гг., из произведений 1882 г. имеются только отрывки и черновые наброски поэмы «Одиночество». Значительные лакуны существуют в рукописях 1883—1889, 1918, 1919 гг.

Автографы расположены в хронологической последовательности и пронумерованы автором. Как правило, датированы отдельные стихи и строфы. Завершенные стихотворения расположены по последней зафиксированной дате; произведения, которые автор считал незавершенными, отнесены на начальную дату написания. Большая часть рукописей представляет собой вырванные из тетрадей листы, на которых в подбор в

⁴ См.: *Сологуб Федор*. Нсизданные стихотворения 1878—1927 гг. / Вступительная статья, публикация и комментарии М. М. Павловой // Нсизданный Федор Сологуб. С. 7—188.

хронологической последовательности и со сквозной нумерацией в пределах каждой тетради записывались стихотворения. В тексты вносились правки, а затем стихотворение переписывалось на отдельный лист (в дальнейшем оно могло также подвергаться изменениям). Стихотворения 1926—1927 гг. сохранились в цельных тетрадях.

На полях рукописей имеются авторские маргиналии и пометы о передаче текстов для публикации в издательства и в повременные издания. В отдельных случаях автографы подписаны псевдонимами или криптонимами. Верхний слой автографа, как правило, соответствует нижнему, исходному слою текста машинописи.

Одновременно с «Материалами...» поэт вел авторскую библиографическую картотеку стихотворений (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 545—547): в алфавите первой строки (картотека 1) и в хронологической последовательности текстов (картотека 2). В авторской библиографии он последовательно сохранял разделы ненапечатанных текстов (в алфавитном и хронологическом каталоге стихотворений). Работу над «Материалами к полному собранию стихотворений» Ф. Сологуб продолжал на протяжении всей творческой жизни.⁵

В данную подборку включены все выявленные законченные неопубликованные поэтические произведения Ф. Сологуба 1878—1889 гг., а также отдельные стихотворные тексты, реконструированные по черновым наброскам. Они составляют приблизительно пятую часть всего корпуса его неизданных стихотворений. Большинство из них, по-видимому, поэт не предполагал когда-либо напечатать — вследствие их юношеской наивности, художественной незрелости или незавершенности. Однако для исследователей поэтического творчества Ф. Сологуба и истории русской поэзии первые стихотворные опыты выдающегося мастера представляют несомненный интерес. Они дают богатый материал для изучения его поэтической «генетики», творческой эволюции, особенностей индивидуальной манеры, позволяют «навести мосты» между рифмованными строчками Феди Тетерникова и лирикой Федора Сологуба, а также его современников и предшественников.

Поэтический дебют Ф. Сологуба состоялся в 1884 г.: в журнале «Весна» (№ 4. 28 января) было напечатано его стихотворение «Лисица и Еж», подписанное: *Те-рников*. Еще два стихотворения были опубликованы после пятилетнего перерыва, в 1889 г., в еженедельнике «Свет»: «Детское пенье» («Я слушаю детское пенье...») (№ 120. 28 мая; подпись: *Ф. Тетерников*) и «Я полюбил. Мечтою чистой...» (№ 138. 20 июня). Систематически на страницах периодики имя Ф. Тетерникова стало появляться с 1890 г.

Публикуемые стихотворения (221) были написаны в годы обучения поэта в Санкт-Петербургском учительском институте (1878—1882) и в период его учительской службы в провинции: в Крестцах Новгородской губернии (1885—1884) и Великих Луках (1885—1889). Их численность приближает к реальности наше представление об интенсивности версификаторских упражнений и его раннем творчестве в целом. Многие тексты

⁵ Материалы авторской библиографии Ф. Сологуба были использованы нами в издании: Библиография Федора Сологуба. Стихотворения / Сост. Т. В. Мисникевич; Под ред. М. М. Павловой. М., 2004.

содержат бытовые и жанровые зарисовки, сюжеты из повседневной жизни и рассказы об интимных переживаниях юного Ф. Сологуба, вносят дополнительные штрихи в уже известные обстоятельства биографии и тем самым расширяют наши знания о молодых годах поэта.

Тексты печатаются по оригиналам в хронологической последовательности их написания. Стихотворения датированы на основании данных, содержащихся в автографах, авторизованных машинописных копиях (машинописях) и в авторской библиографической картотеке. Разночтения в датировках оговариваются в примечаниях. Если картотека фиксирует более ранние даты написания, чем те, которые указаны в источнике текста, они приводятся под стихотворением безоговорочно; если картотека указывает на более поздние даты написания текста, не зафиксированные в автографах и машинописях, — они приводятся в примечаниях. Топографические сведения воспроизводятся под датой, сокращенные названия раскрываются без редакторских скобок.

Для творческой манеры Ф. Сологуба характерно многократное обращение к тексту произведения. Поэт стремился сохранять все имевшиеся варианты строк и учитывал все самостоятельные редакции и варианты. Как правило, первоначальный автограф правился и переписывался, потом перепечатывался на машинке. В машинописный текст поэт вновь вносил исправления и затем воспроизводил его набело по верхнему слою. Приблизительно треть текстов в «Материалах к полному собранию стихотворений» содержит восстановительную правку, фиксирующую предшествующие варианты и редакции текста.

В данную публикацию включены все самостоятельные редакции стихотворений (редакции поэм в подборку не вошли вследствие их большого объема). В корпусе текстов за 1878—1889 гг. самостоятельные редакции выделяются преимущественно по двум признакам: по наличию существенных изменений в семантике текста (сюда отнесены и случаи переадресовки); по объему построчной правки, превышающему 50 % текста (формальная правка, не повлекшая существенных изменений в содержании текста, не учитывалась). Редакции стихотворений с одной авторской датировкой помещены под одним номером с дополнительными литерами «а, б, в...». Стихотворения, имеющие опубликованные редакции, а также редакции с несовпадающими датировками, отмечены астериском (*).

В примечаниях содержатся: текстологическое указание «Печ. по...», то есть сведение о местоположении автографа в основном собрании (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 1—38) — единица хранения и лист; далее приводятся варианты заглавия, первого стиха библиографической картотеки, разночтения в датах автографа, машинописи и картотеки, варианты текста, датировки отдельных строф и стихов автографа и машинописи, авторские пометы с указанием источника (автограф, машинопись, картотека). Сокращенные написания фамилий лиц, названий газет, журналов, альманахов и издательств в авторских пометах раскрываются без редакторских скобок, когда их прочтение не вызывает сомнений (сокращенные написания на автографах, машинописях и карточках вариативны).

При комментировании стихотворных текстов особое внимание уделялось биографическим мотивам и реалиям, толкование которых требует

специальных разысканий. Исторические персонажи и события, мифологические и литературные герои и сюжеты прокомментированы избирательно, преимущественно в тех случаях, когда без пояснений было бы невозможно выявить неочевидный смысл текста. Комментарий к реальным лицам, встречающимся в текстах Ф. Сологуба, дается при первом их упоминании. Сведения, сообщенные в авторских пометах, требующие пояснений, комментируются при первом их упоминании, в том числе сведения об отсылке текста для несостоявшейся публикации в те или иные издания. В отдельных случаях приводятся коннотации поэтических текстов Ф. Сологуба со стихотворениями русских поэтов (некоторые из них выявлены И. С. Тимченко).

Все стихотворные произведения печатаются по правилам современной орфографии и пунктуации (за исключением немногих случаев, когда исправление могло привести к нарушению художественной целостности текста), с сохранением отдельных особенностей авторской пунктуации.

Список принятых сокращений:

- АМ* — *Сологуб Федор*. Алый мак. Книга стихов. М.: Московское книгоиздательство, 1917.
- БВ* — газета «Биржевые ведомости» (Санкт-Петербург).
- БП* — *Сологуб Федор*. Стихотворения / Вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания М. И. Дикман. Л.: Сов. писатель, 1979 (Библиотека поэта. Большая серия); переиздание: СПб.: Академический проект, 2000 (Новая Библиотека поэта).
- Ежегодник* — *Сологуб Федор*. Цикл «Из Дневника» (неизданные стихотворения) / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб.: Академический проект, 1993. С. 109—159.
- ЖО* — журнал «Живописное обозрение» (Санкт-Петербург).
- ИМ* — журнал «Иллюстрированный мир» (Санкт-Петербург).
- Канва* — *Сологуб Федор*. Канва к биографии // Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 250—260.
- КД* — *Сологуб Федор*. Костер дорожный. Пг.: Творчество, 1922.
- КН* — журнал «Книжки Недели» (Санкт-Петербург).
- НС* — *Сологуб Федор*. Неизданные стихотворения 1878—1927 гг. / Публ. М. М. Павловой // Неизданный Федор Сологуб. С. 7—179.
- ПЖ* — газета «Петербургская жизнь» (Санкт-Петербург).
- ПК 1908* — *Сологуб Федор*. Пламенный круг. Стихи, книга восьмая. М.: Изд-е журнала «Золотое руно», 1908.
- ПК 1922* — *Сологуб Федор*. Пламенный круг. Стихи. Берлин; Пб.; М.: Изд-во З. И. Гржебина, 1922.
- Пауэр* — *Сологуб Федор*. Неизданное и несобранное. Сост. Г. Пауэр. München, 1989. («Slavistische Beiträge». Bd. 245).
- СВ* — журнал «Северный вестник» (Санкт-Петербург).
- ССС I, V, IX, XIII, XVII* — *Сологуб Федор*. Собрание сочинений: В 20 т. СПб.: Сирин, 1913—1914: Т I: Лазурные горы. Стихи (СПб., 1913); Т. V: Восхождения. Стихи (СПб., 1913); Т. IX: Змеинные очи. Стихи

- (СПб., 1914); Т. XIII: Жемчужные светила (СПб., 1913); Т. XVII: Очарования земли. Стихи 1913 года (СПб., 1914).
- ССт.* — *Сологуб Федор*. Собрание стихов. Книга III и IV. 1898—1903 г. М.: Книгоиздательство «Скорпион», 1904.
- ССШ I, V, IX* — *Сологуб Федор*. Собрание сочинений: В 12 т. СПб.: Шиповник, 1909—1911: Т. I (СПб., 1909); Т. V (СПб., 1910); Т. IX (СПб., 1910).
- Ст. I* — *Сологуб Федор*. Стихи. Книга первая. СПб., 1896.
- Тени* — *Сологуб Федор*. Тени. Рассказы и стихи. СПб., 1896.
- Черносвитова* — *Черносвитова О. Н.* Материалы к биографии Федора Сологуба / Публ. М. М. Павловой // *Неизданный Федор Сологуб*. С. 221—249.

ФЕДОР СОЛОГУБ
НЕИЗДАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ 1878—1889 годов

1878

1

Льются по комнате звуки рояли,
А под окошком шарманка визжит.
Барыня с барышней морщиться стали.
— Бросить монетку, — пускай замолчит! —

Музыкой стали опять наслаждаться,
И со двора уж шарманщик ушел.
Ведь над шарманкою станет смеяться
Даже и тот, кто не глуп и не зол.

Ну, а об том, кто с шарманкой блуждает,
Чтобы голодных детей воспитать,
Кто из хороших господ вспоминает?
Им нищеты никогда не понять.

21 апреля 1878

2

Стой, солнце, и не двигайся!
Одумайся, родимая страна!
Ты язвами покрыта вся.
Или тебе погибель не страшна?

Взгляни в поля, родимая,
И посмотри на гибнущий народ:
В поту, как вол, работая,
Он падает под бременем невзгод.

Встречая лишь презрение
За свой страдальческий и скорбный труд,
Толпы народа нищего
К последнему пристанищу идут.

Ослеплена страна великая
Хвалебным дымом радостных побед
И жалкими заплатами
Чинит кой-как ошибки прежних лет.

4 июня 1878

3

СОН

Я видел сон: волшебная, святая,
С прелестною поникшей головой,
Каким-то тайным недугом страдая,
Она неслася предо мной.

Тяжелый острый меч в руках прелестной
Обильно кровью вражьей обагрена,
И девы взор пленительный, небесный
Немой враждою притуплен.

Давя в ногах беспомощные силы,
Оковами врага себя сковав,
И на чело подъяв печать могилы,
Спешит, путь гибельный избрав.

Под гром восторженных рукоплесканий
Спешит к бездонной пропасти она,
И перед ней полна воспоминаний,
Победами опьянена.

Я видел язвы ран глубоких, знойных,
Я на нее с презрением посмотрел,
Но, заглянувши в сердце девы стройной,
О заблужденье пожалел.

20 июня 1878

4

Ну, тащися, сивка,
Улицею грязной!
Мы с тобой наездимся
В этот день осенний.
Еще рано. Хмурится
Небо сизой тучею.
Непролазной грязи
Всюду видны лужи.
Скучно в эту непогодь!
Ну, тащися, сивка!
Вместе мы с тобою
Бьемся из-за едева.
Мне глядеть невесело
На заборы длинные,
На дома угрюмые,

На людей нахмуренных.
Слушать мне невесело
Ветра вой осеннего.
Шум дождя немолчного.
Ну, тащися, сивка!
Поднялись мы с сивкою
Рано-рано до свету,
И собирать отправились
Мы с тобою денежки.
Ну, и протаскаемся
Мы до поздней ночи,
И домой воротимся
Впроголодь, усталые.
Накормлю тебя я
Скудною едою,
Да водою мутною
Напою сивку.

21 октября 1878

5

К ГОСПОДУ БОГУ

В подвале, где плесень сырая
Покрыла стены и свод,
Девочка больная
Мать свою ждет,

Вздыхает,
И грустно глядит на окно,
Что в темном подвале мерцает,
Как светлое в тучах пятно.

Девочка мечтает
Про волю, счастье и свет,
Про все, что далеко блуждает,
Чего здесь нет.

Бог знает, есть ли где, нет ли, —
Ей трудно и больно дышать.
Скрипнули ржавые петли,
Вернулась усталая мать.

Весь день в работе томилась
Она тоской,
А вечером торопилась
К дочке больной.

И дочь улыбнулась, сказала: «Милая,
Мама моя!
Заем ты унылая?
Была я больная, хилая,
Умру, — буду счастлива я!

Ты, мама, работаешь много,
И ты будешь больна;
Но есть другая дорога,
К богатству приводит она.

Соседка вчера мне сказала:
„Красавица может всегда,
Лишь только б она пожелала,
Пожить без забот и труда”.

А ты красивая, мама,
Не знать бы тяжелых работ,
Жить бы, как знатная дама,
Жить бы, как царица живет!

Зачем работою
Себя томить?
Умру я, — простишь с заботою,
Чтоб весело горе забыть!»

И вдруг, травка, косой подкошенная,
Упала дочь,
Стояла безмолвная мать, утомленная.
Темнела осенняя ночь.

Крепла дума унылая,
А дочь лепетала в бреду:
«Не плачь, мама! не плачь, милая!
Я к Господу иду!»

7 ноября 1878

1879

6

Каждый год неукоснимо
Повторяет это мать:
Воскового херувима
С освященной вербы снять,

И сказать мне улыбаясь:
— Раздевайся и ложись! —
И стегать меня, стараясь,
Чтобы слезы полились.

Тот обряд она свершает
В понедельник на Страстной,
И, смеясь, повторяет
Те же шутки надо мной:

— Верба бела, бей до тела,
Верба хлест, стегай до слёз,

Чтоб учился и за дело
Принялся молокосос!

3 апреля 1879

7

Новому Году навстречу
Я посылаю проклятья:
Смело бросались в сечу
Прежде свободные братья,

Смело сражались за счастье,
Славу, и честь, и свободу,
Но непонятною властью
Скованы руки народу,

И пропадают усилья,
Гибнут могучие люди,
Стонут в сознание бессилья
Все благородные груди.

20 декабря 1879

1880

8

АПОСТОЛУ

Где нужнее здоровые силы,
Где нужней молодая любовь,
Там найдешь ты, апостол, могилу,
Там прольешь ты горячую кровь.

Ты с глубокою верою в Бога
И с надеждою выйдешь в свой путь.
Настрадается сильно и много
Эта любвеобильная грудь,

И в душе, обливаемой кровью,
Оборвется тогда не одна,
Прозвучавшая вечной любовью,
Беспредельной любовью, струна.

Но над трупом твоим охладелым
Много крови прольется и слез.
Не умрет над безжизненным телом
Роковой и великий вопрос.

Чрез туманы и бури сияя
В продолжение многих веков,
Пока ходит земля молодая
В мираадах небесных миров,

Не исчезнет твой образ прекрасный,
Он в народных сердцах оживет,
И на подвиг святой и опасный
Молодые сердца призовет.

26 февраля 1880

9

Что же, муза ты обманная,
Не сама ль ты, богоданная,
Напевала, помнишь, мне
О святом твоём огне,
Об огне твоём живительном
И волшебном-упоительном!
Где же твой небесный жар?
Что же твой роскошный дар?
Истомила ты, проклятая,
Обещаньями богатая,
Душу страстию сожгла,
Рой мечтаний привела,
И смеешься ты, прелестная,
Ты, развратница небесная!

12 марта 1880

10

...Как дитя,
Ты углов боишься темных.
Вся ясна ты и светла,
Лучезарной красотою
И невинностью мила.
Все в тебе так чародейно
И ласкает, и манит:
Бело-трепетные плечи,
Алость нежная ланит,
И коралловые губы,
И лазурные глаза.
С головы, как смоль чернея,
Вьется пышная коса.

23 марта 1880

11

ВЕНЧАНИЕ

Перед налоем в час венчанья
Жених с невестой молодой.
Она вся вера и молитва,
А он холодный и немой.
Невинным взором упованья
Она на лик Христа глядит,

А у него на сердце битва
Не умолкает и кипит.

Она невинностью прелестной
И детской радостью полна,
А у него на сердце злоба
Встает, как мощная волна.
Исполнен радостью небесной,
Пред нею новый мир встает,
А он холодной тени гроба,
Покая вечного он ждет.

Он сердце, полное страданий,
Отравы полное, принес
На тот алтарь, что так прекрасно
Ты убрала венками роз.
Молитвы светлых упований,
Молитвы детской чистоты,
Поверь, возносишь ты напрасно
К престолу вечной красоты.

Любви и счастья ты не встретишь,
А он, холоден и угрюм,
Он изнемог под ношей темной
Невыносимо-тяжких дум.
В чертах безжизненных заметишь
Ты призрак счастья своего,
Его же горе так огромно,
Что не тебе целить его.

25 марта 1880

12

В моем кармане смялась пачка папиросок.
Не в том беда, а в том, что их сыскала мать.
Допрос недолгий был, потом две связки розог,
Раздела догола и начала стегать.

— Еще мальчишка ты, тебе вредит куренье, —
Учила так меня, — Не смей курить, сынок. —
И долго длилось жестокое сеченье,
И долго проливался слез моих поток.

И наставления так ласково звучали,
А розга каждая меня жестоко жгла,
И часто в воздух пятки голые взлетали, —
Так бился я, что мать смеяться начала.

И наконец-то высекла, и отпустила,
Сказала мне она: — Смотри же, не дури!
Тебя слегка сегодня только поучила,
Жестоко выдеру, лишь только закури! —

Но к табаку совсем уж нет во мне влечения,
На папиросы стыдно мне теперь глядеть.
Не стоят эти папиросы, чтоб мученье
Такое мне за них опять пришлось терпеть.

11 апреля 1880

13

ПРИРОДА И Я

Весна. Какая благодать!
Щебечут птицы, льются воды,
И все бегут на зов природы
В ее объятьях отдыхать.
Все полно жизни и движенья,
И любит все, и все цветет.
Поэт в волшебном упоеньи,
Как птица певчая, поет.

Но этот город многолюдный
Не отвечал на зов весны.
Заботой мелочной и трудной
В нем люди бледные полны.
Одно могучее желанье:
Им надо есть, и много есть!
И все приносится в закланье,
И правосудие, и честь!
Не умолкают шум и грохот,
И ходят пыли облака,
И всюду нищих вечный ропот,
И всех гнетущая тоска.

Таков и я. Ликуют люди,
И наслаждаются весной,
И вешний воздух в каждой груди
Кипит широкою волной.
А я, как узник одичалый,
Прикованный к стене сырой,
Стою, измученный и вялый,
Не откликаюсь, усталый,
На призыв жизни молодой.

3 июня 1880

Вечер. Летний сад

14*

Смолкнет волнение сечи,
Скучно мне, — жажду я битвы,
Только о ней-то и речи,
Только о ней и молитвы.

Вспыхнет ли сеча, клянусь я
Мрачные ужасы битвы;

Сердцем усталым тоскую,
Миру слагаю молитвы.

Смел я и честен с собою,
Меч мне, — и брошуся в битву.
Стану пред вражьей толпою, —
Только читаю молитву.

Смехом смеются над мною
Те, что в борьбе терпеливы.
Дома со страхом, с тоскою
Бурные видят порывы.

Будто бы скованы руки,
Падает меч мой со звоном.
Битвы неистойвой звуки
Скорбным приветствую стоном.

25 июня 1880

Михайловский сад. Вечер

15

НАДЕЖДА

Темна житейская наука
Душе, отравленной тоской,
Но, верь, смешна, друг милый мой,
Твоя младенческая мука.
Мечтатель в наш суровый век
Нигде отрады не находит;
Черна та мгла, в которой бродит
Нам современный человек.

Поверь, не стоит он участия.
Навек закрыта для него
Вся прелесть мира твоего,
Вся сладость девственного счастья.
Нетерпеливо он не ждет
Освободителя-пророка,
Идущий к гибели народ,
Опутанный сетями порока.

Свободы, счастья и любви
Ему дороже звон металла,—
Сердца другие ты лови,
Что битва жизни не измяла.
Призыв к труду они поймут,
Призыв из мрака в свет свободы,
И в лоне нового народа
Жизнь обновленную найдут.

13 июля 1880

На гулких мостовых подобран он ребенком,
 Он худ и бледен был, и мал,
 И названный отец, как своего лелея,
 Его для жизни охранял.
 Любил он мальчика горячею любовью
 И много говорил он с ним,
 Картины страшные насилия рисуя
 Перед сознанием молодым.
 Со светлою душой ребенок развивался,
 Любя добро, борясь со злом,
 Готов он был один бороться с целым миром
 Своим карающим мечом.
 И юношею в битву бросился он смело,
 Его благословил отец;
 Они, проклятьями осыпанные, оба
 Нашли себе один конец.
 Отец лежал в крови, недвижим и спокоен,
 Насквозь пронизанный мечом,
 А юный сын и мертвый полн негодованья,
 И оба ко врагу лицом.

18 июля 1880

Вечер, возвращаясь из Михайловского сада

СМЕРТЬ

Я видел смерть перед глазами:
 Она явилась предо мной,
 Когда безумными мечтами
 Я упивался и стихами
 Хвалил паденья стыд и зной.

И прямо мне она в глаза глядела,
 Смеялась, в даль таинственно звала,
 Как меч, над головой моей висела
 И, как невеста, ласкова была.
 Она мне грудь стеснила грустью черной
 И ласками утешила меня,
 И взор ее, томительно-упорный,
 Во тьме горел, мне душу леденя.

Преодолеть очарованья
 Я, обессиленный, не мог,
 И, полон странного желанья,
 Склонился я у милых ног.
 Но не вняла она моленью, —
 Она покинула меня,
 Исчезнув призрачною тенью
 В сияньи радостного дня.
 Но, исчезая, наложила

Мне на чело свою печать:
Я знаю, — ждет меня могила,
Да не хочу я умирать.

Когда являлась ты, была отрадна
Могила темная душе больной,
Но ты была глуха на призыв жадный.
Я жить хочу, а ты передо мной!

Душа больная исцелилась,
Исчезла темная тоска,
Надежда светлая явилась,
И сердце радостно забилось, —
А смерть холодная близка!

20 июля 1880

18

ИЗ «ЭДДЫ»

Отрывок

ВОЛУ-СПА

Дочь могучему Одину,
За пределами веков
Вижу я земли кончину,
Помрачение богов.
Братья в битве меж собою
И смеются над родством.
Мир наполнился бедою,
Тяжело живется в нем.
Век упадка, век разврата,
Век меча и бури век, —
От разгневанного брата
Погибает человек.
Нет прощенья, нет пощады,
Нет спасающей любви.
Полон мир тоски и смрада,
Тонет он в своей крови.
Воют волны океана,
Пламя злобствует в лесу...

Начало августа 1880

19

ПРОШЕДШЕЕ

Мы с ним встречались, как братья,
Как неизменные друзья;
Я раскрывал ему объятья,
Его с любовью слушал я,
И оживал мой ум угрюмый,
И другу поверял я думы,

Надежды, страсти, и мечты,
И впечатленья красоты.
Ошибся я. Его ничтожность
Я понемногу узнавал;
Тогда свою неосторожность
Я, как безумный, проклинал.
Не понял он души правдивой,
Он чистой дружбой пренебрег,
Да ум его, к страстям ленивый,
И оценить ее не мог.
Мне в нем казался чуть не гений:
В его растрепанных кудрях,
В его приглаженных стихах
Я видел пламя вдохновений;
Его надменное чело
Казалось ясно и светло;
И взор холодно-величавый,
Слегка насмешливый, пленял:
Казалось, будто отблеск славы
Над головой его сиял.
Но время шло: пришла развязка,
С его лица упала маска,
Под ней знакомые черты,
Стереотипно-безразличны,
Пожалуй, даже и типичны,
Как воплощенье пустоты.

8 августа 1880

20

НАСТАВЛЕНИЕ

«О, скажи мне, неофит,
Не моя ли лучше вера?» —
Так датчанину епископ,
Торжествуя, говорит.
«Бей смелее истуканов,
Что слиты из серебра:
Серебро ведь пригодится
Для супруги и двора.
Лучше сделай украшенья
Для себя и для своих;
Коль железные, для них
Тоже есть употребленье.

Ты отдай их кузнецу,
Чтобы он наделал плугов;
Пусть трудятся земледельцы,
Вознося хвалу Отцу.
Бог наш — истина и правда,
Поклоняйся ж ты ему
И стремися в свет познания,
Презирая сердцем тьму.

И наделай из Зевеса
Ты себе печных горшков,
Подложи под ними дров,
На которых жертвы бесу

Жег в язычестве твоём:
Пусть его объемлет пламя,
Как в аду объемлет бесов
Несгорающих огнем.
И Нептуна в бездну моря
С берегов твоих спусти:
На земле морскому богу
Нет пристойного пути.
Как прилично церкви сыну,
Нашу церковь почитай
Да прилежней отдавай
В нашу пользу десятину».

14 августа 1880

21

Что за перемена?
Что с тобою случилось,
Милое дитя?
Не поешь, как прежде,
Беззаботных песен,
Мечешься, грустя.
Видно, стало душно
Беззаботной птичке
В клетке золотой.
Хочется на воле
Поиграть беспечно
С радостной весной.
Видно, надоело
Ничего не делать,
Красотой блистать.
Рвешься ты на волю,
И решетку клетки
Хочешь разломать.
Заронились в душу
Золотые думы
О святом труде,
О полезной жизни,
О бедах народа,
О его нужде.
Что же ты горюешь
И сидишь безмолвно,
Плача и грустя?
Уходи на волю,
Ты ведь уж созрела,
Ты уж не дитя.

23 августа 1880

Все так же ненастно и темно,
 Повсюду болото одно,
 И бедное, робкое сердце
 Все тою же тьмою полно.
 На небе звезда загорелась.
 Как ярко она ни гори,
 Ведь ею не сменишь, как прежде,
 Веселое пламя зари.
 В душе зародились думы,
 Мечты зароились вновь,
 Да что в них? Они не согреют
 Остывшую в сердце любовь.
 Я вспомнил святые заветы,
 Которым давно изменил, —
 Суровым и строгим укором
 Мне голос Учителя был.
 Когда-то с горячей любовью
 Я этим заветам внимал,
 Теперь леденящим проклятьем
 Возвышенный голос звучал.

7—8 сентября 1880

Мне почудилась она
 С лаской нежною и лепетом, —
 Грудь желанием полна
 Всколыхнулась нежным трепетом.

Думы, звуки и мечты
 Наполняют сердце знойное,
 Полны чудной красоты,
 Полны страстью беспокойною.

Все чарует и манит,
 Все полно очарования,
 Краска девственных ланит,
 Белой груди колыхание.

Брови черною дугой
 Пораскинулись над глазками,
 Взор горячий, огневой,
 Губки с трепетными ласками.

12 сентября 1880

СПб. Пятница. Учительский институт

Шел я угрюмый, —
 Ты у ворот.

Радостной думой
Сердце цветет.

В красках румяных
В небе пурпурном
Запад сиял.
Взор твой приветный
Тихим восторгом
Грудь наполнял.

Все в тебе стройно,
Тихо да ясно,
Все так спокойно,
Все так прекрасно!

Словно на ниве
Зреет весною
Хлеб золотой,
Зреет и в сердце
Юном и чистом
Дар неземной,

Дар благодатный
Жизни духовной
И всеобъятной
Силы любовной.

Боже! над нею
Мрачные тучи
Пусть не гремят!
Пусть не узнает
Юное сердце
Горьких утрат!
Пусть этой жизни
Мирен и ясен
Будет закат!

27 сентября 1880

25

Я вспомнил повесть давних лет:
Под небом Индии прекрасной
Гонимый пария-поэт,
Томясь всю жизнь тоской напрасной,
Печаль души наивно-страстной
В стихах высоких изливал.
Над ним брамин седой смеялся,
Над ним ремесленник ругался,
Бессильный злобу вымещал,
И воин мимо шел с презреньем,
Боясь его прикосновеньем
Свою одежду запятнать.
За слишком смелые проклятья
Его свои же гнали братья,

Страшася сильных раздражать;
И сторонилися в тревоге,
Когда он шел по их дороге,
Родной отец, родная мать.
Не находя ни в ком участия,
Он по земле родной бродил,
И солнца зной, и шум ненастья
В открытом поле выносил.
В его груди кипела злоба,
Неукротима и дика,
И наконец его тоска
Его замыкала до гроба.
Но дружеской рукою он
В огне священном не сожжен.
В степи глухой, где, умирая,
В предсмертных муках он страдал,
С лицом открытым он лежал,
Под знойным солнцем истлевая.
Волков на труп сбиралась стая,
Дрались гиена и шакал,
Но скрылися, орла почуя,
И он, добычу торжествуя,
Глаза потухшие клевал
И грудь холодную терзал.

30 октября 1880

26

Я не слагал горячих стансов
Красивым женщинам, романсов
В угоду им не сочинял,
И по ночам, с тоской, прилежно,
У темных окон не вздыхал,
Томяся страстью безнадежной;
Ни девы ветреной и нежной,
Ни зрелых женщин не любил.
Нельзя сказать, чтоб ненавидел,
Но я их очень мало видел,
И с ними слишком скромн был.
И то сказать, — я мало жил.
Но позавидуешь невольн
Иным, счастливейшим, порой,
И как-то трепетно и больно
Стремишься юною душой
К союзу с девой неземной.
В мечтах бесплодных, вечно новых,
Томительно проходят дни,
И тяжким гнетом дум суровых
Ложатся на душу они.
Меж ними я в душе ласкаю
Одну прекрасную мечту,
Давно с тоскою призываю
Ее любовь и красоту.

Горда, упорна и прекрасна,
Она является порой,
Но встреча с девой молодой
Одной безвыходной, напрасной,
Всегда кончается тоской.
Когда в порыве вдохновенья
Увижу музу, в сердце вновь
Проснется страстное волнение,
Негодование и любовь.
В уме картины тяжелой муки,
Проходит повесть трудных лет,
В груди рыдающие звуки
Кипят, — но им исхода нет.
Для мысли смелой и свободной,
Для воплощенья дивных снов
В душе незрелой и холодной
Не нахожу я верных слов.

30 декабря 1880

1881

27

Ужасно видеть, как тиран
Своих детей гнетет и мучит,
Как он гонением обман
Вселяет в них и злобе учит,

Как беззащитное дитя
Страдает молча дни и годы,
В душе забитой укротя
Призывы страстные свободы.

Но буря губит не всегда,
Да и пускай она бушует, —
Борьба возможна иногда,
И над обломками труда
Хоть кто-нибудь да негодует.

Опаснее, чем океан,
Гнилое, мерзкое болото,
И беззаботности обман
Страшней, чем строгая забота.

Сырое, злое баловство,
Ты — равнодушная завеса,
И мать им портит своего
Сынка, ленивого балбеса.

Родителям-то как же быть
Для пользы дочери и сыну?
Иль угнетать, иль развратить?

Умейте же соединить
Свободу им и дисциплину.

Семья счастлива, если нет
В ней ни тиранства, ни уступок.
Свободно действуй, но ответ
Держи за каждый свой поступок.

6 июня 1881

28

С запретного куста цветок сорвала.
Садовник зоркий на нее ворчит:
«Сама ведь роз не трогать приказала!»
Она пред ним смущенная стоит,

А он: «Для именин мамы вашей
Вы приказали розы сохранять,
И тронет кто, — березовую кашей
Велели вы на месте угощать.

Ложитесь на траву! Исполнить надо
Приказ ваш, барыня, без лишних слов!»
И розог свист раздался в сенях сада,
И барыни виновной визг и рев.

24 октября 1881

29

Он красив, как херувим
Восковой, тот, что на вербе,
Ну, а в душу поглядим, —
Все приятное в ущербе.

Он завистлив, глуп и зол,
Никому добра не хочет,
Много денег приобрел,
И о деньгах все хлопочет.

И улыбка так мила,
И глаза умильно-сладки,
Но зато его дела
Отвратительны и гадки.

25 октября 1881

1882

30

Перед классною доскою
Я стою, попал в тупик.

Единицы нынче стою,
Хоть прилежный ученик.

Ничего-то я не знаю,
Что и знал, то позабыл,
И напрасно вспоминаю,
Что из лекций ухватил.

Сент-Илер моим молчаньем
Был немало удивлен.
Что учусь я с прилежаньем,
Был давно он убежден.

«Ну, садитесь!» — уныло
Он с досадой проскрипел.
Стало все тогда постыло,
Я на место молча сел.

Вечер был потом печальный.
Сент-Илер к себе привел.
За поступок непохвальный
Был урок весьма тяжел.

Капитон мне очень больно
Тридцать розог отсчитал.
Я крепился, но невольно
Заметался, закричал.

Все лицо потом горело,
Был я красен, как кумач,
Но кому какое дело,
Хоть засмейся, хоть заплачь.

«Сент-Илер пробрал вас, видно?» —
Лопачев спросил потом.
Мне признаться было стыдно,
Бормотал я: «Ни по чем!»

Так пилил, что просто ужас!
Уж умеет в пот вогнать!»
Засмеялся я, натужась,
Чтоб о розгах не сказать.

24 января 1882

31

Парный воздух, гам и мгла.
В шайки звонко брызжут краны.
Всюду голые тела,
И огни сквозь пар багряны.

Что же мне от наготы!
Коль пришел, так надо мыться.
Руки делом заняты,
А глазам чем насладиться?

Вот сюда бы голых баб,
Чтобы все их обнимали,
И старик бы не был слаб
И забыл бы все печали,

Чтоб нагая и нагой
Телом к телу прижимались,
Под веселою игрой
Чтоб скамейки сотрясались.

Но все очень тускло тут,
Все полно всегдашней скуки,
И безрадостные трут
По телам мочалкой руки.

1 февраля 1882

32

Охотно напишу вам стансы.
Мне не просиживать ночей,
Чтоб для красавицы моей
Иль для насмешливых друзей
Свои вымучивать романсы.
Художник вереницу тем
Для ненаписанных поэм,
Как мать беременная носит,
И помощи ничьей не просит.
Я знаю, стоит мне присесть,
Да взять какую-либо тему
И преогромную поэму
Вам напишу я: рифмы есть,
И много их, — проказниц милых
Теснится шаловливый рой,
Как эльф под полною луной,
В чертогах пышных и унылых
Моей ленивой головы.
Им скучно там, поверьте вы,
И рвутся бедные на волю.
Так, чуя признаки весны,
Тоскует соловей в неволе
И рвется в блещущее поле,
В гнездо оставленной жены.
Поет он, грустный и унылый,
Томясь любовной вешней силой,
В томленьях тусклой тишины.
Поет, как тот, кто верит чуду,
Как тот, каким я вечно буду.

22 марта 1882

33

Вечерком мы опять соберемся
И на проводах старой весны,

Беззаботно беседуем мы,
И, как дети, счастливо смеемся.
Кто подумает, глядя на нас,
Что когда мы о детстве вспомянем,
Так нерадостен будет рассказ
И так много мы в детстве проклянем?

Кто подумает, слушая смех,
Что могучий родительский грех
Тяготит над тобой и над мною,
И над матерью нашей больною,
И что с детства привитый порок
Помышленьями нашими правит,
Что могуч он в душе и глубок,
И что счастье он наше отравит?

Наше счастье, — да где же оно!?
Эту весну мы ждали давно, —
Много лет мы ее поджидали.
Тихо, тихо года пролетали,
И настала святая весна,
И стоит перед нами она,
Упоительной страстью пылая,
Много, много в дали обеща.

Золотые надежды вдали,
А вблизи — наше старое горе.
Неужели, дитя, мы могли
Позабить его в вольном просторе?
Позабудь же скорее, дитя,
Неразумные, детские грезы, —
Не прожить нам с тобою шутя,
Нам с тобою достались слезы.

25 июня 1882

33а

Утомленные долгим трудом,
В нашей келье сойдясь вечерком,
Поцелуемся мы, обоймемся,
И, как дети, шумливо смеемся.
Кто подумает, слушая смех
Заразительно звонкий порою,
Что лежит и над нашей четою
Всюду вокруг торжествующий грех,
Что сердцами он нашими правит,
И что счастье он наше отравит?

Наше счастье — да прочно ль оно!?
Мы его дожидались давно, —
И весна наступила святая,
И стоит она, страстью пылая.
И надежды с весною пришли,
Но исчезло ли старое горе?

Неужели, дитя, мы могли
Позабыть его в вешнем просторе?
Неужель не заметили мы,
Что простор нам для счастья тесен,
И что в нем, как во мраке тюрьмы,
Не слышать примирительных песен.
Не забыла? и я не забыл.
Я, и радуясь, думал невольно
Обо всем, чем несчастлив я был,
Обо всем, от чего мне так больно.

25 июня 1882

34

В прошлом горечь есть и сладость,
Ласки свет и мрак обид,
И пленительная радость,
И живая боль, и стыд.

Вот открылась предо мною
Даль неведомых мне дней.
Что я сделаю с тоскою
Неотвязною моей?

Милый город я покину.
Неужели вдалеке
Я совсем душой остыну
В темной скуке и тоске?

Босоногим мальчуганом
Здесь блуждал я и мечтал,
Белым северным туманам
Грезы сердца я вверял.

А вернусь домой, да спросят:
«Где ты шлялся до сих пор?»
Вмиг мечты мои подкосят
Взор суровый и укор.

И придется вынести порку.
Что ж мне делать? как мне быть?
Не в мышиную же норку
Все мечты мои забить!

Пусть и дальше чередую
Розог ад и рай мечты
Беспощадною рукою
Будут, розные, слиты,

Только б сердце не томила
Эта серая тоска
И мечтаний не губила,
Безнадежно-жестока!

22 июля 1882

Когда пойду дорогой новой,
 Когда ошибки смутных дней
 Тоской и скукою суровой
 В душе измученной моей
 Вновь отзовутся, — сколько муки
 Мне будут стоять эти дни!
 Какие тягостные звуки
 Из сердца вызовут они!

А ныне праздно и беспечно
 Большую молодость гублю,
 И равнодушен бесконечно,
 И ничего я не люблю.
 Склоняясь пред силой тайной,
 Душа унылая слаба.
 Встает неразрешимой тайной
 Моя холодная судьба.
 Ее суровое течение
 Меня, как призрак тяготит,
 И разгадать ее значенье
 Ничто мой разум не манит.

27 июля 1882

Покрыты грязи переплесками
 Чрез улицу ведущие стези.
 Устланы кой-где переходы досками,
 Все ж вязнуть надобно в грязи.

Идут прохожие тихохонько,
 И по мосткам сырým скользят шаги.
 На перекрестках-то грязнехонько,
 И пачкаются сапоги.

А я, — мои привычки скромные, —
 Босой, не разбираю я дорог.
 Порою долетают брызги темные
 До верха покрасневших ног.

Отмыть нетрудно ноги голые.
 Насмешливых чего стыдиться слов?
 Забавны на мостках шлепки веселые
 По мокроте бегущих ног.

6 октября 1882

Печальная судьба рабов свободы ждет:
 Доколе юн еще и чист — освободитель,
 А в старости гнетет униженный народ,
 Народной вольности поработитель.

Поэт ли он? Он чтит свободы идеал,
 Он проповедовал о ненависти, мщеньи,
 Он в каземате за народ страдал,
 А в старости народу указал
 В тупой покорности властям спасенье,
 И пылкой юности твердил о всепрощеньи.

Простой ли гражданин? О нем не говорю;
 Он пред судьбою, как тростник прибрежный, гибок.
 Зовет он сердцем робким светлую зарю,
 Но не прожить ему без роковых ошибок,
 Ему, рабу судьбы своей, а не царю.

25 января 1883

С судьбою спорить нам напрасно,
 Перед судьбою каждый слаб.
 Переменяясь ежечасно,
 То деспот я, то жалкий раб.

Вот в классе я. Хоть босоногий,
 Но господин ученикам;
 Хоть молод, но учитель строгий,
 Гроза строптивым шалунам.

Быть им товарищем и другом
 Вон там, на улице, я рад.
 Здесь забавляюсь их испугом,
 И не прощаю им досад.

Но вот является на сцену
 Начальник строгий мой. Во мне
 Он вызывает перемену,
 Я перед ним иной вполне.

Душа от высоты мгновенной
 К привычным плоскостям бежит.
 Уже не деспот я надменный, —
 Исполню все, что он велит.

Власть человека развращает,
 Я знаю этот злой закон:
 Коли сильнее — угнетает,
 Коли слабее — угнетен.

25 апреля 1883

Как дух отчаянья и зла
Ты над душой моей стояла,
Ты ненавистна мне была,
Ты жизнь ребенка отравляла.

Я был беспомощен и слаб
И под ферулою твоею
Склонялся, гнулся я, как раб,
Душою юною моею.

И с каждым годом все сильней
Твоя могучая отравляла
В груди измученной моей
Кипела злобно и лукаво.

Я цепенел, я угасал,
Я тщетно к воле порывался —
И вот желанный час настал, —
С тобой я радостно расстался.

Твои приносят семена
В душе отравленные всходы,
И уж не кажется весна
Желанным праздником свободы.

Да, ты разбила жизнь мою,
Но я тебя не проклинаяю,
Я повесть скорбную твою
Душою чуткой понимаю.

И я узнал, что ты больна,
Что, может быть, ты угасаешь;
Быть может, ты лежишь одна,
Бессильна, мертвенно-бледна
И жизнь больную проклинаяешь.

12 июля 1883

40

Наконец-то купили мы счастье
Дорогою ценой!
Выносили мы бурю, ненастье
И палящий томительно зной,

Выносили бессонные ночи,
Когда плакали жаркие очи,
И в труде надрывалась грудь...
Миновали те дни роковые!
И невзгоды минувшие, злые,
Позабудь, милый друг, позабуди.

И пускай разбросало ненастье
Серебро по моей голове!

Мои кудри я отдал за счастье,
За минуту иль две.

24 августа 1883

Крестцы

40а*

Наконец-то добились мы счастья
Но какою ценой!
Выносили мы холод ненастья
И палящий томительно зной,

Выносили бессонные ночи,
Когда плакали жаркие очи,
И в труде надрывалась грудь...
Миновало тяжелое время!
Испытанья минувшего бремя
Позабудь, милый друг, позабудь.

Говоришь ты: «Промчались невзгоды,
Но оставили тягостный след,
И не смоют житейские воды
Отпечатков промчавшихся лет».

Милый друг! Не крушися напрасно,
Не мрачи опасеньем души.
Пока небо над нами так ясно,
Наслаждаться и верить спеши.

Если б снова порывы печали
О прошедшем тебя взволновали, —
Облегчи ты рыданиями грудь,
А потом, осушив свои глазки,
Расточая любовные ласки,
Поскорее ты их позабудь.

Не беда, что уж мы пред могилой:
Как река в водопаде полна
Наша жизнь ожиданьем и силой.
Нам и смерть не страшна.

И пускай разбросало ненастье
Серебро по моей голове.
Мои кудри я отдал за счастье,
За минуту иль две.

24 августа, 8 сентября 1883

Крестцы

41

Их суд, быть может, был и прав,
Так резко осудив мой нрав
Больной, тяжелый. Злоба века
Неотразима и сильна;

И правит волей человека,
Как деспот бешеный, она.
Но все ж сознаться в этом стыдно,
И больно думать и обидно,
Что много сил унесено,
И что моя живая нежность
Тобой подавлена давно,
О, — роковая неизбежность!

29 сентября 1883

Вечер. В постели

42

Побледнел твой облик ясный,
Отуманились глаза,
Но чиста, мой друг прекрасный,
Эта светлая слеза.

Я любви моей безмерной
Малый дар тебе принес,
Дар живой, нелицемерный,
И он стоит этих слез.

13 октября 1883

43

Забудь, прости и не люби,
Не негодуй, не возмущайся,
Бесцельно молодость губи
И словом правды не смущайся.

14 октября 1883

44

Речь про босняков зашла.
Услыхавши это имя,
Мать смеяться начала:
«Ты по слуху сходен с ними.

Ты ведь ходишь босиком
От весенних ранних почек,
И теперь я босняком
Буду звать тебя, сыночек».

14 октября 1883

45*

Я полюбил. Я грезой дивной
И очарован и смущен.
Любовью девственно-наивной
Мой путь суровый освещен.

Невинной, чуткою душою,
Дитя, меня пленила ты, —
И, как под яркою грозюю
Льют слаще запах свой цветы,
В душе, наполненной тобою,
Теснятся светлые мечты.

Но им предаться не могу я,
И милый образ твой, дитя,
Мечтою в сердце начертя,
Храню, беспомощно тоскуя,
И сомневаясь, и грустя.

Быть может, будет долго светел,
Как в день, когда тебя я встретил,
Твой облик милый и простой.
Но кто мне даст залог нетленный,
Что над душой твоей бесценной
Не воцарится гений злой?

31 октября 1883

46*

Где ты, моя Ариадна?
Бросишь ли мне свой клубок?
Я в Лабиринте блуждаю,
Я без тебя изнемог!

Есть переходы, но света
Нет, и не видно пути.
Гаснет мой светоч, и страшно
Мраку навстречу идти.

Жертв, здесь погубленных, тени
Передо мною стоят,
Страшно зияют их раны,
Гневно их очи горят.

Голос во тьме раздается
И заглушает их стон:
«Крови, неволи и мрака!» —
Требуется радостно он.

Светоч мой гаснет, слабея, —
Полон тревоги, стою,
И призываю на помощь
Мудрость и благость твою.

Где ж ты, моя Ариадна?
Где путеводная нить?
О, помоги мне скорее
Выход из мрака открыть!

7 ноября 1883

Саше Ф-у

У Бога жарко я молю
 Мое дитя, кого люблю
 Душой, к тебе небезучастной,
 Чтоб без проклятий и без слез
 Ты муки жизни перенес,
 И сохранил свой нрав прекрасный.

Чтоб с той же светлую душой,
 С какой стоишь передо мной,
 Ты шел бы счастлив до могилы.
 Но знаю я: суров наш рок...
 Тебя, прелестный мой цветок,
 Сомнут безжалостные силы.

И сгибнешь, мой ребенок, ты,
 Как гибнут нежные цветы,
 Когда их ранний холод сгубит!
 О, если доля так груба,
 Молю я, пусть тебя судьба
 Хоть на минуту приголубит.

10 ноября 1883

48

НА КОРНЮ

Ярко блещет безбрежное море,
 Тишина, на полях ни души,
 И колосья несжатого хлеба,
 Наливаясь, зреют в тиши.

По настилке дощатого моста,
 По щебенке дороги стуча,
 Мимо пашен, лугов и погоста
 Бричка мчит кулака-богача.

Едет он, пот с лица отирая,
 Мимо узкой полоски лугов,
 Где кипит уж работа страдная
 Истомленных жарой мужиков.

Старый коршун рукой закрывается
 И на поле с усмешкой глядит,
 Как от ветра в нем рожь колыхается
 И, как море под бурей, шумит.

В недоимках село обнищало,
 Мало ценится тягостный труд;
 Этот хлеб, как бы сердце ни сжало,
 Мужики на корню продадут.

Соберется гроза боевая,
Ополчаться народу велят,
И, родное село покидая,
В ближний город ребята спешат.

Все здоровые, рослые люди,
На подбор молодец к молодцу,
Соколиные крепкие груди,
И румянец живой по лицу.

Их везет, спотыкаясь, кляча,
Едут бодро они умирать,
Провожают до города, плача,
Молодуха и старая мать.

А потом, обливаясь слезами,
И с разбитой, усталой душой,
О, печальницы, вы сиротами
Уж одни возвратитесь домой.

Засверкают штыки боевые,
И подыметесь грозная рать,
Чтобы юные силы России,
Словно хлеб на корню, запродать.

13 ноября 1883

48a

НА КОРНЮ

Лучезарное летнее небо
Раскалилось, в полях ни души,
Шепчет нива несжатого хлеба,
Каждый колос налился в тиши.

Только белая шляпка мелькает:
Это — барышня рвет васильки,
И прилежной рукою сплетает
Для красивой головки венки.

Звонко, вольно и как-то отрадно
Песня птички какой-то летит.
Эту песню я слушаю жадно,
И в душе моей эхо звучит.

Забывается в свежем просторе,
Все, что душу томит и гнетет:
И людская неправда, и горе,
И судьбы неприветливой гнет.

«Золотишься ты, нива родная, —
Думал я, — для трудящихся рук».
Вдруг донесся ко мне, возрастая,
Приближаясь, трепещущий звук.

И, заслыша знакомые звуки,
Я смутился: так цепи гремят.
Вновь нахлынули думы и муки,
А мечты отступили назад.

По настилке дощатого моста,
По щебенке дороги стуча,
Мимо пашен, лугов и погоста
Бричка мчит кулака-богача.

И забота деревни родимой,
Нищетой и незнаньем давимой,
Вдруг мне вспомнилась злая опять:
Недоимку и подать собирать.

В недоимках село обнищало,
Мало ценится тягостный труд;
Этот хлеб, как бы сердце ни сжало,
Мужики на корню продадут.

Чтобы хлеба с родной десятины
До весны им хватило, мякины
Припасает голодный народ, —
А богатство к богатым уйдет.

То обычные старые траты,
Забывать мы привыкли о них;
Но иные, Отчизна, несла ты
Траты жизней и сил молодых.

Соберется гроза боевая,
Ополчаться народу велят,
И, родное село покидая,
Мужики в ближний город спешат.

Все здоровые, рослые люди,
На подбор молодец к молодцу,
Соколиные крепкие груди
И румянец живой по лицу.

Их везет, спотыкаяся, кляча,
Едут бодро они умирать,
Провожают до города, плача,
Молодуха и старая мать.

А потом, обливаясь слезами,
И с разбитой, усталой душой,
О, печальницы, вы сиротами
Уж одни возвратитесь домой.

Засверкают штыки боевые,
И подымется грозная рать,
Чтобы юные силы России,
Словно хлеб на корню, запродасть.

13 ноября 1883

Лучезарное летнее небо
Зноем дышит. В полях — ни души,
И колосья несжатого хлеба,
Наливаясь, зреют в тиши.

Как-то чисто, свежо и отрадно
С высоты чья-то песня летит,
И певунью я слушаю жадно,
И в душе отголосок дрожит.

Забывается в свежем просторе,
Что томило всегда и гнело:
И людская неправда, и горе,
И победою гордое зло.

13 ноября 1883

49

Многострадальная Россия,
Твоя судьба так тяжела,
Такие тучи грозовые
Она над нами собрала,
Что часто тягостным сомненьем
Томится угнетенный ум,
Давно измученный кипеньем
Запретных, но живучих дум.

Когда ты встанешь, торжествуя
В борьбе, которую ведут
Твоих сынов любовь и труд,
С насильем тягостным враждуя?
Или ошибки роковой
Ты до могилы не узнаешь
И неожиданной грозой
Своих врагов не покараешь?
Но, им послушная, детей,
Тебе несущих кровь и силу,
Враждой кровавою своей
Проводишь в раннюю могилу?

О, как их много, жертв святых!
Прославят наши их потомки,
Когда от зданий роковых
Одни останутся обломки.

21 ноября 1883

50

В тревогах жизни одинокой,
Увы! — достигнуть он не мог,
Чтобы тоски его глубокой
Потух зловещий огонек.

И, разгораясь с годами,
Росла ревнивая тоска,
И, как свинец, была тяжка.
Не за горами
Могила темная близка.

22 ноября 1883

51

Промчалась жизнь, как смутный сон,
И к гробу приближался он,
И часто думал: — Где ты, счастье? —
Безрадостен был жизни путь,
Как день осеннего ненастья,
И нечем юность помянуть.
Он не стоял перед грозой,
Он в бурях жизни не тонул,
Над ним промчался стороною
Весенних гроз могучий гул.
Он много видел. Юность вянет,
И сила гордая устанет,
И жаркая остынет кровь,
И смолкнет пылкая любовь.

23 ноября 1883

52

И под гнетом темных дум
Долго жил он одиноко,
Уносил высокий ум
От среды его далеко.

Неба ясного лазурь
Над тобой, родное поле, —
Дни жестоких, злобных бурь
Позабудешь поневоле.

И душа его тиха,
Как простор родного поля.
Нет в ней злобы и греха,
Для нее любовь и воля.

И головка на плечо
Пала бедная без стога.

Глубока и хороша,
Как в затишье море, —
Эта детская душа
С ложью вечно в ссоре.

23 ноября 1883

Жил в России властелин,
 Был он счастья достоин,
 Из владык почти один
 За престол он был спокоен.

Был он рыцарь, у него
 Был девиз: свобода.
 И народ любил его,
 Жил он для народа,

И народ свой верный знал,
 И в народе был уверен,
 И народ, владыке веря,
 Властелина обожал.

Но его сгубила злоба,
 Необузданная страсть,
 Не спасла его от гроба
 Императорская власть.

23 ноября 1883

Вспоминаю родную страну,
 Вспоминаю отеческий дом;
 В нем я комнату вижу одну
 С невысоким да узким окном.

Все в ней памятно: образ, и стол,
 И цветы на окне, и постель.
 От тебя я далеко ушел,
 Дорогая моя колыбель.

24 ноября 1883

Пал верблюду мой, а я изнемог,
 Десять дней я бродил, как шакал,
 И вокруг меня жгучий песок
 Пеленой бесконечной лежал.

Износились мои сапоги
 И упала одежда с плечей;
 Что ни день, то пустыни пески
 Под босою ногой горячей.

Что ни день, обнаженной спине
 Горячее и жгучей лучи;
 Умираю от жажды, и мне
 Скоро смерть повелит: замолчи!

24 ноября 1883

Уж я-то пол не наслежу:
 Когда мороз не очень строгий,
 Так я в училище хожу,
 Вернее, мчуся босоногий.

30 ноября 1883

57*

СОЛОВЕЙ И РОЗА

Алым пламенем горя,
 Встала с запада заря.
 Коротко блеснет зарница,
 Как стыдливая девица;
 Слышны песни соловья:
 «Ты, души моей царица,
 Роза пышная моя!
 И тобой, и страстью нежной,
 Бесконечной, безнадежной,
 Дума тайная полна.
 Я лечу к тебе послушно,
 Ты же внемлешь равнодушно,
 Безответна, холодна!
 Роза гордая, взгляни же!
 Мне и взгляд единый твой
 Будет лаской дорогой!»
 Роза алая все ниже
 Никнет милой головой.
 Пропоеет он до рассвета,
 Но желанного ответа
 Не дождетя соловей
 От красавицы своей.

12 декабря 1883

58

Как, рыбачка моя, хороша ты!
 Как хорош у тебя весь наряд!
 Я не знаю, что более ярко:
 Эти рыбки иль глазки горят.

Декабрь 1883

59

Ты — лилея долин, ты лилеи нежней,
 Вся зеленая, белая, красная,
 Но за то, что нет красного цвета лилей,
 Я скажу: «Ты — лилея прекрасная».

Декабрь 1883

Скоро будет весна, прилетят соловьи,
 Зацветут и фиалки и розы.
 Я хотел бы подслушать в те дни
 И заветные мысли твои,
 И твои затаенные грезы.

Ты сама среди вешних цветов
 Будешь розы махровой милее,
 И певуньи лесной веселее,
 Ты, достойная лучших венков,
 В Вертограде Господнем лилея.

Декабрь 1883

1884

61

Доля моя, доля,
 Доля-горемыка!
 Кто же тебя, доля,
 На свет спородил,
 Кто тебя повил
 Горем-злосчастьем?
 До того ты, доля,
 Дошутилась ныне,
 Что себе уж даже
 Душа не верит,
 Людей боится,
 Бури трепещет.

11 января 1884

62

Близка уж стрелка часовая
 К часам, томительно пустым.
 Стоит красавица нагая
 Перед любовником своим.

Скорее надо одеваться.
 Какая скука и печаль, —
 От милой ласки оторваться
 И поспешать в дневную даль!

Им расцелованные ноги
 Втеснить в чулки и в башмаки.
 Высокие, ей по дороге
 Так будут скучны каблучки!

А за обедом муж постылый,
 Усталый, скучный и седой,

Вновь полюбезничает с милой
Своею верною женой.

А ночью медленные ласки
И надоевшая постель.
Ах, неужель отбросить маски
Нельзя вовеки, неужель!

16 января 1884

63

Далекая странница! где ты?
Ты бодро идешь под грозою, —
И, светлым лучом не согреты,
Гневны небеса над тобою...
Сердца наши бури жестокой
Одним дуновеньем разбиты;
И в общей могиле далекой
Любимые наши забыты.

Жесток был удар! Как и я же,
Ты тою же скорбью страдаешь,
Но ты остаешься все та же,
Все той же весны ожидаешь.
И этой душевною силой,
Быть может, победу ты купишь.
А нет, и пред темной могилой
Ты, смелый мой друг, не отступишь.

А я малодушно тоскую,
Не верю я, верить желая,
И трачу я жизнь молодую,
В бесплодной тоске изнывая.

19 января 1884

63а

Подруга бесстрашная! Где ты?
Ушла ты вперед под грозою,
И, радостным днем не согреты,
Тернисты пути пред тобою.

Сердца наши в буре жестокой
Одним дуновеньем разбиты;
В стране неприветной далекой
Товарищи наши забыты.

Суров был удар! Как и я же
Ты скорбью глубокой страдаешь,
Но ты остаешься все та же,
Все той же весны ожидаешь.

Великой душевною силой,
Быть может, победу ты купишь.

А нет, и пред темной могилой
Ты, смелый мой друг, не отступишь.

А я малодушно тоскую,
Надежды и веры не знаю,
И трачу я жизнь молодую
Без пользы родимому краю.

19 января 1884

64

<1>

Я стоял пред тобой и не знал,
Хороша ль ты, мой друг, или нет,
Словно взоры мои ослеплял
Этих глазок чарующий свет,
Словно был я улыбкой твоей,
Как железною цепью, окован,
И мелодией звучных речей,
Как волшебством каким, зачарован.

II

Лишь потом, в полуночной тиши
Вспоминая, дитя, о тебе,
Я всей силою пленной души
Твою прелесть усвоил себе.
И я понял, что душу живит,
Что в ней ярко и радостно блещет,
Если сердце дрожит и молчит,
И душа, замирая, трепещет.

22 января 1884

Крестцы

65

Ваши юные ланиты
С розой спорят красотой,
Словно с неба вы облиты
Лучезарною зарей.
Ваша светлая улыбка
Не землю рождена,
Но Господнею ошибкой
Милой деве отдана.
Да и все в вас, ангел милый,
Мне о небе говорит.
Верю я: наш мир унылый
Вами райский мир дарит,
Чтобы люди не забыли
И добра, и красоты,
Чтобы им утехой были
Ваши милые черты.

23 января 1884

Живу не богачом,
 Да и не вовсе голью,
 И чай пью с калачом,
 Ем кашу с маслом, с солью,

И чисто вымыт пол,
 И печка разогрета.
 Положим, я провел
 Босой все это лето,

Но потому, что я
 Воспитан был сурово,
 И босота моя
 Приятна и здорова.

Тебя я не боюсь,
 Морозец красноносый,
 Тебе в издевку мчусь
 Нередко в школу босый.

Себя не простужу
 Морозными щелчками,
 Хоть в класс тогда вхожу
 Я с красными ногами.

Зима! и твой закон
 Моей не сломит воли:
 Я с детства приучен
 И к холоду, и к боли.

23 января 1884

В дни непогоды и мороза
 Я к Вам вхожу, как в зимний сад,
 Чтоб к Вам, пленительная роза,
 Свой приковать усталый взгляд.
 Как силы благодатной много
 В сияньи Вашей красоты,
 Одно из лучших чад у Бога,
 Создание ангельской мечты.
 Очаровательны и милы
 Лица прекрасного черты,
 И много благодатной силы
 В сияньи Вашей красоты.

24 января 1884

От власти крепкого мороза
 К тебе вхожу, как в зимний сад,
 И твой, пленительная роза,

Вдыхаю сладкий аромат.
И как бы ни было мне больно
И от врагов, и от друзей,
Но вмиг утешен я невольно
Мерцаньем девственных очей
И милой прелестью речей.
Так много благодатной силы
В сиянии нежной красоты,
И так неотразимо милы
Душевной прелести черты!

24 января 1884

68

И целый день мучений!
Целый день! Потом
Заснешь без сновидений
Тяжелым, мертвым сном.

Заснешь, — а завтра снова
На битву, на страду.
И жестко, и сурово
Она зовет к труду.

Январь 1884

69

Кто, скажи, бескорыстно и пламенно любит
Мать свою, любит так, что ничья красота
В нем любви этой чистой вовек не погубит?
— Сирота! —

3 февраля 1884

70*

Был вид его мрачен, был голос суров,
И холоден тон укоряющих слов.

И все же его я с надеждою ждал,
Как будто он раны мои врачевал.

Как будто бы слаще суровых речей
Не знал я в душе истомленной моей.

Но были те речи отравы полны,
Горьки, и суровы, и страшно мрачны.

18 февраля 1884

71

Неотвязна тоска,
Жестока, глубока.
Безрассветная ночь

Уж давно над душой,
И работа невмочь,
И не сладок покой.
И везде тишина,
И не светит луна,
И, отрадно горя,
Не забрезжит заря,
И куда ни взгляни —
Непроглядная мгла
Над землей залегла,
Только светят одни
На могилах огни,
Только ветер порой
Заунывно шумит,
И, настойчивый, злой,
Чей-то голос твердит:

«Оставь несбыточные грезы,
Оставь их детям.
К чему любовь твоя и слезы,
Тоска об участи чужой?
К чему бесплодные усилия
Луч правды в жизнь один хоть вносить?
Ты знаешь: у орла есть крылья,
У льва пустыни когти есть.
Ты беззащитен, безоружен.
Ты миру страждущих не нужен
Тоскою любящей души.
Смирись перед жестоким роком,
И в сердце чутком и широком
Тоску живую заглуши».

Но холодная мгла,
Жестока и дика,
И живая тоска
На душе залегла.
Был бы рад не страдать
Бесполезной тоской,
Кабы справиться знать
С непослушной душой.

21 февраля 1884

71a

В непросветную тьму
Пробираюсь с трудом;
Ничего не пойму
Ни в себе, ни в другом.
И душою сгорев,
Ослабел я в борьбе,
И внимаю в себе
Чей-то злобный напев:

«К чему бесплодные усилия
Свет правды в жизнь народа вносить?
Ты знаешь: у орла есть крылья,
У льва пустыни когти есть.
Ты беззащитен, безоружен.
Ты миру страждущих не нужен
Тоскою любящей души.
Смирись перед жестоким роком,
И в сердце чутком и широком
Тоску живую заглуши».

Но глубоко тоска
На душе залегла.
Жестока и дика,
Как полночная мгла.
Хорошо б не страдать
Бесполезной тоской,
Кабы справиться знать
С непокорной душой.

21 февраля 1884

72

Говорят, но я не верю,
Что любви теперь уж нет,
Что давно ее потерю
Весь оплакивает свет.
Может быть, цепями моды
И обычаев она,
Неизменный друг свободы,
В наше время стеснена,
Может быть, теперь ей тесно
Средь житейской толкотни,
Но, клянусь, они известны,
Эти чувства, в наши дни.
И пускай ей места мало,
И заботой и борьбой
Время бурно взволновало
Утомленный род людской,
Но отраден свет святой,
Что блестит порой в пустыне,
По которой мы идем
Равнодушно, день за днем.

7 марта 1884

72a

Много знали мы потерь,
Но не верь толпе лукавой.
Пусть твердят: «В наш век кровавый
Нет любви», — ты им не верь!
Может быть, теперь ей тесно
Средь житейской толкотни,

Но, клянусь, она известна,
Как всегда, и в наши дни.
И пускай ей места мало,
И заботой, и борьбой
Время бурно взволновало
Годы жизни молодой.
Но не раз сиял в пустыне,
По которой мы идем
Равнодушно, день за днем,
Светоч, юный лик богини.

7 марта 1884

73

Если жизнь ни на что не нужна,
Если молодость вянет развратная,
Отчего ж не приходит она, —
Разрушения весть благодатная?

А живешь, все живешь день за днем
Необъятно тоскою томимый,
Не встречая участия ни в ком
И никем горячо не любимый.

И в усталой душе не найти
И на то мне растроченной силы,
Чтоб суметь самому подойти
К рубежу неизбежной могилы.

16 января, 10 марта 1884

73а

Жизнь моя безотрадно течет
По кремнистому руслу мученья.
Ах, когда же мне смерть принесет
Благодатную весть разрушенья?

И к чему я живу день за днем,
Раскаяньем, тоскою терзаем?
Нет мне доли и счастья ни в чем,
Позабыт я и адом и раем.

В утомленной душе не найти
И настолько растроченной силы,
Чтобы стать, наконец, на пути
К рубежу неизбежной могилы.

16 января, 10 марта 1884

74*

Спасибо, добрый мой ручей!
За то, что ты приветлив был, —

Ты в полдень свежее водой
Меня усталого поил.

Весенней жаждой утомлен,
Я рад был шуму этих струй,
И с тихой радостью сорвал
Твой тихоструйный поцелуй.

13 марта 1884

75

Лучше в бедной доле жить
И под розгами вопить,
Чем истлеть в роскошном гробе,
Покоряясь адской злобе
Смерти, правящей свой бал,
Свой бесовский карнавал.

23 апреля 1884

76

Мошки вьются надо мной
Надоедной, серой тучей.
Как прогнать несносный рой,
Зыбкий, легкий и летучий?

Словно тянет их ко мне:
Я бегу, — они за мною,
Я стою, — и в тишине
Окружен стеной сквозною.

Отмахнуться? — не берет!
Обмануть их, лечь на травку?
Рой обманутый плывет
К перелеску за канавку.

29 мая 1884

77

Так много на себя мы взяли
И знаний, и одежд,
Но как же много потеряли
Наивных, радостных надежд!

6 июня 1884

78

По дальней улице прохожий
Тихонько босиком идет.
Довольно крепко пахнет кожей, —
Вблизи кожевенный завод.

Вся улица мягка, горбата,
Но стружка ногу иногда
Царапнет остро и рогато,
И я поморщуся тогда.

Ведь это мне пришлось по козам
Ногами голыми идти,
А я назвал себя прохожим,
Чтоб тон рассказа соблюсти.

4 июля 1884

79

Да будет проклят этот час,
Когда беспечно в первый раз
Свои младенческие силы
Могиле ранней я обрек...
И необузданный порок
Меня влечет на край могилы.

О, пощади! Жизнь хороша,
И жаждет гордая душа
Ее страстей и наслаждений.
И просыпается порой
В душе усталой и больной
Полупогубленный мой гений.

22 июля 1884

80

Страдать ли нам, еще ль терпеть,
Еще ли ждать освобожденья?
Нам в мире нечего жалеть,
Мечты не знают воплощенья.

Проходим скованной толпой,
Как в старину, по стогам Рима,
Вели германцев на убой, —
И к нам судьба неумолима!

Мир чудный видя впереди,
Но непонятные народу,
Зовем напрасно мы свободу
С немим отчаяньем в груди,

А к этой жизни безучастны.
Не страшно рано умирать,
Не страшно и в цепях страдать, —
Жить преждевременно ужасно.

22 июля 1884

Отважный атаман
 Ватаги босоногой,
 Я взял добычи много,
 В ночных набегах рьян.

И яблоков немало
 Из сада тащим мы.
 Густым покровом тьмы
 Нас полночь защищала.

Когда в недобрый час
 В саду мы попадемся,
 Мы скоро разревемся:
 Дерут пребольно нас.

Тогда мы без добычи
 Бежим домой тишком
 По грязи босиком,
 От резкой боли хныча.

Настанет ночь опять,
 На кражи нас толкает;
 Опасность подстрекает:
 — Ребята! Не зевать!

На хитрости пускайся!
 Жалеть ли богачей!
 Бояться ль розгачей!
 Вруй, не попадайся!

13 августа 1884

Кое-где еще остался
 Снег, нетронутый весной,
 Как впервые показался
 Я на улице босой.

Слишком белы были ноги,
 Легкий стыд меня схватил,
 Но, не медля на пороге,
 Я в училище спешил.

Дни за днями проходили,
 Возрастали свет и жар,
 И на кожу наложили
 Все густеющий загар.

Ноги очень темны стали,
 Быстры легкие шаги,
 И теперь уже едва ли
 Вспомню я про сапоги.

Мне теперь ничуть не стыдно,
Что босой все время я,
И совсем мне не обидна
Бедность скромная моя.

19 августа 1884

83

С праздничной отрадой,
С вещью мечтой
Тихою лампадой
Озарен покой.

Звуки замолчали,
Яркий свет погас.
Горькие печали,
Позабыл я вас.

Только если взглянешь
В угол у дверей,
То на миг вспомнешь
Происки людей.

У дверей на стуле
Видны два письма,
Но они заснули,
Вышли из ума.

Больно или стыдно
Было, — что же мне!
Вовсе не обидно
Стало в тишине.

Улеглась досада, —
Я к мечтам вернусь.
Вспомнив, что же надо
Людам, улыбнусь.

Милая отрада,
Ты опять со мной.
Тихая лампада,
Озаряй покой.

26 сентября 1884

84

Ночью вышел я тайком из дома.
Барыня Матрена ждет меня.
Мне любовь ее — одна истома,
Но иду я к ней, себя кляня.

На столе, на скатерти красивой
С водкой снеди разные видны.

Спит мальчишка, сын ее ленивый.
Шепот наш не будит тишины.

Не хочу Матрены, но не смею
Я об этом ей в глаза сказать,
Перед толстой бабою робею.
— Ну, пойдем, голубчик! — Вот кровать.

Быстро барыня меня раздела.
Рядом с ней лежу я, как чурбан.
Жирное мне так противно тело,
Похоть спит во мне, хоть я и пьян.

Гневом пышет толстая Матрена,
Видит, что не вышло ничего,
Шепотом бранит меня: — Ворона!
Сам не хочешь счастья своего! —

Проводила все же до калитки,
Оплеух мне надавала там,
Обняла меня потом в избытке
Чувств, — и смех, и слезы пополам.

23 октября 1884

85

ЕЙ

Дитя! ты долго и с терпеньем
Искала светлого пути, —
И вот, печальных дум кипеньем
Полна, ты страждешь опасеньем,
Что в жизни цели не найти.

С тоской мучительной и жадной
Последний призрак ловишь ты
Когда-то светлой и отрадной,
Теперь тускнеющей мечты.

Тебе казалось, что в ней сила
Несокрушимая была;
Но жизнь твою мечту разбила,
И что ж взамен тебе дала?

В твоей душе растет тревога,
Ты всюду видишь в жизни ложь,
И разум шепчет сердцу строго,
Что вместо свергнутого бога
Ты ничего уж не найдешь.

С самодовольствием невежды
Осудит равнодушный свет
Твою тоску, твои надежды,
Которым исполненья нет.

17 ноября 1884

Забыты вмиг и честь, и стыд,
И с окровавленного поля,
Где братья гибнут, к дому мчит
Его изнеженная воля.

А вспомнить, как недавно он
Давал торжественные клятвы
Сражаться у своих знамен
И сгибнуть для иных времен,
Как семя предстоящей жатвы!

Но бледной смерти страшный взгляд
Он встретил вдруг, — и, малодушный,
Бежит он с трепетом назад,
Под иго робости послушной.
Его гостеприимный кров
Вместил таких же удалцов.

Там поле битвы вспоминают,
И, им внимая, их отцы
Самодовольно повторяют:
— Мы тоже были молодцы!

18 ноября 1884

В том ветхом домике жила
Старушка с дочерью Любашей;
Она была стройна, мила,
Не избалована мамашей.
Старушка кой-каким трудом
Одна поддерживала дом,
Что завещал ей муж покойный,
Армейский старый капитан,
Да пансион по муже дан.
А дочке черноокой, стройной
Заботы нет ни до чего:
Одевшись, прильнет к окошку,
Любимую ласкает кошку,
Лишь утром чаем своего
Напоит брата-гимназиста,
Да последит, чтоб были чисто
Служанкой вымыты ее
Платки, и платье, и белье.
Старушка веником прилежно,
Кряхтя, сгибаясь, пол метет,
А дочка дремлет безмятежно,
На кресла ножки подберет.

Раз как-то в первых числах мая
В каком-то настроеньи злом,
Наш Логин, городом гуляя,

Был позван Любой в ихний дом.
Вошел, сидел, тихонько злился,
В уме хулил ее наряд
И вдруг такую разразился
Филиппикой, что сам не рад
Остался Любину смущенью.
Зардевшись, глазки опустя,
Как виноватое дитя,
Она внимала поученью
О всей великости стыда
Быть белоручкой бесполезной,
О неизбежности железной
Великодушного труда,
О суетных ее нарядах,
И об ее лукавых взглядах.
Всю ночь проплакала она,
А утром, маленькие ножки
Едва обув, свои сапожки
Сняла, решимости полна
Надела простенькое платье,
Краснея, маленький свой дом
Весь обежала босиком
И пала матери в объятья, —
Тепло сегодня, — я пойду
Работать в огород босая,
Хочу я привыкать к труду,
И прочь изнеженность былая.
Хочу я сразу привыкать
К труду и кой к каким лишениям! —
И на нее смотрела мать
С неизъяснимым удивленьем.

9 декабря 1884

88

Мудрый знает все причины,
Но есть мудрости предел:
На века закон судьбины
Над землей отяготел.

Своейравна, своевольна,
Что захочет, то творит.
Ей причин всегда довольно,
И конец всех дел сокрыт.

Натворит добро и худо,
Глупый скажет: — Не пойму. —
Мудрый скажет нам откуда,
Отчего и почему.

Все причины знает ясно,
Но не знает, — вот беда! —
Тут и спрашивать напрасно:
Для чего, зачем, куда.

Здесь немеет наше знание,
И Один лишь знает Бог,
Для чего же все скитанья,
Где конец земных дорог.

9 декабря 1884

89

1

Безмерно душен и тяжел
Горячий воздух. Солнце красно,
Как печь далекая, — и ясный
Вокруг сверкает ореол.

Нет ветра. Тягостная лень
Природу сонную объемлет,
И тихо солнечная тень
Ползет, как будто тоже дремлет.

Густеет в южной половине
Небес свинцовый колорит,
И чаще крона на осине
Листами узкими дрожит.

Молчат долины, реки, лес
И солнцем выжженная нива,
И солнце движется лениво
Путем возвышенным небес.

И даже молодая жница
Изнемогает в этот зной,
И покрывается ресница
Неудержимою слезой.

Не подымая глаз к лазури,
Все жнет да жнет себе она,
Но близость неизбежной бури
Головке жаркой уж ясна.

2

Природу сонную объемлет
Изнеможение и лень,
И тишина в полях, и дремлет
Лесная тень.

И вся природа бури жаждет,
Изнеможения полна,
И, как усталая жена,
Тоскливо страждет.

13, 14 декабря 1884

ЖАРКИМ ЛЕТОМ

Безмерно душен и тяжел
Горячий воздух. Солнце красно,
Как печь далекая, и ясный
Вокруг сверкает ореол.

Природу сонную объемлет
Изнеможение и лень,
И тишина в полях, и дремлет
Лесная тень.

Земля и душный воздух страдают
И бури жаждут...

Трудом смиряя лютый зной,
Не отдыхает в поле жница:
Не раз невольною слезой
Ее увлажнена ресница.

С серпом сгибается она,
Не видя грозных нив лазури, —
Но близость неизбежной бури
Для груди трепетной ясна...

Как будто ждет чего долина,
И чутко вся кругом молчит,
И только робкая осина
Тихонько листьями дрожит.

13, 14 декабря 1884

90

На чердаке средь лета жарко.
Там Дуня с матерью жила.
А мать ее была кухарка,
Давно от места отошла.

Вот к лету без угла остались.
Их приютили на чердак.
Они от дворников скрывались,
И там питались кое-как.

Висела там в углу икона,
Евангелье лежало там.
Слова Священного Закона
Там слышались по вечерам.

Старуха там чулки вязала,
А Дуня, сидя у окна,
Ей вслух Евангелье читала,
Худа, бледна и голодна.

Они оставлены своими,
Но место к осени нашлось,
А мне потом встретаться с ними
Уже ни разу не пришлось.

18 декабря 1884

91

I

Бесславно жизнь моя течет,
Слабеют мощные когда-то силы,
Мне больно, словно кровь мою сосет
Вампир свирепый. Близок сон могилы!
Едва ли проживу еще я год.
И дни, как небо осени, унылы,
И страсти жизни мне не милы.

II

Мне ласки девичьи не милы,
И скучно, скучно жизнь моя течет,
Но я боюсь моей могилы.
Я жить хочу, хоть дни мои унылы,
Хочу творить, пока достанет силы,
Хочу прославить хоть последний год.
Но злой вампир все кровь мою сосет.

III

Вампир — порок; он грудь мою сосет,
Но и остатки жизни сердцу милы,
И если дни мои унылы,
То будет светел после этот год.
Не без борьбы дойду я до могилы,
Я соберу остатки силы,
Которая еще в крови течет.

IV

Ведь кровь еще течет,
Хотя вампир ее сосет,
Но хватит крови хоть на год
.....

Декабрь 1884

1885

92

Что лучше, веник иль венок?
Венок дубовый иль лавровый,
Он служит, маленький кружок,
Герою сладкою обновой.

Венок, сплетенный из цветов,
Где не обсохли еще росы,
Пока он свеж, всегда готов
Украсить девишкыны косы.

Порой он на гробах лежит.
Он из цветов иль из металла.
Он сон покойных сторожит,
Хоть нужды в этом очень мало.

Коль золотой, так он венец,
Украшен яркими камнями.
Склоняются и раб, и льстец
Перед венчанными царями.

Украшен митрой архирей.
Не терны там вплелись кровавы,
Чем был среди пасхальных дней
Увенчан Сам Христос, Царь Славы.

Все это — вздор, все это — чушь.
Мещанка всякая смеется.
Пойдет в лесок, где дичь и глушь,
И вениками запасется.

Хоть сотню можно принести,
Сарай набей, — не стоит тысяч,
А пол им можно подмести,
И много раз детей всех высечь.

27 февраля 1885

93

Он стар, как мир; зовется он пороком.
Меня в добычу он обрек.
Томясь в бессилии жестоком,
Несчастлив я и одинок.

Сжигаюсь я безумно и развратно,
Как будто мне не жаль тех сил,
Что плоти рок так щедро, благодатно
И так напрасно подарил.

1 марта 1885

94

Мудрый видит, что напрасны
Все стремленья к бесконечному,
Силы тайные бесстрастны,
На земле нет места вечному.

Человек — лишь форма силы,
Жизнь — недолгое движение.

Нет от холода могилы
Духу гордому спасения.

Этот холод предстоящий
Есть покой или ничтожество.
В нем всей жизни настоящей
Прекратится в мире множество.

Но из этой же могилы
После холода и тления
Вновь возникнут жизни силы,
Возродится вновь движение.

Без начала и без цели
Происходит бесконечное,
И напрасно б мы хотели
Бренным духом вызнать вечное.

3 марта 1885

95

Наша жизнь так пуста, холодна,
В ней мы искры не видим живительной.
Лишь из чаши глубокой вина
Пьем мы изредка нектар спасительный.

За единый светлый миг,
За единый час отрады,
Мы всю цепь годов своих
Смерти бросить были б рады!

<Март> 1885

96

И наша жизнь бывает хороша
В те редкие и светлые мгновенья,
Когда наполнена душа
Восторгом чистым наслажденья.
Когда у нас отнимет свет
Возможность радости и счастья,
Когда для сердца в мире нет
Ни сожаленья, ни участия, —
Не все ль равно, что даст порой
Забвенья наших мук сердечных,
Мужей, измученных душой,
Вдруг обратив в детей беспечных.

В душе царит такая смута,
Такая слабость, скорбь и лень.
И каждая отравлена минута,
И каждый скорбен день.
О, жизнь печали и позора!
Как чаша скорбная полна!

Все наполняется она
За каплей капля... Скоро, скоро.

Март 1885

97

Нет желания жить,
Нет и мысли о том,
Чтоб упорным трудом
Скромный дом
Сколотить.

Без моих неустанных забот,
Без работы ночей
Через мало уж дней
Вечный дом мне собьет
Гробовщик.

Март 1885

98

Жили б мы повеселей,
Побогаче, посчастливей,
Если б были посмирней,
Выносливей, терпеливей,
Если б гнулася спина
Перед подлыми да сильными, —
Верно благами обильными
Наделяла б нас она.
Но мне слаще штоф вина
Осушить с бессильными,
Чем идти на пышный пир,
Чем трусливо смолоду
Чтить людской кумир, —
Поклоняться золоту.

Март 1885

98а

Жил бы я повеселей,
Побогаче, посчастливей,
Если б был я посмирней,
Выносливей, терпеливей,
Если б гнулася спина
Перед силою и властью,
Но хоть горем жизнь полна,
Не завидую я счастью.
Лучше выпить штоф вина
С братом по несчастью,
Чем идти на пышный пир,
Чем трусливо смолоду

Чтить людской кумир, —
Поклоняться золоту.

И пускай клеветец мой
Неприятель и гонитель,
Пусть он горем и тоской
Омрачит мою обитель.
Не согнусь пред ним в дугу,
И мириться с ним не стану,
Мстить богатому врагу
Мне не по карману,
Правду ж высказать могу
И назло его обману.
И уж там пускай идет
Непогода мгlistая,
Смелый все снесет,
Если совесть чистая.

Март 1885

99

День безмятежно золотой.
Моими воплями ты встречен.
На кухне горькою лозой
Сегодня я опять был сечен.
Но как от тягостного сна
Я убежал под эти своды.
Со мной лесная тишина
И тихо дремлющие воды.
И пусть жестокая лоза
Мне тело голое лобзала, —
Сейчас последняя слеза
С моей щеки в траву упала.
И жгучий стыд, и боль, и страх
Я забываю понемногу.
Я забываю о слезах
И про обратную дорогу.

13 июня 1885

99a

Невинный день и голубой
Моими воплями был встречен.
На кухне гибкою лозой
Я утром был жестоко сечен.
Мою печаль от злого сна
Укрыли ласковые своды.
Со мной лесная тишина
И тихо дремлющие воды.
Сегодня поутру лоза
Мне тело голое лобзала, —
А здесь последняя слеза
С моей щеки в траву упала.

И жгучий стыд, и боль, и страх
Я забываю понемногу.
Ручей звенит, и луг в цветах,
И я забыл мою тревогу.

13 июня 1885

100

— Глупый мальчик! Что за спех!
Подождать немного надо,
А иначе людям смех,
А тебе и мне досада.

— Ты еще молокосос,
У людей немного стоишь,
Ежеденком ходишь бос
И полы в субботу моешь.

— Хорошо, что мать строга,
Не жалеет сыну розог.
Эта сласть не дорога,
Здесь немало есть березок.

— Двадцать лет! Руки моей
Все ж теперь не добивайся,
Поцелуй меня скорей,
Да и к маме отправляйся.

23 июня 1885

101

Вон там, в тени, рыбак ретивый
С удой склонился на песок
И ждет добычи, но ленивый
Не шевелится поплавок.

28 июня 1885

102

Чтоб облегчить людскую муку,
Чтоб сделать слаще нашу часть,
Своим мечом возьми науку
И света истины не засть.

28 июня 1885

103

В рай бабенкам не дорога:
И в аду им места много,
А уж пустишь бабу в рай, —
И корове место дай.

28 июня 1885

104

Дело с бездельем мешай,
Так и с ума не сойдешь.
Час поработай да час погуляй, —
Весело век проживешь.

28 июня 1885

105

Коли спится до обеда,
Так пеняем на соседа:
Он и рано, вишь, встает,
Да нас в гости не зовет.

28 июня 1885

106

Чем браниться да ругаться,
Так не лучше ли подраться?
Ссора кончится скорей.
Прежде недруга отдую,
А потом на мировую,
Тут уж, значит, пей да пей.

30 июня 1885

107

Жарким летом нива зреет,
Колыхаясь, как волна.
К жатве скоро пожелтеет
И приляжет спать она.

С навостренными серпами
Жницы на поле придут,
И под жаркими лучами
Будет долог страдный труд.

Ты — в подъем лишь мощным бремя,
Эта летняя страда,
Это тягостное время
Непосильного труда.

Иноземцы, слышно, паром
Движут множество машин,
Чтоб не гнуть на ниве даром
По неделям целым спин.

Говорят, барыш огромен, —
К нам же новость не идет:
Слишком беден, слишком темен
Наш безграмотный народ.

Страдный труд его неволит,
Он привык к трудам таким:
Каждый ломоть хлеба залит
Жарким потом трудовым.

Беден он, — да сил в нем много,
Темен он, — да помнит Бога
И радушно подает
Всем, кто просит ради Бога,
Всем, кто сам не соберет.

Нищи духом и смиренны,
От одной избы к другой,
Вот, идут они с сумой,
Неудачники, согбенны
Горем, Жизнью и Нуждой.

Хлеб, истомною работой
Приобретенный, жена
Бедняка с большой охотой
Подает им из окна.

О, народ трудолюбивый!
Много, долго кормишь ты.
И несчастной, и ленивой,
И смиренной, и спесивой,
Даже наглой нищеты.

24 ноября 1883, 18, 29 июля 1885

108

Этот принцип очень важен
По практичности своей:
Кто умыт и напомажен, —
Сладко ешь и сладко пей.

Кто оборван, бос и беден, —
Позабудь про калачи,
Подымайся до обеден
И работай до ночи.

Малы ножки, белы ручки —
Звезды, звездочки хватай;
С пуд кулак, грязны онучки, —
Хлеб свой квасом запивай.

Если есть в уме смекалка,
Скажешь: «Доли не равны;
Мужика как будто жалко».
Как же быть? — И мы бедны.

Хоть и есть у нас деньжонки,
Да ведь деньги нам не есть,

А ножонки да ручонки, —
Еле хлеб до рта донестъ.

Вы, питомцы наслажденья,
Вялой праздности друзья,
В скромной области терпенья
Вас невольно вспомнил я.

Камнетеса тяжкий молот
Обтесал кой-как плиты,
Те, что свеж, здоров и молод,
Башмаками гладишь ты.

И зато, гордясь собою,
Молвишь важно иногда:
Установлено судьбою
Разделение труда.

Что за горе? Не забыла
Тля, что есть у мужика
Здоровенная рука
И железная в ней сила.

<Не позднее 29 июля 1885>

109

Перецеловала семь подруг,
Переворовала все вокруг,
Перещеголяла семь мотов,
Перековыляла семь мостов,
Переговорила семь шутов,
Перехоронила трех мужей,
Перебаловала семь детей.

Что ж осталось ей на свете?
Пить вино и сладко есть.
Есть любовник на примете,
Только как к нему подлезть?

Мать его сурова и строга,
Видит в каждой женщине врага.
Сына часто водит на чердак,
Перепорет розгами, да так,
Что едва он только может слезть,
И потом ему ни стать, ни сесть.
Мать зовет его: молокосос.
Летом он повсюду ходит бос.
К бабам он не смеет сунуть нос,
Перемолвиться не может с ней,
Чтобы не отведасть розгачей.

Как же барыне Матрене
С этим делом поступить?

Не остаётся ж ей в уроне!
Надо парня заманить.

Ах, соблазны
Очень разны
Безобразны?
Ну так что ж!
Без мужчины
Вдоль перины
Невтерпеж.

Перетолстела,
Пережирела,
А все же страсть
Имеет власть.

— Перелезь ты ночью чрез забор,
Перекинешься ко мне на двор.
Угощу колбаской да винцом,
И в постели часик проведем. —
— Ну, а ежели поймает мать? —
— Ты скажи ей (нечего плошать),
Яблоки ходил, мол, воровать.
Яблок дам тебе с собой мешок, —
Будешь после кушать их, дружок. —

Соблазнился,
Ухитрился,
И явился
К бабе в дом
Босиком,
Насладился,
И напился,
Возвратился, —
Все тайком.

Шито-крыто все осталось,
А Матрена улыбалась.

10 декабря 1885

1886

110

Дивный неслыханно дар
Мне подарила природа:
Делу и слову — несказанный жар,
Мысли и чувству — свобода.

Весь погрузился я в труд,
Плод принесет мне искусство:
В сильных картинах моих оживут
Строгие помыслы, свежие чувства.

28 марта 1886

Злобно ли буря бушует,
Солнце ль приветливо светит, —
Сердце все так же тоскует, —
Знает, что счастья не встретит.

Пусть бы возникло и счастье, —
Знаю, — оно опоздает:
В тьме рокового ненастья
Сила моя угасает.

Радость живая умчится.
Славою, счастьем, любовью.
Гордый мой дух не мирится
С горем, неправдой и кровью.

Если навстречу надежде
К миру сойдет примиренье, —
Буду я жаждать, как прежде,
Слез, и тоски, и волненья.

Вечно, как ветер, тревожен,
Вечно, как море, мятежен!
Путь мой и темен, и ложен,
Близкий конец неизбежен!

23 апреля 1886

112

Гибнут молодость и сила,
Над душой царит разврат,
Уж близка моя могила,
И дороги нет назад.

Погубил я, раб мгновенья,
Жизни лучшие цветы, —
И чистейшие стремленья,
И прекрасные мечты.

И с душой моей пустынной
Равнодушен ко всему,
Я смотрю на жизни длинной
Неразгаданную тьму.

И не рад я, если снова
Над душой моей больной
Встанет властно и сурово
Дум заветных строгий рой.

27 апреля 1886

112a

Гибнет радостная сила,
Опьянен тоскою взгляд,
Разверзается могила,
И дороги нет назад.

Погубил я, раб мгновенья,
Яркоцветные цветы, —
И высокие стремленья,
И прекрасные мечты.

Ко всему я равнодушен,
И не дорог никому,
И бреду, судьбе послушен,
В неразгаданную тьму,

И не рад я, что порою,
Пронсясь надо мной,
Веет страстью и грозою
Чувств и мыслей быстрый рой.

27 апреля 1886

113

Несмотря на все невзгоды,
Мои розы расцветут;
Зеленеющие всходы
Не погибнут, не умрут.

Несмотря на все страданья,
Моя светлая душа,
Словно в первый день созданья,
Молода и хороша.

Жизни творческая сила
В этих всходах так сильна:
Ни зима их не сгубила,
Ни холодная весна.

И в душе, рабыне рока,
Есть запас могучих сил:
Гений злобного порока
До конца их не сгубил.

27 апреля 1886

113a

Верю я: пройдут невзгоды,
Снова розы расцветут;
Зеленеющие всходы
В долготимье не умрут.

Верю я: пройдут страдания,
Оживет моя душа,
Вся полна благоуханья,
Вся любовью дыша.

Жизни творческая сила
В озимых моих сильна:
Ни зима их не сгубила,
Ни холодная весна.

И в душе, рабыне рока,
Почивает много сил:
Гений знойного порока
До конца их не сгубил.

27 апреля 1886

114

Глуповат был Сеня бедный,
А в начальники попал,
И хоть лоб имел он медный,
Но исправно воровал.

Узколобое нахальство
Возрастя в пустой груди,
Лыком шитое начальство
Нам кричит: «Не подходи!»

Май 1886

115

Свинья за свинью заступается:
Она, мол, по грязи валяется
Не оттого, что по нраву грязна, —
А насекомых боится она.

Май 1886

116

— Пять товарищей изволь
Ты принять, откуда молод:
Страх ты знай, да стыд, да боль,
Холод знай, да знай и голод.

— Холод душу веселит
И здоровье закаляет.
Кто закутан, не спешит,
Босый весело шагает.

— Вечный голод — вот беда,
Но за дикое обжорство
Он карает иногда
И смиряет непокорство.

— Страх спасает от греха,
А не слушаешься страха,
Розга сыщет жениха,
Будет сдернута рубаха.

— И тогда ты поревешь,
Как и все, кого пороли,
И грешки свои поймешь,
Да поймешь и пользу боли.

— Стыд к тебе тогда придет.
Что же делать! постыдися,
Поумнее будь вперед,
От греха остерегися.

— Знай же страх, и стыд, и боль,
Знай и холод, знай и голод.
Пять товарищей изволь
Полюбить, покуда молод.

6 июня 1886

117

Выхожу я на крыльцо,
Летним обнятое жаром.
Ноги, руки и лицо
Посуровлены загаром.

Сад — мой радостный приют.
Здесь цветочки мне смеются,
Птички весело поют,
Ветки зыблются и гнутся.

Хрупкий, ласковый песок
Щекотит забавно ноги.
Каждый голый мой следок
Отпечатан на дороге.

Мысли легкие летят.
Помнить темное не надо.
Мир веселием богат,
В мире есть для всех отрада.

24 июня 1886

118

СЕЛЬСКАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

В глухой деревне запертая,
Три тяжких года ты жила,
Уча, трудясь, увядая,
И, наконец, ты умерла.

И мирно спишь ты на погосте.
Цветы вокруг тебя цветут,
А каждый праздник — дети в гости
К тебе с приветом прибегут.

Они почтят тебя слезою,
Пока томительных забот
С иной и темною бедою
Им жизнь на долю не пошлет.

И жизни их промчится время,
И память о тебе умрет,
Но с верой брошенное семя
Сторицей плод свой принесет.

Имеют жизненную силу
Прекрасной правды семена:
Своей чредою их могилу
Вскрывает светлая весна.

В душе доверчивой и чистой
Живое семя прорастет,
Раскроет свой цветок душистый
И плод богатый принесет.

И семена плода живого
Падут в сердца его детей,
И в поколениях людей
Век не умрет живое слово.

1885, 3 июля 1886

119*

Под солнцем страны полуденной
Я видел великое зло:
Стяжатель идет утомленный
К лачуге своей разоренной,
Богатство к богатым ушло.

Искал я по целому миру,
Где царствует счастье и труд,
И где золотому кумиру
Бесценных даров не несут.

Повсюду все та же картина:
Неправых стяжаний и зла;
Повсюду плелась паутина,
Повсюду рабочих судьбина
В нее неизбежно вела.

Разбил я свои упования,
Я проклял исканья свои,
И горькой тоскою страданья
Исполнены песни мои.

17 августа 1885. Крестцы, 3 июля 1886

Полный стан колышет ровно
 Хохот звонкий, молодой.
 Босоногая поповна
 Возвращается домой.

— Вы куда же собралися?
 За грибами на обед?
 Эх, поздненько поднялися, —
 А грибов-то уж и нет. —

И с грибами показала
 Две корзинищи она.
 — Вон я сколько насбирала!
 Ох, и ломит же спина!

— Хорошо, что я босая,
 Да и то едва плетусь,
 А уж дома-то до чая
 Как дорвусь, так уж напьюсь!

— Вышла в лес я нынче рано,
 Глядь, уж солнце высоко!
 Квасу б выпила два жбана,
 Да до квасу далеко.

— Маме, видите ль, не жалко
 До зари меня будить:
 — В лес живей, епархиалка!
 Ленью Бога не гневить! —

Ну, а с мамой плохи шутки,
 Не поспишь тут, нет, вскочи,
 А не то, пожалуй, сутки
 Будешь помнить розгачи! —

Засмеялась вновь и косы
 Заметались по плечам.
 На ногах трепещут росы,
 Травки льнут к босым ногам.

— Что вы, Катя, неужели? —
 Катя, опустив глаза,
 Шепчет мне: — На той неделе
 Мама секла два раза. —

— Да за что же? — Да за то же:
 Скажет: «Катька, не шали!»
 Скажет: «Эй, дерзить не гоже!»
 Скажет: «Вздору не мели!» —

— Да ведь вас она так любит? —
 — Ну, на то она и мать:

Приласкает, приголубит,
Да нельзя не наказать.

— Зря не тронет, а за дело
Хорошо похворостит.
Вот теперь иду я смело:
Провинюсь, так уж простит.

— Ведь грибы-то все, как надо,
На подбор грибочки все! —
И смеется, детски-рада
Утру, солнцу и росе.

3 июля 1886

121

Настало снова лето.
Пленительные дни!
Все зноем разогрето,
Прохлада лишь в тени.

Приучен к доле строгой,
Хожу я босоногий;
Хотя порой стыжусь,
Зато не простужусь
Я осенью, зимою
И раннею весною.

Один Декабрь страшит, —
Тогда не то, что болен,
Но словно я разбит,
Живу, как приневолен.

А нынче босиком
Брожу себе леском,
Здоровьем запасуюсь,
С черникой возвращаюсь
Не поздно я домой,
Лишь ослабеет зной.

11 июля 1886

122

НОЧНОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

В наш осенний и пасмурный день,
Когда в небе туманно и серо,
И в грядущее падает вера,
И на ум надвигается лень,
И душа поддается тоске, —
Мне мечтается образ печальный:
На окраине дикой и дальней,
В невеликом степном городке,

На кладбище, близ церкви, могила
Еще свежая, с белым крестом.
В ней почивает убитая сила...
Я бездумно иду, а кругом
Безмятежно покойны могилы,
Непробудным покоясь сном —
Не воскреснут убитые силы,
И не встанут они из могил,
И измученных тел не покажут,
И о тех никогда не расскажут,
Кто их гнал и нещадно губил.
Не для горького слова проклятия
Они в землю сырую легли,
Но погибшие наши собратия
Рассказать бы немало могли.
Здесь журнальные спят пролетарии,
И судьбою забитые парии,
И забитая мужем жена,
Здесь и кости Миная рассыльного,
Здесь и дочь одинокого ссыльного,
И несчастная жертва вина,
Нищеты и гнетущего горя,
Проститутка, с судьбою не споря,
Добралась до могилы она.
И покончивший век пистолетом,
Промелькнувший на свете поэтом,
И висевший в смоленной петле,
В несвященной зарытый земле,
И солдат, на войне изувеченный,
И мужик, господином засеченный.
Все покорные темной судьбе,
Все тяжелой судьбою задавлены,
Обещены иль обесславлены,
И погибли в неравной борьбе.
Победители! вы наслаждались,
Возвышались лестью и злом,
С неимущими вы не братались
И гнушались вы мужиком.
Но и вы были все же рабами,
Все же был и у вас господин,
И от порки, от пыток с плетями,
Безопасен ли был хоть один?
Раб боялся немилости барской,
А вельможа немилости царской.
Кто повыше ступенькой стоял,
Тот тебя беспощадно и злобно угнетал. <...>

11 мая 1884, лето 1886

122-1

Еще юношей пылким я был,
Уезжал я учиться в столицу, —

Об одном лишь тогда я грустил,
Что оставил свою голубицу.

С ее губ поцелуй я сорвал
Еще первый, и нежный, и длинный,
И глубоко мне в сердце запал,
И от многого после спасал
Поцелуй этот, детски невинный.

Лето 1886 года

122-2

Посреди бесконечных степей,
Где не видно движенья и жизни,
Благодатной волною своей
На пески необъятные брызны,
Неожиданный чистый родник, —
Как изменится степи картина.
И оазис внезапно возник,
И шумит молодая вершина.

<Не позднее лета 1886>

122-3

Бьется сердце неровно, тоскливо, —
Стынет кровь, и душа холодна,
За работу ль возьмешься ль лениво,
Все из рук выпадает она.

Предаешься ль на волю мечтаньям:
Ах, и сам этим грезам не рад.
Они полны томящим страданьем,
Сокрушительный разлит в них яд.

Поглядишь на людей: точно в сказке
Промелькнет вереница теней,
Ни живого лица: все-то в маске,
Все боится пытливых очей.

<Не позднее лета 1886>

123

Ветер кинул снег в стекло,
Но пускай там вьюга злится,
У меня здесь так тепло,
У меня здесь так светло,
Только скучно вечер длится.

Тот же труд мне каждый день
Без уклона, без новинки,
Длится та же дребедень,
И, как встарь, меня за лень
Мать сечет, и за провинки.

Тот же весь домашний строй,
Все по-прежнему осталось.
В праздник, как и в день простой,
Дома я всегда босой,
Чтобы обувь не трепалась.

Но еще скучней ходить
По знакомым скучным в гости,
Картежом себя томить,
Есть селедку, водку пить,
Слушать сплетни глупой злости.

Нет, уж лучше посидеть
Дома после скуки школьной,
Со своими сердце греть,
И домашний строй терпеть,
И суровый, и привольный.

17 октября 1886

124

Арендатора дочки, шляхтянки,
В поле ходят, как девки простые,
И работают славно, смуглянки,
Загорелые все и босые.

На руках трудовые мозоли, —
Не новинка для них, не обновка.
Если в город придут, мудрено ли,
Что в наряде не очень им ловко.

Но хохочут они очень звонко,
И вокруг них всегда кавалеры
Запускают любезности тонко,
Не дичась католической веры.

Каждой муж будет мелкий чиновник
Иль помещик какой-нибудь мелкий.
Бытия их усатый виновник
Наградит их приданым, безделкой.

Будет все же и шубка из зайки,
Будут платье, белье и посуда,
И шляхтянки, вдобавок, хозяйки
Будут мужу такие, что чудо!

12 ноября 1886

125

Что ж ты, моя доля?
Как же быть с тобою мне?
Мрак, тоска, неволя,
Сердце страстное в огне.

Смело мы ходили
В битву с лютою судьбою.
Что же? Загубили
Только силы мы с тобою.

Проползти-то змеем
Можно б, счастья добывая,
Да ведь не умеем
Мы склоняться, доля злая.

Смерти не страшились,
И разбитым нам не стыдно.
Рано мы родились,
Рано: вот что нам обидно.

28 декабря 1886

126

Я с собою на землю принес
Песни, полные слез;
Мою душу терзают они
В эти трудные дни.

И когда, утомленный борьбой
С непогодой злой,
Я хочу позабыть хоть на миг
О невзгодах своих,

Предо мной они властно встают,
И летят, и растут.

Ты не смеешь о братьях забыть,
Ты для них должен жить.
Должен быть твоих уст каждый звук
Воплощеньем их мук.

6 сентября 1885, 28 декабря 1886

126а

Я на землю принес
Песни легкие слез;
Утешают они
В грозные дни.
И когда, утомленный борьбой
С непогодой злой,
Я хочу позабыть хоть на миг
О невзгодах моих,
Предо мной эти песни встают,
Алым маком цветут.
Скорби здешней нельзя позабыть,
Надо в песни ее перелить,
Сделать каждый пронзительный звук
Воплощеньем надежд и разлук.

6 сентября 1885, 28 декабря 1886

Изваять тебя, прелестную,
 Был бы Фидий самый рад,
 Только сбрось одежду тесную.
 Ведь роскошный твой наряд
 Безобразит грудь чудесную.
 Пред твоею красотой
 Грубы ткани драгоценные,
 Стан и ноги несравненные!
 Красота дружна с свободою,
 Непорочности полна,
 Кратковременною модою
 Только скована она.
 И грядущим поколениям
 Будет странно и смешно,
 Что покорны мы давно
 Моды странным повелениям.
 Лишь отдельные черты
 Несравненной красоты
 Тела чудного, прекрасного
 Ты даешь мне созерцать.
 Брось скорей стыда напрасного
 Лицемерную печать!
 Скинь одежду всю тяжелую,
 Непорочную и голую
 Дай тебя мне изваять.

1 января 1887

Изваять тебя, прелестную,
 Был бы Фидий славный рад,
 Только сбрось одежду тесную.
 Как уродливо теснят
 Эти ткани многоценные
 Стан и ноги несравненные!
 Непорочна и нежна
 Красота дружна с свободою,
 Кратковременною модою
 Грубо скована она.
 Ты раба стыда напрасного,
 Лишь отдельные черты
 Несравненной красоты
 Тела дивного, прекрасного
 Ты даешь мне созерцать.
 Скинь одежду всю тяжелую,
 Чтоб царицу Правду голую
 Мог художник изваять.

1 января 1887

Мороз все стекла расписал.
Еще в снегах он щеголяет,
Но, хоть мосты он нам сковал,
Я знаю, скоро лед растает.

Снега достойны хвал больших.
Есть назначенье им и время.
Господь на землю сыплет их
Одеть поля, взлелеять семя.

Даны нам снежные деньки,
Ночные лунные сиянья,
Морозный дух, детям снежки,
Сочельник, елка да гаданья.

Езда мила нам всем в санях.
Как мчится бешеная тройка!
Летишь, как будто на крылах,
И бубенцы лепечут бойко.

31 января 1887

Настали времена суровы.
Коварство злобное тая,
Моей отчизне строят ковы
Ее недавние друзья.

И, ополчась на подвиг ратный,
Готов воинственный сосед
Нарушить мир наш благодатный
В надежде дерзостных побед.

Но перед общим ополченьем
Не поднимаешь ты меча,
И тесным бранным облаченьем
Не давишь мощного плеча.

Ее небранная одежда
Ее врагам страшны, как встарь.
И, как всегда, твоя надежда —
Самодержавный Государь.

Ты знаешь: вождь российской славы,
Когда подымешь бранный стяг,
Пред силами твоей державы
Не устоит надменный враг.

7 февраля 1887

Настали времена суровы.
Коварство злобное тая,
Тебе, отчизна, строят ковы
Тобой спасенные друзья.

Что день, грядущее туманней.
Заносчив, дерзостен и яр,
Зажечь огонь всеобщих браней
Готов воинственный мадьяр.

Но перед общим ополчением
Не поднимаешь ты меча,
И тесным бранным облачением
Не жмешь могучего плеча.

Ты знаешь крепость русской славы,
Ты знаешь: царь подымет стяг,
И пред грозой его державы
Не устоит надменный враг.

7 февраля 1887

130

Закат, бледнея, потухал,
На небе звезды загорались.
На юге тучи собирались.
Старинный сад благоухал.

Он с нею вышел на балкон,
Она бледнела и вздыхала,
И, взявши руку девы, он
Заметил, как она дрожала!

«Прекрасны небо, звезды, ночь,
А я предчувствую разлуку,
И не могу я превозмочь
В груди поднимающую муку.

Хотела я забыть печаль,
И Бога я о том молила, —
Но злая дума, словно сталь,
Мне сердце бедное пронзила.

Но если так нам суждено,
Что Бог накажет нас войною,
Решилась я, мой друг, давно
Быть милосердною сестрою».

И дивно взор ее сверкал,
Румянцем щеки покрывались,
Старинный сад благоухал,
На небе звезды загорались.

8 февраля 1887

Последний луч зари упал,
Блеснула звездочка, другая,
Как спящий отрок, задышал
Зеленый сад, благоухая.

Он с нею вышел на балкон,
Она бледнела и вздыхала,
И руку ей сжимая, он
Заметил, что она дрожала!

«Прекрасна, милый, эта ночь,
А я предчувствую разлуку,
И не могу я превозмочь
В груди поднявшуюся муку.

Унять тревожную печаль,
Напрасно Бога я просила, —
Тоска холодная, как сталь,
Мой бедный ум заполонила.

Но если так нам суждено,
Что Бог накажет нас войною,
Решилась я, мой друг, давно
Туда идти вслед за тобою».

Ее он молча целовал,
И, как заря, она пылала,
И взор ее огнем сверкал,
И грудь, как парус, трепетала.

8 февраля 1887

Однообразны и ленивы,
Идут стадами облака,
Деревья голы, пусты нивы,
И под дождем шумит река,
И вновь в душе свои извивы
Влечет, как змей, моя тоска.
Она мой бедный ум объемлет,
И вновь душа ей чутко внемлет.

И вы так стали далеки,
Мечтанья юности мятежной;
И злой порыв моей тоски,
Как бурный океан безбрежный,
Рассеял вас, как лепестки
Едва расцветшей розы нежной.
Опять душа моя нема,
Опять царят в ней страх и тьма.

Такая жизнь невыносима!
Уснуть навек — тоску убить!
Но, горе мне! Неистребимо
В моей душе желанье жить,
И я, как раб, неутомимо
Тяну постылой жизни нить,
И дни мои текут, как годы,
Без наслажденья и свободы.

25—26 февраля 1887

132

...Идти — скучать, зевать, молчать,
До утра в карты проиграть,
Послушать сплетен самых свежих,
И самому порассказать.
Пристанешь к барышням — потешь их
На немудреный их манер:
Замысловатой болтовнею,
Не очень хитрой клеветою,
Насмешкою не очень злою,
Цинизмом, но не свыше мер,
А так, густою тенью скрытым,
Чтоб догадаться и без слов
Их пол лукавый был готов, —
И словом, по тропам избитым,
Водить их тонко и умно,
Чтоб им казалось смешно
И весело, не слишком старо,
Не слишком ново и темно,
Не черезмеру много жара,
Не черезмеру холодно.
Но он насквозь их сердце видит,
К задорным ласкам он привык.
Бес болтовни навряд ли снидет
На неприветливый язык.
Стрелянье их очей проворных,
Зеленых, синих, карих, черных,
Уж не волнует в сердце кровь,
И перед каждым бюстом белым
Не вспыхнет в сердце охладелом
Ежеминутная любовь.
Когда он был юнцом незрелым,
Его пленяли модести.
Порой от груди нежной, зыбкой,
Лукавой поощрен улыбкой,
Не мог он взоров отвести.
Пока смотрел он так нескромно,
Пока она болтала томно,
В его мечтах обнажена
Вставала перед ним она.
Но что мечты? На самом деле
Он видел прелесть наготы,

И любовался в голое тело
Сияньем юной красоты,
И насмотрелся, и, пожалуй,
Как ты, красотка, с ним не балуй,
Хоть покажи ты как-нибудь
По пояс голую всю грудь,
Иль обнажи по пояс ноги,
Его, увы! не бросит в дрожь.
В его душе ты не зажжешь
Знакомой юношам тревоги...

Март 1887

133

И наши смиренные песни
Исполнены слез.
Воскресни, воскресни,
Воскресни, Христос!

5 апреля 1887

134

Я лежала под тенью березы,
Разметав свои косы, нагая.
Предо мною прекрасные грезы
Проносилися, душу лаская.

Это было порой полуденной.
Солнце жгучее ярко горело,
Знойный воздух струей раскаленной
Обливал мое стройное тело.

В мое сердце вливалась истома
Упоительно-сладкой отравой.
До тех пор я была не знакома
С обаянием мысли лукавой.

Я впервые в себе ощущала
Муку страсти и трепет желанья.
Я, как счастья, объятий желала,
И уста мои ждали лобзанья.

16 мая 1887

134а

ВЕШНЯЯ РОЗА

Я купалась одна. Отдыхая
На траве под развесистой ивой,
Распустив свои косы, нагая,
Я лежала в дремоте ленивой.

Это было полдней порою.
Солнце жарко и страстно горело,
Знойный воздух прозрачной волною
Обнимал обнаженное тело.

Загоралась звенящая греза,
И, послушна пленительным чарам,
Я пылала, как вешняя роза,
Непонятым, томительным жаром.

Я впервые в себе ощущала
Муку страсти и трепет желанья.
Я любовных объятий желала,
И уста мои ждали лобзанья.

16 мая 1887

135

Все в себе поругал, осквернил я и сжег
В пожирающем юность огне,
И частицу ничтожную только сберег
Из сокровищ бесценных, дарованных мне.

Безысходною скорбию долго томясь,
Тот обломок хранила живая любовь,
И его, из разбитого сердца точась,
Согревала горячая кровь.

Так в душе утомленной, мятежной моей
Только малую часть ту сберечь я и мог.
Ярко блещет она, как залог светлых дней,
Моего возрожденья залог.

26 мая 1887

136

Как ты ночью ни гуляй,
Хоть и в майские субботы,
Не спасешься, так и знай,
От дремоты-потяготы.

Уж иди скорей домой,
А не то под кустик ляжешь,
И кому-то с зевотой
Ты «покойной ночи» скажешь.

17 июня 1887

137*

Мои безрадостные дни
Текут медлительной рекою,
И переполнены они
Безумством, скукой и тоскою.

Ты видел, как мальчишка злой
В весенний день пьет сок березы,
И по коре, вивась струей,
Текут недопитые слезы.

Так я, безумец, с детских дней
Прильнул губами к сердцу жадно,
И кровью жаркою моей
Питаться стало мне отрадно.

И кровь течет из тайных ран,
Слабеет воля, вянут силы,
На разум падает туман,
Объемлет душу страх могилы.

21 июня 1887

138

Где Аннета искупалась,
Вольдемар туда идет.
Если ленточка осталась
От Аннеты, — подберет.

Все исполнилось, как в сказке,
Что хотел, то получил:
Две лиловые подвязки
Он у сердца положил.

Ах, не знает он, что это
Обронила у ручья
Не прелестная Аннета,
А курносая швея.

6 июля 1887

139

Ты и молод и здоров,
Так не слушай дураков,

Не жалей, голубчик, ног
И ходи-ка без сапог.

Будет больше денег в дом,
Как походишь босиком,

И болезнь того неймет,
Кто босой везде идет.

Что тут, впрочем, говорить,
Что язык-то теревить!

Коротка для сына речь:
За ослушку буду сечь.

28 июля 1887

Твои дары, о Царь Всесильный,
Хотел я ныне перечесть,
Но были так они обильны,
Что их и оком не обвесть.

Но клеветник, Твой враг, приставил
Ко мне приспешников своих,
И с ними предо мной лукавил.
Я поздно злобу их постиг.

Я обозрел свои стяжанья:
Увы! я только расточал
Твои благие дарованья!
Внезапный стыд меня объял.

Я был Тебе рабом лукавым!
И вот я ныне слезы лью
Перед Тобой, благим и правым,
И дара одного молю:

К дарам духовным дар телесный
Даруй такой мне жизни строй,
Чтоб человек иль дух небесный
Меня наказывал лозой.

30 августа 1887

Если верит произвол,
Что приказ исполнит скоро,
Грубо крикнет он: — Пошел! —
И пойдешь себе без спора.

Что там будет впереди,
В размышленья не вступая,
Строго скажет он: — Иди! —
И пойдешь, не рассуждая.

Иногда и ласков он,
Скажет вежливо: — Идите! —
Что ж! исполнить принужден,
Ведь не скажешь: — Погодите! —

4 сентября 1887

Сосулька злился, морщил лоб;
Сжимая в пальцах табакерку,
Понюшку маленькую сгреб;
Взысканьям делал он примерку,

И злобно верещал: — Хрю-хрю!
Давно уж мною ты замечен!
Должно быть, мало был ты сечен,
Так уж сегодня отпорю! —

Впивались глазки, точно пульки,
В босого мальчика: нахал!
Наверх забравшись, у Сосульки
Он пару яблоков украл!

Корзина яблок — это взятка.
Вчера он сладко пел: — Хрю-хрю!
За яблоки благодарю. —
Сегодня счел, уж нет десятка.

Один неловкий ученик,
Там зазевавшись, попался.
Хоть слышались мольбы и хнык,
Но он послушно раздевался.

Сосулька ныл: — Воришка, хрю! —
И пальцем в табакерку стучал.
А взятку-то кто брал? кто хрюкал:
— Благодарю! Благодарю! —

21 сентября 1887

143

Как походишь по беседам
К этим глупым дуракам,
Так и станешь домоседом.
Ведь в гостях-то — стыд и срам! —

Злые сплетни, карты, водка,
Иль ничтожный разговор,
Да и люди — не находка:
Или взяточник, иль вор,

Иль тупица бестолковый,
Иль заносчивый болван,
Иль придирчиво-суровый
Вздорный, пьяный грубиян,

Иль в речах весьма затейный
Еле грамотный педант,
Иль весьма галантерейный,
Весь в помаде липкой, франт.

Жены, тетки глупы, злобны,
Дочки, сестры — рой кривляк,
В обращеньи неудобны,
Их полюбит лишь дурак.

4 октября 1887

Носит пышные наряды,
 Блеском дни ее полны,
 И завистливые взгляды
 На нее устремлены.
 Красоте ее чудесной
 Удивляется весь свет,
 И прелестной, и небесной
 Объявил ее поэт.
 Но она вздыхает тайно,
 Мужа старого клянет
 И клянет судьбы случайной
 Золотой, но тяжкий гнет.
 Что ей свет? Нужна ей воля,
 Свет небес, лугов цветы,
 Ширина родного поля,
 Радость свежей красоты.

Детство скромное вспомянет
 Дама знатная подчас,
 И слеза украдкой канет
 Из ее широких глаз.
 Дом в деревне, сад фруктовый,
 Папа — старый генерал,
 Снисходительно суровый,
 Вместе нянька и капрал.
 Весела ей жизнь степная:
 И резвится, и поет,
 Дома бегаёт босая,
 Босиком и в лес пойдет.
 Улыбаются ей воля
 Свет небес, лугов цветы,
 Ширина родного поля,
 Радость свежей красоты.

Не без туч на небе ясном,
 Жарким летом не без гроз,
 И на девичьем прекрасном
 Светлом лике не без слез.
 Напроказничает Лиза, —
 А старик, любя, был строг,
 Лжи, упрямства и каприза
 Ни за что стерпеть не мог.
 Гнева отчего боялась
 Наша Лиза, как грозы:
 В те минуты доставалось
 Ей отведать и лозы.
 После лозы Лиза в поле
 Убежит срывать цветы,
 Утешается на воле
 Блеском вешней красоты.

28 октября 1887

Морозным вечером по снегу
 Бегу я в баню нагишом,
 И кажется тогда с разбегу,
 Что и мороз мне нипочем.

Нигде не встретится прохожий,
 Никто не глянет из окна,
 И только лупоглазой рожей
 Мне ухмыляется луна.

А если кто мне попадется, —
 Бабенка, пьяненький купец, —
 Посторонившись, засмеется,
 И крикнет вслед мне: — Молодец! —

Мостки, заборы, перекресток,
 Другая улица, и вот
 Калитка, двор, и лунных блесток
 Пред баней кружит хоровод,

И, весь багровый от мороза,
 Вбегаю в банное тепло.
 Захлопнул дверь. Какая проза
 Заглянет в мерзлое окно?

Мальчишки мокрые смеются.
 Помылися и ждут меня.
 Из шаек их на тело льются
 Потоки жидкого огня.

Хлопочут вокруг веселым роем,
 Проворны эти восемь рук,
 И милый пар объемлет зноем,
 Вплетаяся в журчащий звук.

Омытый с головы до пяток,
 Я весь горяч, как дикий зверь.
 Срок обтиранья очень краток.
 Бегу в распахнутую дверь.

Мороз нагое тело лепко
 Теснит и давит, — но броня,
 Жарою скованная крепко,
 До дому не спадет с меня.

16 декабря 1887

Крутой мороз и хрупкий снег.
 По улицам бегу я голый
 Из бани; все проворней бег,
 Немножко жуткий, но веселый.

Все спят, в домах везде темно,
Никто на улицу не выйдет,
Никто не поглядит в окно,
Никто не встретит, не увидит.

Сменив морозом банный жар,
Я с головы до пяток красен.
Мне весело, но самовар
Горячий будет не напрасен.

Вбежал в домашнее тепло,
Облекся простыней суровой.
Как здесь уютно и светло!
И самовар шумит в столовой.

Торопит мать: — Чай налит, пей! —
Босыми шлепая ногами,
Бегу в столовую — скорей
Пить чай горячий с сухарями.

22 декабря 1887

1888

147

Гляжу на грустный листопад,
Томим его нагою далью,
Листы поблекшие летят, —
И веют на душу печалью.

Напоминают мне они
Своею пестрой вереницей,
Что неудержно мчатся дни,
Как в небе птица вслед за птицей.

28 февраля 1888

147a

О, листопад, твой грустный вид
Томит меня нагою далью;
Листва поблеклая летит
И веет на душу печалью.
Как быстро стелются они!
Как злобно ветер торопливый
Их мчит над опустелой нивой.
Так мчатся быстро мои дни
Навстречу осени дождливой.

28 февраля 1888

Наш неудавшийся философ,
 Недоразвившийся мудрец,
 Ты в море жизненных вопросов
 Пустился смело, наконец.

Но и сюда — знать покарала
 Судьба за некие грехи, —
 Как в отвлеченные начала
 Ты внес немало чепухи.

8 апреля 1888

Разбита вера. Радостной надежде
 Я сам давно сказал: прости! Любовь
 Одна во мне еще горит, как прежде,
 Она одна волнует в сердце кровь.

Любовь не к женщине. Я этой страсти
 До сей поры еще не испытал,
 Не поддавался чарам женской власти,
 И милых уст ни разу не лобзал.

Любовь к добру, и к правде, и к свободе,
 Любовь к тебе, великий мой народ!
 И к людям братская любовь, к природе,
 Она одна ведет меня вперед.

Но как темна дорога! Безотрадно
 Идти Бог весть куда, в немую даль.
 Ищу я света трепетно и жадно,
 И нет его, и детской веры жаль.

Надежды нет! Не верю я ни в Бога,
 Ни в самого себя, ни в лживый свет,
 И как душа ни жаждет веры, строго
 Ей разум говорит, что Бога нет.

Бессильные и поздние проклятья
 Я вам не раз во мраке посылал.
 Зачем во мне разбили вы, о братья,
 Святым нектаром налитый фиал!

22 апреля 1888

Бесцельные и поздние проклятья
 Я вам не раз во мраке посылал.
 Зачем во мне разбили вы, о братья,
 Сладчайшей веры блещущий фиал!

Погасла вера. Радостной надежде
Я сам давно сказал: прости! любовь
Одна во мне еще горит, как прежде,
Волнуя холодеющую кровь.

Храню ревниво светоч мой последний.
Так, возвращаясь по домам в ночи,
Хранят огонь, зажженный за обедней,
И ветром задуваемой свечи,

И старец, и задумчивая дева...
Но весело ночная их семья
Встречает без печали и без гнева
День Воскресенья Светлого... А я!

Темна моя дорога! Безотрадно
Идти невесть куда, в немую даль.
Ищу я света трепетно и жадно,
И нет его, и детской веры жаль.

Надежды нет! Не верю я ни в Бога,
Ни в самого себя, ни в лживый свет,
И как душа ни жаждет веры, строго
Ей разум говорит, что веры нет.

22 апреля 1888

150

Во цвете лет в обитель удалилась
Княжна Елена. Стали звать ее
Монахиней Ириною. Молилась
Усердно. Свято было житие.

Архиепископ, посетив обитель,
Прозорливо ей посмотрел в лицо,
И молвил, улыбаясь: «Не хотите ль
Сапфирное опять надеть кольцо?»

И, покраснев, она ему сказала,
Дрожа всем телом: «Нет, владыко, нет!»
И строго ей сказал владыко: «Мало,
Ирина, поняла ты свой обет.

Всегда, везде пути Господни правы.
Повиновение — долг первый твой.
Одним — блюсти церковные уставы,
Другим — идти дорогою иной.

Ирина здесь, Елена там: двойная
Тебе повинность чрез меня дана;
Домой отсюда ты пойдешь босая,
Как по обету нищая жена.

И сбудется с тобой по воле Бога,
Что им начертано в твоей судьбе.

В широкий мир указана дорога
Через меня, мятежная, тебе.

Не возражай! Иди!» Склонилась низко,
Его благословенье приняла,
И в тот же день (село родное близко)
Босая в отчий дом она пошла.

Непозабываемое вставало горе
Сквозь шелесты ветвей и ласку трав.
В коляске вдруг проехал князь Григорий.
«Стой! — крикнул кучеру, ее узнав. —

Елена, ты! Прости мою ошибку!
Всегда тебя любил, и ты — моя!»
О, как же скрыть внезапную улыбку
На этот сладкий призыв бытия!

И все родные в радости великой.
Обет велит Ирине быть босой,
Но разрешил охотно ей владыка
Обутою Еленой быть порой.

24 апреля 1888

151

Можно быть скотиной,
Подлым наглецом,
Можно, как картиной,
Торговать лицом.

Можно грабить ловко,
Не боясь суда,
Если есть сноровка,
Если нет стыда.

Можно втайне взятку
Получить и дать;
Можно волчью хватку
В нужде показать.

Беззаботно птичка
Вьется ль на пути, —
Можно, как лисичка,
К глупой подползти,

Выпить без остатка
Молодую кровь,
Облизнуться сладко
И таиться вновь.

Всякую затею,
Всякий подлый грех
Мы простим злодею
За его успех.

В нашем поколеньи
Встретит дружный смех,
Злобу и презренье
Только неуспех.

29 апреля 1888

152

Где ты, радость! Хоть каплями брызни
На печальные лица порой!
Замутились источники жизни,
Она льется утрумой рекой.

Не дождешься на призыв ответа!
Даль туманная всюду видна,
В темных тучах не видно просвета,
А в реке — неизвестного дна!

6 июня 1888

153

Переплетчик, милый малый,
Хоть порой немножко шалый,
К речке с удочкой идет.
Нет работы, — он гуляет,
Босиком он щеголяет,
А с лица струится пот.

17 июня 1888

154

На широком и бойком пути,
Из-за моря варяжного в греки,
Где лишь волок один перейти,
А то всё многоводные реки, —
Наша бойкая Русь начала
Сознавать себя сильным народом;
Встрепенувшись, она поплыла
В Цареград по бунтующим водам.
И дрожал перепуганный грек
Пред дружиной Аскольда и Дира,
Но смерила их буйный набег
Пресвятая владычица мира.
Осенила сердца дикарей
Умиленья святой благодатью,
И князья, побежденные ей,
Возвратились с крещеною ратью.

То был первый Христов огонек,
Он таился чуть видимым тленьем,
Но уж скоро весь русский Восток
Озарился Христовым явленьем.
Для могучей России ты был,

Юный Киев, в те дни колыбелью.
Через век твой ручей послужил
Для крещенья народа купелью.
Как красавец ты рос на холмах,
Ты днепровской волной умывался,
Ты был силен и славен в боях,
И заморской парчой одевался.
И с тобой не по дням, по часам
Вырастала славянская слава,
Раздвигалась, на горе врагам,
Широко молодая держава.

Стал Владимир княжить молодой:
Он в бессильных богах усумнился,
К вере новой, чудесной, святой
Он всей пылкой душой устремился.

21, 29 июля 1888

155

Смуглый мальчик, стоя перед мамой,
Шепчет: «Сознаю, что виноват».
Мама улыбается: «Упрямый
Гриша! мальчики всегда шалят.

Милый, я тебя бранить не стану.
Что за вздор! Какие пустяки!» —
«Не брани, а позови Татьяну, —
У нее ведь руки-то крепки!» —

«Лучше спать бы, Гриша, собирался.
Ну, какая же вина твоя!» —
«При гостях я дерзко разболтался,
Покраснеть тебя заставил я». —

«Гриша, ну так что ж, что покраснела!
Ты и сам, мой ангел, покраснел.
На тебя я только поглядела,
Ты сейчас же, милый, присмирел».

Гриша хмурится, твердит упрямо:
«Ну, а все-таки я грубиян.
Очень ты меня балуешь, мама.
Мне от розог невелик изъян.

Ну, конечно, зареву от боли,
И в руках Татьяны замечусь.
Только потакать мне хорошо ли?
Ведь от порки я не растреплюсь.

Ведь сама меня ты закаляешь,
И сечешь меня ты иногда,
Босиком ходить ты заставляешь.
Право, мама, розги — не беда».

Мать смеется: «Гришка босоногий!
Милый мой спартанец! Ангел мой!»
А потом, вдруг сделавшись строгой,
Оттолкнула мальчика рукой.

«Обойдемся, Гриша, без Татьяны.
Если хочешь, надо наказать».
И бежит в вечерние туманы
Гриша в сад, чтоб розог наломать.

Мать стоит босая у ступенек,
Слышит шум срываемых ветвей,
Видит — Гриша тащит целый веник.
Неизвестно, кто из двух красней.

Мама Гришу в спальню проводила.
Взмахи рук, и по щекам — хлоп! хлоп!
Догола раздела, положила
На колени. — «Вот тебе!» — Чжик! шлеп!

«Вот тебе!» — Чик! — «Два!» — Чик! — «Три! Четыре!
Будешь мне дерзить?» — Чик! — «Пять!» — Чик! — «Шесть!» —
«Ой! не буду!» — «Ну, дыши пошире!
Отстегаю, — больно будет сесть!

Не дерзи!» — Чик! — «Семь!» — «Прости!» — Чик! — «Восемь!» —
«Ой!» — Чик! — «Девять!» — «Ой!» — Чик! — «Десять!» — «Ай!»
— Чик! — «Одиннадцать!» — «Ай!» — «Что голосим?» —
Чик! — «Двенадцать! Пяток не кидай!» —

Чик! — «Тринадцать!» — «Миленькая, больно!» —
Чик! — «Четырнадцать! Что, озорной?» —
Чик! — «Пятнадцать! Милый, не довольно.» —
Чик! — «Шестнадцать!» — Чик! — «Семнадцать!» — «Ой!» —

«Восемнадцать!» — Чик! — «Ай, ой! Не буду!» —
«Девятнадцать!» — Чик! — «Ай, ой! Прости!» —
«Двадцать!» — Чик! — «Ну, будет. Эту грудку
Прутьев, Гриша, надо в сад снести».

Живо снес. — «Целуй мне ноги, милый!» —
«Мамочка, спасибо за урок!» —
«Больно?» — «Да!» — «Господь тебя помилуй!
Спи себе спокойно, мой сынок!»

8 августа 1888

156

У матери отняли сына,
У сына — любимую мать.
Тоскует и плачет ребенок,
И некому слезы унять.

15 августа 1888

ЗАРУБЕЖНОМУ КЛЕВЕТНИКУ

Редко встретишь сына,
 Чтобы он на мать
 Стал пред чужими
 Дерзко клеветать.

Глупо и бесчестно
 В стороне чужой
 Издеваться злобно
 Над землей родной.

Если не имешь
 В почве ты корней,
 Не она виновна
 В чахлости твоей.

С духом воробьиным
 Из душевной мглы
 Не взлетал бы в сферы,
 Где парят орлы.

Знал бы: не удержишь
 Крылья, — упадешь,
 Грудь свою пустую
 Даром разобьешь.

8 апреля, 26 сентября 1888

158

Он был всегда немножко странен:
 Порою резов и шумлив,
 Порою робко молчалив,
 И бледен, словно тайно ранен.
 Но бледный цвет его лица
 К нему пристал необычайно.
 И от упавшего случайно
 На лоб упрямого кольца
 Его волос смолисто-черных,
 Лицо казалось бледней,
 А блеск очей его упорных
 Неотразимей и мрачней.

5 октября 1888

159

Друг и товарищ юных дней,
 Он после многих лет разлуки
 Опять со мной, в глуши моей;
 Мы ждем опять друг другу руки.
 Его мечтательный рассказ

Напомнил многое мне в прошлом,
Порой пленительном для нас,
Порой безрадостном и пошлом.
Он с детства был мне брат и друг,
Хоть не одной мы шли дорогой;
Он был изнеженный барчук,
А я — питомец доли строгой.
Он, избалованный, не знал
Ни принужденья, ни угрозы.
Меня никто не баловал,
И я ребенком привыкал
Глотать непрошенные слезы.

5, 8 октября 1888

160

Гражданин никогда
Не уйдет без суда
Из своей угнетенной отчизны.
Но не верь, что я слаб:
Я не больше, как раб,
И не стою я слов укорины.

Верь, мой друг, я бы мог
Свой лавровый венок
Променять на позор эшафота, —
Если грянет гроза,
Не закрою глаза,
В битву брошуся я без расчета.

Но ведь чист небосвод,
И спокойно плывет
Лучезарное, жгучее солнце;
И нарядно блестят
Окна пыльных палат
И убогое в хате оконце.

10 октября 1888

161

Много сказок мы в детстве слышали.
Всех лукавее сказка одна,
И тому, кто ей верит, едва ли
Смерть страшнее глубокого сна.

Верит он, что душа его с телом,
Этой брэнной тюрьмой, не умрет,
Но в прекрасном Едином и Целом
Благодатно вовек оживет.

Верит он, что во всем мирозданьи
Невидимо присутствует Тот,

Кто все создал, Кто это создалье
Охраняет и к благу ведет.

Верит он, что неправда и злоба
Перед образом Божиим дрожат,
А за гранью сурового гроба
Божья Правда с Любовью царят.

23 октября 1888

162

Не боюсь я старости, нет!
И теперь уж я сердцем старик,
Юной страстью давно не согрет
Мой лукавый, мой лживый язык.

Что ты, старость, возьмешь у меня?
Этот гнев, что вскипает порой,
Когда подлость людскую кляня,
Я страдаю усталой душой?

Эти вспышки меня тяготят,
А на битву не бросят они...
Бесполезные чувства кипят,
Безотрадные тянутся дни.

Что с тобою мне, старость, грозит?
О загубленной жизни печаль?
Раскаяния жгучего стыд?
Или будет кого-нибудь жаль?

Этих мук пожирающий ад
Мое сердце тиранит давно.
Бури жизни его не щадят,
И навеки разбито оно.

Приходи же, седая, скорей,
Беспощадную смерть приводи.
С леденящей улыбкой своей
Приходи поскорей, приходи.

6 ноября 1888

163

Ох ты, русский сон, уж и долог ты,
Уж и лют же ты, старый наш злодей.
Стали жители старой Вологды
Из Москвы к себе поджидать гостей...
Грозный царь Иван собирается
Царство русское обозреть кругом,
И на Вологду подвигается
Ходом медленным он большим путем.

27 ноября 1888

Переложил он сласти много,
 Назвал: «Федорушка Кузьмич».
 Охотно б обошелся строго,
 Да и над ним начальство — бич.

А впрочем, угодить он может
 Тому, кто в мире посильней,
 И знаю, скоро переложит
 Он мне того, что погорчей.

6 декабря 1888

Непритязательный и скромный,
 Я все же чувствую в себе
 Так часто недовольство к темной,
 Печальной, злой моей судьбе.

Гляжу ль на счастье невежды,
 Внимаю ли его речам,
 Иль упоение надежды
 Читаю по его глазам, —

Теснит мне душу зависть злая,
 Тоска сжимает смутный ум,
 И сам себя не понимая,
 Я полон недостойных дум.

Мне самому немного надо:
 Какой-нибудь простой приют
 Для размышлений, — мне услада
 От жизни отнятых минут.

Но ты, сопутница моя,
 Тебе тяжел твой путь и труден
 Быть может оттого, что я
 Был в жизни зол и безрассуден.

Оставив торные пути,
 Я шел неведомой тропинкой.
 Мечтал я лавром расцвести
 И вял растоптанной былинкой.

И я мечтал: сохранена
 Ты будешь под мою тенью,
 Пока повеет к нам весна
 Любви душистою цветенью.

Но солнца жгучие лучи
 Тебя палят, и ты в них вянешь.
 Печаль скрывать не хлопочи,
 Мой друг, — меня ты не обманешь!

И вот, что дальше, то все злей
К чужому счастью я ревную,
И в тишине моих ночей
Бессильно плачу и тоскую.

28 декабря 1888

Среда

165a

Оставив торные пути,
Я шел неведомой тропинкой.
Мечтал я лавром расцвести
И блекнул жалкою былинкой.

Непритязательный и скромный,
Я все же чувствую порой
Больное недовольство темной,
Печальной, злой моей судьбой.

Гляжу ль на счастье невежды,
Внимаю ли его речам,
Иль упоение надежды
Читаю по его глазам, —

Теснит мне душу зависть злая,
Тоска сжимает смутный ум,
И сам себя не понимая,
Томлюсь от недостойных дум.

28 декабря 1888

Среда

166

Когда стоял Наполеон
У стен трепещущей Москвы,
Перед грозой его знамен
Не преклоняла ты главы.

1888

1889

167

Битвой со злом бесконечным
Я утомлен уж; едва ли
В шуме и в смехе беспечном
Сердце забудет печали.

Пусть на минуту обманет
Сердце веселая радость, —
Все ж из могилы не встанет
Горем убитая младость.

2 января 1889

И в тиши, незримой свету,
 Нетревожимый толпой,
 Я чеканю, как монету,
 Стих мой звонко-золотой.
 Разукрашены, согреты
 Жаром мысли, звоном слов,
 Стройно нижутся куплеты
 Вязью крупных жемчугов.

Но я болтлив превыше меры,
 Разнообразные размеры
 Не оправдают, знаю я,
 Мои скачки и отступленья,
 И мой печатный судия
 Мне не дарует снисхожденья.

8 января 1889

169

Бесконечны преферансы.
 Поиграем, встанем, выпьем водки.
 На закуску — вкусные селедки.
 Посравним с хитринкой шансы.

«Этакое невезенье!»
 «Полно, мы ведь вашу запись видим».
 «Ох, хитрец!» — И снова тихо внидем
 В область карточного бденья.

15 января 1889

170

Жил бы я повеселей,
 Побогаче, посчастливей,
 Если б был я поскромней,
 Посмирнее, терпеливей,
 Если б гнулася спина
 Перед силою и властью, —
 Но хоть горем жизнь полна,
 Я горжусь своею частью.
 Пусть ведет меня она
 К темному несчастью,
 Но не скажет злобный мир
 Над моей могилою:
 Читил он наш кумир,
 Гнулся перед силою.

И пускай клеветает мой
 Неприятель и гонитель,
 Пусть он горем и тоской
 Омрачит мою обитель.

Не согнусь пред ним в дугу,
Не пойду на мировую
И не стану мстить врагу
За его обиду злую.
Поборюсь, пока смогу
Я за истину святую.
И уж там пускай идет
Непогода мгlistая,
Смелый все снесет,
Если совесть чистая.

15 января 1889

171

Я песню пропою
Про Ксению мою.

По нежной красоте,
Знакомой лишь мечте,

Ей равных в мире нет.
Мила, как вешний цвет,

Как лилия, бела,
Как роза, расцвела,

Но раннею весной
Жестокою рукой

Погублена она,
И в жертву предана

Холодной, злой тоске.
Так роза на песке

Измятая лежит,
И грустен ее вид.

21 февраля 1889

*172**

Под солнцем весны благовонной,
Когда все так пышно цвело,
Я видел великое зло.
Работник стонал утомленный
Над нивой своей истощенной,
Богатство — к богатым ушло.

Искал я по целому миру,
Где царствуют счастье и труд,
И где золотому кумиру
Бесценных даров не несут.

Повсюду я видел картины
Неправых стяжаний и зла.
Рука неизбежной судьбины
Путем нищеты и кручины
Рабов беззащитных вела.

Разбил я свои упования,
Я проклял исканья свои,
И горькой отравой страданья
Исполнены песни мои.

26 февраля 1889

173

Болтун и враль, Корчаг-Гречина,
Пред новым годом ожидал,
Что будет он, прямой дубина,
Наверно штатский генерал.

Но эту чванную затею
Не удалось осуществить:
Пришлось Гречине получить
Увы! Владимира на шею.

Гречина лапки опустил,
Печально нос свой красный свесил,
И непомерно загрустил, —
А прежде был куда как весел.

Мой друг! доволен будь и тем:
Ведь это много лучше, чем
За незаконные затеи
Быть протуренным вдруг в три шеи.

12 марта 1889

174

Я написал бы вам куплеты:
Мне не просиживать ночей,
Чтоб для насмешливой Аннеты
Искать рифмованных речей.
Мечта растет в душе поэта,
Как тучка в небе голубом,
И разрешается потом,
Полдненным солнцем разогрета,
На солнце блещущим дождем.
Но над душой моей царила
Давно томительная тьма;
Моя душа была уныла,
И равнодушна, и нема.
Вы появились предо мною,
Приветами меня даря, —
И над душой моей немою

Горит прекрасная заря.
Перед явлением благодатным
Вся вострепнулась душа,
И я, с волнением непонятым,
Печаль былую заглуша,
Тревожно жду: на смену тучам
Ужели ясный день взойдет,
И милый взор ваш солнцем жгучим,
Но обольстительным, блеснет?

13 марта 1889

175

Ковром зеленой ряски
Затянут, дремлет пруд.
И, мнится, оживут
Осмеянные сказки:
Зеленой головой
Всплывет из вод русалка,
Бела, стройна, нага,
И тонкая, как прялка,
Задвигается нога.
Но пруд спокоен; ряска
Едва-едва плывет,
И бабушкина сказка
Увы, не оживет.

6 апреля 1889

176

Пришли мы от обедни ранней,
Спешим отведать кулича.
Пасхальный скромный стол желанней,
Чем пышный пир у богача.

Святая Пасха благодатна,
Когда пред нею сам ты прост,
И разговеться так приятно,
Когда был строг и долг пост.

Кулич и пасха — посредине,
Вкруг — яйца, окорок, вино.
Все темное забыто ныне,
Греховное все прощено.

В домашней праздничной одежде
Сажуся я босой за стол,
Как будто в радостной надежде
В обитель горнюю вошел,

Где все невинно, свято, бело,
Где под ногами облака,

И где к святейшим брашням смело,
Легко касается рука.

Со мной сидят сестра и мама,
И свято наше торжество,
Как будто бы пришли мы прямо
К престолу Бога своего.

9 апреля 1889

177

— Не люблю чинуш я чинных:
Заработают гроши,
И топорщатся в гостиных,
Дома ж — ши не хороши.

— Дети ль, взрослые ль — спесивы,
Дома треплют сапоги.
Ты не бойся, сын, крапивы,
Сапоги побереги.

— Посмотри-ка на иконы, —
Что святых-то босиком!
А приходят без препоны,
Да не в барский, в Божий дом.

12 апреля 1889

178

Кто любит мать?
Сирота.
Где пленил нас Христос?
У креста.
Где невеста прелестна?
В могиле.
Когда сын не испорчен?
Когда рано умрет.
Когда друг не клеветает?
Когда он далеко.
Когда жизнь не обманет?
Когда прервется.

17 апреля 1889

179

Мне не дожить до светлых дней,
Когда усилями народа
Престолы гордые царей
Как некий прах сметет свобода.

Но после смерти я б желал,
Чтоб на свидание с землею
Бог пред концом меня послал,

Чтоб я бесплотною душою
Судьбу потомков увидал.

Пришли ли к вожденной мете?
Освободились ли они?
И правда ль царствует на свете,
Как ложь лихая в наши дни?

26 апреля 1889

179а*

Не доживу до светлых дней,
Когда грядущие народы
Преданья битвы и цепей
Заменят песнями свободы.

И умереть не жаль. Но я
Хотел бы, чтоб душа моя,
Когда пройдут века неволи,
Мир посетить могла на миг,
Узнать, как света он достиг,
Как зло потомки побороли.

26 апреля 1889

180

Я проснулся. В окно
Солнце светит давно,
И душа ему, светлому, рада.
Я оделся молчком
И бежал босиком
По дорожкам цветущего сада!

И смеюсь, и пою,
И рубашку мою
На бегу ветерок раздувает.
Вот кусты лозняка,
Вот и наша река,
Извиваясь, журчит и сверкает.

Я одежду долой,
И вперед головой
Прямо с берега в реку ныряю,
Опускаюсь до дна,
А вода холодна,
Я проворно наверх выплываю.

Я плыву, и кругом
Брызжу воду столбом,
По воде ударяя ногами;
Солнце в брызгах блестит
И волну золотит,
Ветер тихо играет кустами.

12 октября 1888, 7 мая 1889

Пока задумчивый мой гений
Лениво спал или дремал,
Обилием плохих стихотворений
Меня мой рок безбожно наказал.

Писака я уж слишком ярый,
Марать бумагу стал давно,
Но вдохновительною чарой
Владеть порою мудрено.

Потратил времени я много,
И жаль, что некому порой
Мой труд ценить решительно и строго,
И сечь меня жестокою лозой.

Чтоб я иль вовсе бросил пенье,
Иль, помня лозовый урок,
Свои незрелые творенья
Одеждой брачною облек.

21 мая 1889

Пустынный путь. Иду босой.
В песке сыпучем ноги вязнут, —
Я утомлен. Спадает зной.
Заходит солнце. Краски гаснут.
Все та же степь лежит кругом,
Я не встречал давно жилища.
Но вот на поле золотом
Краснеет что-то: старый дом?
Забор забытого кладбища?
Старинной крепости стена?
Излом глубокого обрыва?
И я спешу, — желаньем сна
Душа окована лениво.
Я вижу каменных палат
Полуразрушенные стены.
Здесь, полстолетия назад,
Такой не ждали перемены.
Кипела жизнь, — толпы гостей
Под разукрашенные своды
Вносили блеск и шум речей
И для завистливых очей
Затеи прихотливой моды.
Но все промчалось, — много лет
Жильцов в пустынном доме нет.
Стоит он, дряхлый, в думе строгой,
Уныло разрушенья ждет, —
И только странник босоногий,
Измучен дальнею дорогой,
На двор широкий забредет.

И я, не сняв своей котомки,
Присел уныло на обломки.
Там стекла выбиты, а там
Зияет трещина, как ранка,
И в ней приют своим корням
Нашла цветущая румянка.
Лучом прощальным облиты,
К обветренной стене кирпичной
Прижались синие цветы
С какой-то лаской необычной.
Излом неровный кирпича
Тычинки красные лобзают,
И листья узкие сметают
Пыль, волосками трепеща.

25 мая 1889

183

Три зверенка — не зверенка,
Три чертенка — не чертенка
По зауголью живут,
В неподобный час выходят,
Игры жуткие заводят,
И орут, и вопиют.

Первый — желтый, липкий, кволый,
Ростом с палец, но тяжелый,
Что кошмарный камень, вздох.
В несуразный ведьмин праздник
Не последний он проказник,
И его поклечут: «Ох!»

А второй — вертлявый, тонкий,
Взор мышинный, голос звонкий.
Друг его — крикливый Зой.
На пирушке у колдуньи
Про него гнутят шептуньи:
— Голосистый вырос Ой! —

Третий — юркий и визгливый,
Топотун нетерпеливый,
Взвизгнет, уши затыкай.
У шишиги на пирушке
Шелестинные старушки
Шепчут: — Хват же этот Ай! —

Чуть слышат запах лозы,
Набегут быстрее, чем слезы,
И пока меня дерут,
Забавляются, кривляясь,
Вдоль по розгам кувыркаясь,
И пронзительно орут.

25 мая 1889

ГЕРМАНКА

Рукою матери меч острый занесен
 Над милым, тихо спящим сыном,
 Чтоб сын Германии не был порабощен
 Надменным римским гражданином.
 Там слышен бранный крик, мечей и треск, и гром,
 Здесь смотрит мать полунагая,
 Как льется кровь из сердца мальчика ручьем,
 Как он трепещет, угасая.
 Лежит пред ней красавец-сын ее нагой, —
 А в лагерь враг уж проникает.
 Бесстрашная, она на меч тяжелый свой
 Нагою грудью упадет.

29 мая 1889

184a

ГЕРМАНКА

Тяжелый меч над сыном занесен
 Рукою матери, над спящим сыном,
 Чтоб не был сын ее порабощен
 Надменным римским гражданином.

Там слышен бранный крик и звон мечей,
 Здесь смотрит мать, изнемогая,
 Как льется холодеющий ручей,
 Как сын трепещет, угасая.

И вот лежит, лежит он, кровью облитой,
 А в лагерь враг уж проникает.
 Она на меч тяжелый свой
 Бесстрашной грудью упадет.

29 мая 1889

185

Поверьте, синего чулка
 Равно несносны мне приметы
 И у блуждающей кометы,
 И у ночного мотылька.

Весна 1889

186

Шипит вино в моем бокале.
 Его один я грустно пью.
 Развей, вино, мои печали,
 И усыпи тоску мою!

Пушкой мое воображенье,
Согрето пеною твоей,
Послужит мне как отраженье
Иной страны и лучших дней.

Из этой области мороза
Неси, неси меня, мечта,
В тот край, где зреющая лоза
Вся жарким солнцем облита!

Где смуглой красотой прельщая
Разочарованный мой взгляд,
Стоит у лоз она, босая,
Сбирая зрелый виноград!

3 июня 1889

187

Туманная осень пришла,
И листья с деревьев опали,
В долинах — ползучая мгла,
В лесу — обнаженные дали.

Безвременник лишь луговой
Цветок распустил свой лиловый,
Но, кажется, стебель нагой
Уже не гордится обновой.

Он помнит, как в летние дни
Цветка его листья все ждали.
Цветка не дождались они,
Увяли и наземь опали.

24 июня 1889

187a*

Осень холод привела,
Листья на землю опали,
Мгла в долинах залегла,
А в лесу — нагие дали.

Безвременник луговой
Распускает цвет лиловый,
Но, печальный и нагой,
Не гордится он обновой.

24 июня 1889

188

Когда проходят предо мною
Виденья бедных детских лет,
Сквозь тучи мрачные порою
От них отрадный блещет свет.

И сладко мне — давно забвеньем,
Сокрытый случай вспоминать,
И неожиданным волненьем
Больные думы оживлять.
По шумной улице близ рынка
Я пыльным летом проходил.
Не все мне было здесь новинкой,
Но чутко я за всем следил.
Толпы, шумя, спешат куда-то,
Колеса гулко дребезжат,
Бегут крикливые ребята, —
Везде стучат, пылят, гремят.
Но вот сквозь этот шум и рокот
Я слышу чей-то пьяный крик,
И чью-то брань, и чей-то хохот:
Бьет бабу пьяную мужик.
Вокруг толпа — и всем так любо,
И я туда же поспешил, —
И вдруг старик какой-то грубо
Меня за плечи захватил.
«Ступай, малыш, своей дорогой,
Тебе здесь не на что смотреть!» —
Сказал он мне, и голос строго
Звучал, слегка звеня, как медь.
И я, противиться не смея
Словам седого старика,
Ушел, смущаясь и краснея,
От грязной двери кабака.

29 июня 1889

189

Когда я бился безнадежно
За свой высокий идеал,
Людей любил я так мятежно
И так глубоко презирал.

Но, закаляясь в пытке лютой,
Давно усталая душа
Черствела с каждою минутой,
Тоской холодною дыша.

Ее пятнали впечатленья,
Дел безобразных лжи и зла,
И даже жажда возрожденья
В душе порочной умерла.

Мне не воскреснуть к жизни новой
С душой запятнанной моей,
И не свернуть мой путь терновой
На путь надежды золотой.

30 июня 1889

189a

И я стремился безнадежно
К мечтам, которых тщетно ждал,
И всех любил я так мятежно,
И так надменно презирал!

И закалялась в пытке лютой
Моя суровая душа,
Хладея с каждою минутой,
Тоскою тусклою дыша.

Ее пятнали впечатленья
Презренной пошлости и зла,
И скоро жажда возрожденья
Во мне навеки умерла.

Не одолеть тоски суровой
Душе поруганной моей,
И не свернуть с тропы терновой
К надеждам первозданных дней.

30 июня 1889

190

Средь ночи иногда мне нравится
Тихонько вылезти в окно
И на берег реки отправиться
Купаться: жутко и смешно.

5 июля 1889

191

Там, где статуя блистала
Обнаженной красотой,
От цветного пьедестала
Выделяясь белизной,
Там, где мрамор тот холодный,
Оживлен мечтой свободной,
Жизнью страстною кипел,
Грудь волнисто серебрилась,
Сердце мраморное билось,
Взор потупленный горел, —
Там, где стройные вершины
Ясень гордо возносил,
И теснились руины,
И фонтан среди долины
Белым призраком сквозил, —
Я просиживал, случалось,
Пред статуей по ночам, —
Дума в край заветный мчалась,
И богиня улыбалась
Детским трепетным мечтам.

Там, задумчивый ребенок,
Только вышел из пеленок,
Я о счастья мечтал,
И на ласковой свирели
О заветной, тайной цели
Песню робкую играл.

Раз, при блеске лунной ночи,
Только стихло все кругом,
Беломраморные очи
Страстным вспыхнули огнем.
Наяву или в мечтаныи,
Я потом понять не мог,
Но я видел колыханье
Белых персей, колебанье
Белых уст и трепет ног.
Шепот ласково призывный,
Взор манящий, огневой,
На щеках румянец дивный
Переливную зарей.
Полон дикою мечтою,
Я дрожащею рукою
Одеяния сложил
И у ног богини стройной,
Весь трепещущий и знойный,
Обнаженный, я молил
Хоть единого лобзанья,
Ласки страстной хоть одной
За былые ожиданья,
И за долгие блужданья
В роще темной и глухой.

И она ко мне склонилась,
Вся сияя и маня,
И легла, и вдруг обвилась
Как змея вокруг меня.
Страстью дикою волнуем,
Я богиню обнимал,
Поцелуй за поцелуем
С бледных уст ее срывал.
Целовал ее ланиты,
Ее плечи целовал,
И, мечась, ногами плиты
Пьедестала, все облиты
Лунным блеском, поражал.
В небесах, скользя, глядела
Серебристая луна,
И в лучах ее смуглело,
Извиваясь, мое тело,
И, колышась, как волна,
Блеском искристым блестела
Ее тела белизна.
Вдруг богиня стройно встала
На граните пьедестала.

Я к ногам ее упал.
 Ночь прошла, заря сияла,
 На востоке солнце встало, —
 Все, недвижим, я лежал.
 И когда сияло утро,
 Нежным блеском перламутра
 Мои плечи осеня,
 На траве под пьедесталом
 Сном объятого, усталым,
 Наконец, нашли меня.
 Я свои ночные грезы
 Никому не рассказал.
 < > березы
 < >
 И когда < >
 Перед статуей милой,
 Я < >
 Не < >
 < >
 И < >
 И < > плиты
 Пьедестала поражал.

6 июля 1889

192

Тяжело вспоминать мне детские годы,
 Тоскливые, мрачные душевные дни;
 Под неистовым воем свирепой невзгоды,
 В нищете безотрадной томились они.
 Оглушен и подавлен гремящей столицей,
 Посреди неприветливых темных громад,
 Рано стал я встречаться с моею царицей,
 Рано стал наслаждаться звенящей цевницей, —
 Но немного богиня дала мне отрад.
 По ночам ко мне мрачная муза слетала,
 Поражая суровою, дикой красой.
 Беспокойная грудь ее бурно дышала,
 На устах ее звонкая песнь трепетала,
 А глаза загорались безумной грозой.
 Сладкозвучнее флейты и звонче свирели
 Разливались напевы в полунощной тьме.
 В них рыдания, проклятья и стоны звенели,
 Как тоскливые отзвуки зимней метели,
 Как предсмертные девичьи крики в тюрьме.
 И волшебная сила печального пенья,
 Подхватив, поднимала меня, как волна,
 Уносила меня в города и в селенья,
 И внезапно глубокого, злого значенья
 Непонятная жизнь становилась полна.
 Перед детским моим негодующим взором
 Восставали победы коварного зла,
 Побежденная правда клеймилась позором

И отсюда немолчным, ликующим хором
Торжествующей силе гремела хвала.
Злобно знойная буря вставала
В истомленной, измученной детской груди,
Сердце билось тяжело, и кровь закипала,
И мечта, точно птичка больная, взлетала
Поглядеть: не блестит ли заря впереди.
Улететь далеко не хватало ей мочи,
И во мрак упала бессильно она.
И скрывалась муза за пологом ночи,
И смыкала мои утомленные очи
Поцелуем горячим для горького сна.
И во сне мне мерещилось вечное горе,
И давил мою грудь неотвязный кошмар,
Торжествующий, злобный, как гневное море,
С необузданной бурей в диком просторе,
Сжигающий сердце, как лютый пожар.
Просыпался я, ужасом тяжким томимый,
С замиравшим дыханьем, бледнея, дрожа,
Сердце билось и рвалось в тоске нестерпимой,
Словно мне угрожал в этом мраке незримый,
Неизбежный удар рокового ножа.

Годы шли, — и обрушила злая судьбина
Бремя мук и тоски на усталую грудь,
Разогнала былые мечтанья кручина,
Обыденная пошлость, как влажная тина,
Уж готова навеки меня затянуть.
До расцвета развернуты, вянут уж силы,
Гаснет в сердце, спаленном тоскою, пожар,
Впечатления жизни ни горьки, ни милы,
Раскрываются жадные двери могилы,
Исполняется въяве проклятый кошмар.

8 июля 1889

193

Кто живет в мире мысли и сладостных грез,
У того не замолкнет гремящая лира,
Не затихнет в душе неотвязный вопрос,
Не иссякнет источник томительных слез
О неправдах и муках порочного мира.

На заоблачных кручах альпийских высот
Не растают вовек снеговые громады,
В ледниках не исчезнет ползучий их лед,
Не иссякнут источники горные вод,
Не устанут греметь и кипеть водопады.

10 июля 1889

Искать грибы довольно скучно,
 Но лес! Но тень! Но влажный мох!
 Вдали «ау» так звонко звучно,
 Вблизи — как будто чей-то вздох.
 Но никого здесь нет со мною,
 Одни лишь ветки шелестят,
 Да под нагой стопой порою
 Сухие листья зашуршат.
 Корзинку бросив, под кустами
 Лежать бы долго и мечтать!
 Но там, за пыльными путями,
 Меня уж поджидает мать.
 И вот наполнена корзина,
 Грибы как будто на подбор.
 Вот кончен лес. Дорога, глина,
 Песок, канава и забор,
 Мостки, ворота и калитка,
 И вот я дома, наконец,
 И мама говорит: «Поди ж-ка,
 Грибов-то сколько! Молодец!»

12 июля 1889

195

Он свел ее с ума своими поцелуями
 И нежными пожатьями руки,
 И стали сны ее желаньями волнуемы,
 И дни полны томительной тоски.

15 июля 1889

196

Еще и этот день неслышно в вечность канул.
 Как медленно он шел, как скоро пролетел!
 Ты на закат его с тревогою смотрел,
 Как будто ждал чего. Того ль, чтоб в небе грянул

Над головой твоей внезапный гневный гром,
 И небо все зажглось излучинами молний,
 И перед их святым, карающим огнем
 Долина сделалась мрачнее и безмолвней,

И, в дикой ярости внезапно разрешась,
 Громады туч таким на землю пали б ливнем,
 Как будто слезы все людские потекли в нем,
 Как будто небо плачет, скорбию томясь?

Но шуму ярых бурь и воплям непогоды
 Заветных, знойных дум в душе не заглушить.
 Сияет день, гремит ли гром, — но без свободы
 И безотраднo так, и трудно в свете жить.

К ярму тяжелому привязанный, послушно
Глубокий тук полей вол плугом бороздит,
И пред собой бессмысленно и равнодушно
На ширь степей и неба он глядит.

Не для него блестят синеющие дали,
Не для него горят на небе облака,
Не для него сверкает острым блеском стали,
Потоками лучей облитая река.

Ярмо, да плуг, да бич, да тяжкие усилья, —
Вот весь душевный мир послушного вола.
Но ты не вол. Ты был орел, да только крылья
Жестокая рука судьбы оторвала.

Влачась по земле, угрюмой и холодной,
Не можешь ты забыть про яркую лазурь,
Про чистый воздух гор, где ты парил свободный,
И выше облаков внимал стенанью бурь.

10 сентября 1888, 16 июля 1889

197

День опять встает, ликуя,
И смеется надо мной.
Жизнь докучную влеку я.
Сердце глупое, не ной!

Веселися. В стекла окон
Бьется жаркий, яркий луч.
Пронизать пространства мог он,
Прям, настойчив и могуч.

Он сметает жизни горечь,
Паутину серых дней,
И без слов звучит его речь
Все понятней, все ясней.

22 июля 1889

198

Да будет проклят этот час,
Когда беспечно, в первый раз,
Порока бездне беспощадной
Я силы юные обрек.
Вампир, полуночный порок
Меня объемлет кровожадный.

Смерть, пощади! Жизнь хороша,
И жаждет страстная душа
Ее кипучих наслаждений,
И просыпается порой,
Как искалеченный больной,
Полузагубленный мой гений.

24 июля 1889

Давно судьбой моей унижен,
 Но злою долей не обижен,
 Людей о дружбе не прошу,
 Дарю их холодом презренья,
 И терпеливо выношу
 Их сплетни, злость и осужденья.

И если б как-нибудь в пути
 Случилось друга мне найти,
 Я отравил бы дружбу нашу
 Своей медлительной тоской
 И другу злых раздоров чашу
 Поднес бы мстительной рукой.

24 июля 1889

200

Сгустилась ночь. Раскрыв окно,
 Я в сад гляжу, где все темно.
 Шипит вино в бокале.
 Его я жадно, жадно пью,
 И слезы тягостные лью
 О побледневшем идеале.

Как я кипел, как я мечтал,
 Как беспокойно я желал
 Всю жизнь отдать святым порывам,
 Как я опасностей молил,
 Какой источник жгучих сил
 Таился в сердце горделивом!

Как сон, рассыпались мечты.
 А в жизни скорбь и труд слиты
 С позором рабского терпенья,
 И упоенье юных дней
 Сменило блеск своих лучей
 На чад ползучий опьяненья.

24 июля 1889

201

Как много людям ты даешь,
 На солнце зреющая лоза!
 От солнца силы ты берешь,
 Храня их и во дни мороза.

В корзинах много дорогих,
 Разнообразных формой ягод.
 Вкусны на месте. Хватит их,
 Коли умно уложат, на год.

То яйцевидны, то круглы,
То спорят с пальцами ребенка,
Желты иль сини, все милы,
Их любит всякая бабенка.

Названья вин не перечеть.
Послаще есть, и есть посуше,
Шипучие меж ними есть, —
Резвят умы и тешат души.

Изюм готовится, кишмиш,
От греков мелкая коринка,
В гастрономических, глядишь,
Вот за корзинкою корзинка.

В изюме радость солнца спит, —
Еврею ведома сноровка;
Семью еврея веселит
В великий праздник пейзаховка.

И это все, чтоб знали мы
В обителях земного мира,
Что мы — не дети здешней тьмы,
Что наши души из эфира.

27 июля 1889

202

Не называй ее пленительной и нежной,
Невинности души ее не доверяй,
И жар своей души глубокой и мятежной
Мечтой о чистоте прелестной не питай.

Она пред зеркалом стоит одна, нагая,
Прельщенная своей роскошной простотой,
И формы стройные красиво одевая,
Она волнуется безнравственной мечтой.

Располагает так она одежды складки,
Чтоб в них сокрытая сквозила красота,
Чтоб в их стремительном и пышном беспорядке
Не скрылась ни одна манящая черта.

Изучен каждый шаг и каждое движенье,
Улыбка каждая и каждый беглый взгляд.
И все притворно в ней — и радость, и волненье,
Обманчивым огнем глаза ее горят.

Не верь румянцу щек: служанка ее щеки
Сплеча колотит крепкой, сильною рукой, —
Удары сыплются и звонки, и жестоки,
Зато в лице горит румянец огневой.

31 июля 1889

Послужил я родине усердно,
 За нее немало пролил поту.
 Как кузнец, сплеча, немилосердно
 Я рубил, рубил свою работу.

В лес идешь, — боишься ль с волком встречи?
 Лес сечешь, — жалеешь что ли плечи?
 Хочешь рыбы, — замочи, брат, ноги!
 Нужен чорт, — хватай его за роги!

Много, братцы, мне истомы было.
 Все ломил я, ждал, спасибо скажут.
 Все, все дочиста ухлопал силы,
 Мне ж, на посмея, медом губы мажут.

Ой, возмись же ты за ум, детина.
 Поумнеть тебе давно бы надо:
 Знай работай, не жалея спину,
 И не жди за труд себе награды.

2 августа 1889

Измучен вечною заботой,
 Нуждой злорадной угнетен,
 За нелюбимую работой
 Все дни свои проводит он.

Как раб, нагнувшийся над плугом,
 Идет он с твердостью вола;
 И над нерадостным досугом
 Судьба отраву разлила.

Не для него сулило счастье
 Свои роскошные дары.
 Ему — иль ветер и ненастье,
 Или палящие жары.

Страдая мукой чрезвычайной,
 Неразделенною тоской,
 Он все ж послушен воле тайной,
 Идет оборванный, босой.

Идет тернистою дорогой,
 Бог весть зачем, Бог весть куда,
 Идет он полный веры строгой
 В святыню тяжкого труда.

Он в недалекую могилу
 Без страха бодро донесет
 Свою надломленную силу, —
 И с чистой совестью заснет.

3 августа 1889

Страх и стыд владеют мною.
 Мама высечет меня,
 Беспощадною рукою
 За ленивый час казня.

Тонет стыд в жестокой боли.
 Розги хлещут. Боль и страх.
 Проступает кровь по голи.
 Рев и крики: ай! ой! ах!

Наказание свершилось.
 Страх уж больше не томит.
 Боль осталась, хоть смягчилась.
 Весь я красен, голый стыд.

3 августа 1889

Что больше думать, злая боль
 Людских насмешек все сильнее.
 Так всыпанная в раны соль,
 Что ни минута, жжет больнее.

Тебя язвят со всех сторон,
 А ты, бедняк, что сам зевашь,
 И только жгучей боли стон
 В себе стыдливо подавляешь?

Вооружись и ты кнутом
 Насмешки ядовитой,
 Да и валяй по всем по трем.
 Нападки — лучшая защита.

4 августа 1889

Выйду в поле, свистну, крикну:
 — Гой ты, конь мой удалой!
 Стань-ка ты передо мною,
 Точно лист перед травой!

Уж и я ли в твое ухо
 Заползу кой-как ужом,
 Из другого уха выйду
 Разудалым молодцом.

Выше леса, выше бора
 Полечу я на коне
 Под серебряною тучей
 При полуночной луне.

Гриву дыбом подымая,
Скачет конь золотошерст,
Из ноздрей пускает пламя.
Что ни скак, то сотни верст.

8 августа 1889

208

Жизнь пуста и холодна,
Мир несчастливым так тесен!
Чаша, полная вина,
Ты — источник звонких песен!

Соберемтесь же, друзья,
Как сбирались мы, бывало,
В час, как пенная струя
В наших чашах закипала.

Давит нас лишений гнет,
Ломят вражеские силы,
Перед нами влажный вход
В сень зияющей могилы.

Дружно боремся со злом,
Всюду тын нам да помеха.
Чаша, полная вином,
Ты — одна для нас утеха.

За один лишь светлый миг,
За один лишь миг отрады
Мы всю цепь годов своих
Смерти бросить были б рады.

Март 1885, 12 августа 1889

209

Сколько раз я сердцу говорил,
Что ему навек пора уняться,
И что больше нет во мне и сил
Вслед за ним кипеть и порываться.

Нет, оно, безумное, горит,
На людские стоны стонет эхом,
И никак его не охладит
Злобный мир своим жестоким смехом.

21 августа 1889

210

И вкривь и вкось толкуем часто мы,
Суждений много очень диких:
— Шекспир, Бэкон — великие умы! —
А что мы знаем о великих?

Что нам сквозь пыль столетий сберегли
Их славы жалкие потомки?
Слова и сплетни к нам едва дошли, —
Их жизни хрупкие обломки.

15 октября 1889

211

Кафтан свой береги,
Покудова он нов.
Здоровье береги,
Покудова здоров.

По мостику беги,
Покудова лежит.
От врага беги,
Покудова не бит.

День ясный не хвали,
Покуда не пройдет.
При маме не шали,
Покуда не сечет.

Ну, а если износился
Твой кафтан, так не тужи.
Ну, а если простудился,
Так смирнехонько лежи.

Если мостик провалился,
Реку вброд переходи.
Если враг вдруг явился,
Речь о мире заводи.

Если туча налетела,
От дождя домой спеши.
Мама высечь захотела,
Жди березовой лапши.

5 ноября 1889

212

Есть обороты слова
Такие, что беда.
Звучат они сурово,
Уступишь им всегда.

— Уж лучше сделай то-то,
А то я рассержусь. —
Такого оборота,
Конечно, я боюсь.

— Не стану прибаутки
С тобою разводить,

Со мною плохи шутки! —
Ну, где уж тут шутить!

7 ноября 1889

213*

Недавний раб Пентефрия Иосиф,
Со смуглых плеч покров дырявый сбросив,
В саду трудился. Подошла жена
Пентефрия; смеялася она,
На обнаженного раба глядела
И пламенем любовным пламенела.

.....
И отрока вельможа возлюбил
И яркой ризой стан его обвил!..

.....
У фараона муж. — Иосифа введите, —
Сказала госпожа, — вина мне принесите. —
Он входит к ней. Лежит обнажена,
Вся смуглая, вся жаркая жена.
Послушный раб стоял, склонивши шею,
В смущеньи целомудренном пред нею.
Она зовет: «Приди ко мне, приди,
И ляг, мой отрок, здесь, к моей груди».
Но он молчит. Встает она нагая
И, отрока на ложе увлекая,
Его объемлет жаркою рукой.
Рванулся он и плащ свой дорогой
В руках ее оставил, убегая,
Свою невинность гордую спасая.

19 ноября 1889

214

Я опять в этой чудной стране,
Где моя чаровница царит.
При мерцающей тихо луне
Ее терем огнями горит.
Колоннадой украшен фасад,
Над колоннами — статуи в ряд,
Вкруг серебряной кровли блестит
Золотая решетка. Портал
Весь из мраморных белых колонн,
А за ним ряд сверкающих зал.
Там в прозрачном сосуде зажжен
И, синяя, дымит фимиам,
Упоительно-сладостный; там,
Благовонием роз напоен,
Воздух мягкой клубится волной.
По стенам малахит и порфир,
И картины, — пленительный мир
В них искусной воссоздан рукой.
Чу! — бряцанье невидимых лир

Пронеслося над арками зал, —
И я сладостный хор услышал,
В изумленьи пред ним онемел,
И все слушал бы, слушал бы. Пел
Он о чем-то прекрасном, — я слов
Не расслушал, но понял я вмиг
Обаянье, разлитое в них,
И до утра был слушать готов.
Но затих восхитительный хор.
Я по залам бродил без конца,
И бродил очарованный взор
По несметным богатствам дворца.
Вдруг я слышу журчащую речь,
Тихий ропот, и шепот, и стон,
И явленьем небесным смущен,
Видом светлой царицы, совлечь
Поспешил я сандали с ног,
И смиренно, и в страхе, босой,
Я колени склонил на порог,
И в смятеньи поник головой.
Но царицы сияющий взгляд
На меня не склонился. Она...

11, 19 ноября 1889

215

СЕРЕНАДА

Серенады нежной звуки
Раздались вдруг под окном, —
И невольно ищут руки
Платье в сумраке ночном.

Кровь взволнованная бродит...
Живо свернута коса...
На балкон она выходит,
Чуть прикрыта и боса.

Желтый месяц озаряет
Ее бледное лицо...
Милый тихо напевает,
Опершись на крыльцо.

21 ноября 1889

216

По улицам грязным деревни
Под мелким осенним дождем
В час раннего утра мальчишки
Учиться бегут босиком.

Вот школа. Убогая хата
Тесна, и темна, и дымна.

Как лавка старьевщика, тесно
Набита столами она.

Пришли и уселися шумно
На старых, избитых скамьях,
Внимание жадное видно
В пытливых и зорких глазах.

Ох, бедные вы босоножки!
Не азбуку нужно бы вам, —
Сознание права нужнее
Забитым и робким рабам.

И раньше, чем песни о детях,
Чем даже молитвы твердить,
Прекрасную песню свободы
Вам, дети, пора б заучить.

Да сложатся песни такие
Тогда лишь, как все мы умрем,
Когда побегут наши внуки
По свежей траве босиком.

27 ноября 1889

217

О душа, ни на что не надейся.
Ной от боли, усталое сердце, томимое горем,
И в груди беспокойно и тягостно бейся, —
Может быть, мы тоской и тревогой развязку ускорим.

Изнывая любовью бессильной,
Догорай, словно факел над бурей сердитой, —
Насыпь свежая, крест надмогильный
Нас прикроют надежной защитой.

На земном безмятежном просторе
Нет ни пяди, не облитой кровью людской да слезами...
Что ни сеяло кровью суровое Горе,
Всё сберёт, будет время, румяное Счастье цветами.

9 декабря 1889

218

Разорвалось сердце от боли,
От глухой, неотвязной, гнетущей всегда,
От томительной боли житейской неволи,
Безнадежной тоски и стыда.

Разорвалось и, кровью облита,
Наслаждается смертною мукою грудь:
Наконец, наконец эта жизнь пережита,
И пройден утомительный путь!

Смерть грозит мне копящей рукою.
Нет, покончены муки, я твердо умру:
Я всю жизнь посвятил непосильному бою,
Порываясь к свободе, к труду.

25 декабря 1889

218а

Разрывается сердце от боли
Неотвязной, томившей всегда,
От житейской неволи,
Безнадежной тоски и стыда.

Жаркой кровью облита,
Наслаждается муками грудь:
Наконец эта жизнь пережита,
Завершен утомительный путь!

Смерть горит незакатной зарею, —
К ее ласкам я смело иду.
Я был честен и кроток душою,
И покорен труду.

25 декабря 1889

219

Лучи заходящего солнца сквозили
Сквозь темную зелень задумчивых ив,
И светлые кудри ее золотили.
Головку больную к груди наклонив,
Бледна и обвевая смертным дыханьем,
Глядела на запад невеста моя.
Измучен тоскою, разбитый страданьем,
Сидел с нею рядом под ивами я.
И тихо любимая мне говорила:
«Прости, мой желанный, прости! не для нас
Весна все цветами вокруг расцветила,
В зеленый да пышный наряд убралась!
Не нам по лесам соловьиные трели,
Не нам улыбается светлая ночь.
Болезнью испуганы, грезы слетели
С очей моих жарких давно уже прочь.
В душе поселилась давно безнадежность,
Я к мысли о смерти привыкла давно,
И только к тебе сохранила я нежность,
К тебе только странное чувство одно.
Но ты не кручинься над бедной могилой,
Где буду так скоро я мирно лежать;
Ты силой владеешь, могучею силой,
Не личной тоскою тебе тосковать!
Припомни свои вдохновенные речи,
В те дни, когда ты мое сердце пленил,
И в наши короткие, беглые встречи

Для мыслей суровых мой ум разбудил.
Тогда, мой желанный, тогда поняла я,
Как тягостен многих угрюмый удел.
Над ними царит безнадежность, вливая
Яд скорби и немощи в кубок их дел.
Теперь, погляжу ли, как бедные дети,
Резвяся, играя, бегут предо мной,
Я думаю: жизнь вас запутала в сети,
И пленники вы до доски гробовой.
На мать ли с ребенком гляжу, — и сказала б
Я матери бедной: надежд не лелей,
Нет счастья сыну — и матерних жалоб
Заранее чашу проклятую пей.
Ты, бедный мужик, рассеивающий зерна,
Чего ты желаешь, — не знаю, — но все ж
Я вижу, удел твой — сгибаться покорно,
Ты счастья и воли вовек не найдешь.
Как много их бедных, голодных, бездольных,
Лишенных надежды на счастье и свет.
И отблеском счастья ничтожным довольных, —
Но им и ничтожного отблеска нет.
Мне кажется — мир золотой изгородой
И тыном стальным пополам разрублен:
Одни наслаждаются светом, свободой,
В другой половине проклятья и стон.
Мысль эта последние дни отравляет...
Я сердце тебе разорвала, мой друг...
И пусть оно страстью вперед не пылает,
Забудет любви мимолетный недуг.
Но нашей пленительной, краткой любовью
Тебя заклинаю я, милый, иди
Пожертвовать даже свободой и кровью
За счастье чужое, что ждет впереди.
Борись, как борец терпеливый и смелый,
С насильем, с неправдой, с коварством и злом,
И веруй, — рассеется мрак оробелый,
И зло затрепещет под светлым мечом...
Клянись мне любовью прекрасною нашей,
Клянись мне честью и верой своей,
Что ты не отступишь пред смертною чашей,
Что ты не забудешь надежды моей»...
И клялся я, милые руки целуя.
Вечернее солнце лицо ее жгло.
Вечернее солнце и звук поцелуя,
И жаркие клятвы с собой унесло.

26 декабря 1889

220

Песенка иная
Нам не ко дворам, —
И певца из края
Гонят по шеям.

За китайской стенкой
Наша спит земля,
А певцу коленкой
Дали киселя.

Если ж он в отчизне,
То, помилуй Бог,
Как его при жизни
Гнут в бараний рог.

Вспорют — небу жарко,
Да и протурят
В край, куда Макарка
Не гонял телят.

29 декабря 1889

221

Узколобое нахальство
Возрастя в пустой груди,
Лыком шитое, начальство
Нам кричит: «Не подходи!»

1886—1889

Великие Луки

ПРИМЕЧАНИЯ

1878

1. Печ. по машинописи: № 3, л. 755.

2. Печ. по машинописи. *Стой, солнце...* — библеизм (Ис. Навин. 10: 12). *Хвалебным дымом радостных побед...* Имеется в виду победа России в войне с Турцией 1877—1878 гг.

3. Печ. по машинописи: № 4, л. 1569. Вар. ст. 12: «Идет, путь гибельный избрав»; ст. 18: «Я на нее с презреньем поглядел».

4. Печ. по машинописи: № 3, л. 1065. «*Ну, тащися, сивка...*» — первая строка стихотворения А. В. Кольцова «Песня пахаря» (1831) (см.: *Кольцов А. В.* Полное собрание стихотворений. Л., 1958. С. 95—96); здесь: переложение кольцовского сюжета на язык урбанистической лирики. *Едево (иск.)* — еда. См. недатированную авторскую запись: «Кольцов — не народный поэт. Его поэзия не только не была народной — она не была здоровою. Его народ не знает не только по невежеству, но и по несходству. Незнание народа, выразившееся в этом эпитете: народный поэт Кольцов. Народный поэт вдохновляется чувствами своего народа. Кольцов получал вдохновение от прошлого народной жизни, да из книг. Народ уже перестал быть творцом и художником. В нем нет великих идеалов, как прежде, а идеалы Запада еще не проникли» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 539, л. 222).

5. Печ. по машинописи: № 2, л. 242.

6. Печ. по машинописи: № 2, л. 620. *И стегать меня, стараясь, / Чтобы слезы полились.* — Автобиографический мотив. Ср.: «мать Ф<едора> К<узъмича> при всей своей любви и самоотверженности по отношению к детям была строга и взыскательна до жестокости, наказывала за каждую оплошность, за каждое прегрешение, вольное и невольное: ставила в угол, на голые колени, била по лицу, прибегала к розгам: за грубость, за шалость, за опоздание в исполнении поручений, за испачканную одежду, за грубые слова, позднее за истраченные без ее санкции деньги, хотя бы в размере нескольких копеек» (*Черносвитова. С. 231*), см. также: *Канва. С. 250—260*. По содержанию и времени написания стих. примыкает к циклу «Из дневника»; подробнее см.: *Сологуб Федор. Цикл «Из дневника». С. 109—159*. Далее все стих., примыкающие к этому циклу по содержанию, не имеющие авторской пометы о принадлежности к циклу (обычно: «Из дневника»), сопровождаются редакторской пометой: <Из Дн.>. *Верба хлест, стегай до слез...* — Ср.: «В Вербное Воскресенье, возвратясь из церкви с освященными прутьями вербы, деревенские бабы хлещут ими своих ребят, приговаривая: „верба хлест, бей до слез!“» (Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забылиным. М., 1880. С. 48).

7. Печ. по машинописи: № 3, л. 1053.

1880

8. Печ. по машинописи: № 2, л. 318. Возможно, отклик на «Процесс 28-ми», состоявшийся летом 1879 г. в Одессе над народовольцами; суд вынес смертный приговор для пяти человек, четверо были приговорены к пожизненной каторге. 10 августа 1879 г. был казнен народоволец Дмитрий Андреевич Лизогуб (1850—1879); название стих., возможно, указывает на биографический мотив: до вступления в организацию Лизогуб был помещиком, затем раздал все свое имущество крестьянам и изменил свою жизнь (подобно *апостолам*, оставившим все свое состояние и последовавшим за Христом).

9. Печ. по машинописи: № 6, л. 1866. Карт. под заглавием «Музе». Аллюзия на стих. Н. А. Некрасова «Муза» («Нет, Музы ласково поющей и прекрасной...», 1852). Ср.: «Муза» («Муза — не дева, не резвый ребенок...», 14 марта 1880) (*НС. С. 18*).

10. Печ. по машинописи: № 2, л. 644. Первоначальный вар. ст. 2 карт.: «Боишь-ся ты потемок».

11. Печ. по машинописи: № 4, л. 1190.

12. Печ. по машинописи: № 2, л. 225. <Из Дн.>.

13. Печ. по машинописи: № 2, л. 106. Дата карт.: *3 июля 1880. Летний сад.* — В юношеские годы «Федя полюбил уходить в Летний или Таврический сад: там он предавался размышлениям о прочитанном, сочинял бесчисленные сюжеты для поэм и рассказов и там же писал стихи» (*Черносвитова. С. 240*).

14. Печ. по машинописи: № 4, л. 1514. Вар. ст. 3—4: «Только о битве все речи, / Только о ней и молитвы». См. другую редакцию текста: *ИМ. 1894. № 37. 11 сентября. С. 3; Пауэр. С. 1*.

15. Печ. по машинописи: № 4, л. 1640. Вар. ст. 1—3: «Тяжка житейская наука / Душе, отравленной тоской, / Но верь, смешна, друг милый мой...»; ст. 5: «Мечтатель в наш холодный век»; ст. 8: «И современный человек»; ст. 15—16: «Опутанный сетью порока / И отживающий народ»; ст. 17—18 — в обратном порядке; ст. 23: «И среди нового народа».

16. Печ. по машинописи: № 1, л. 185—186. Вар. ст. 1—2: «На грязи мостовых подобран он ребенком, / Так худ, так бледен, слаб и мал»; ст. 11: «Готов он был один бороться со вселенной».

17. Печ. по машинописи: № 6, л. 1931.

18. Печ. по машинописи: № 2, л. 404. Вар. ст. 1 карт.: «Дочь могучего Одина». Отрывок из «Старшей Эдды». *Волу-сна* (исл., Вёльва — *герм. миф.*) — общее название всех волшебниц, предсказательниц и чародеев, прорицающих будущее. *Один* (сканд. миф.) — верховный бог, творец вселенной, соответствует Водану (Вотану) в герм. миф.

19. Печ. по машинописи: № 3, л. 875. Вар. ст. 1: «Мы с ним встречались, как со братья»; ст. 6: «И поверял ему я думы»; ст. 13: «Не понял он душой открытой»; ст. 18: «В его растрепанных чертах»; ст. 20: «Печать я видел вдохновений»; ст. 23: «И взор надменно-величавый».

20. Печ. по машинописи: № 3, л. 1153. Возможно, иллюстрация сюжета из всемирной истории о распространении христианства и борьбе с язычеством в Дании в X—XI вв.

21. Печ. по машинописи: № 6, л. 1874. Вар. ст.: 5—6: «Ты любимых песен, / Все сидишь, грустя»; ст. 11—12: «Погулять беспечно / радостной весной». Перекликается с поэмой Н. А. Некрасова «Саша» (1854—1855). Ср.: «Нетронутых сил / В Саше так много сосед пробудил... / <...> / Чем неутешнее дитяtko ваше / Тем вострепешся светлее и краше: / В добрую почву упало зерно — / Пышным плодом отродится оно!»

22. Печ. по машинописи: № 2, л. 173. Дата карт.: *Начало сентября, воскресенье и понедельник 1880.*

23. Печ. по автографу (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 33, л. 4 об.), находится среди черновых набросков к поэме «Одинокчество». Карт. под заглавием «Греза». *Учительский институт.* — В 1878—1882 гг. Сологуб обучался в Санкт-Петербургском Учительском институте и жил при нем на полном пансионе; институт располагался в трехэтажном особняке на 13 линии Васильевского Острова (д. 28).

24. Печ. по машинописи: № 6, л. 1904. Карт. под заглавием «На алтарь неведомому Богу». Согласно записи Сологуба, он предполагал включить этот текст в поэму «Одинокчество» (см.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539, л. 110); опубликована: *Сологуб Ф.* Начало поэмы «Одинокчество» и некоторые отрывки // Новое литературное обозрение. № 55 (3' 2002). С. 5—31.

25. Печ. по машинописи с исправлением опечатки в ст. 20: № 6, л. 1937. Карт. под заглавием «Пария-поэт». Согласно записи Сологуба, он предполагал включить этот текст в поэму «Одинокчество» (см.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539, л. 110).

26. Печ. по машинописи: № 6, л. 1994.

27. Печ. по машинописи: № 5, л. 1754.

28. Печ. по машинописи: № 4, л. 1597.

29. Печ. по машинописи: № 3, л. 1124.

30. Печ. по машинописи: № 4, л. 1129. *Сент-Илер Карл Карлович* (1834—1901) — возглавлял Учительский институт в годы обучения Сологуба; зоолог, автор работ по физиологии растений, под его редакцией выходили выпуски «Жизни животных» А. Брэма; читал курс педагогики и религиозного воспитания. *Капитон* — возможно, имеется в виду Капитон Иванович Смирнов (1825—1902) — преподаватель географии Учительского института, автор популярного учебника по географии, директор 5-й гимназии. *Лопачев Михаил Васильевич* (род. в 1862, из крестьян) — соученик и приятель Сологуба по Учительскому институту. И. И. Попов вспоминал: «Тетерников не посвящал нас в свои размышления, хотя, кажется, читал что-то М. В. Лопачеву; но и тот молчал и хранил тайну Феди» (*Попов И. И.* Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет. Л., 1924. С. 67). После окончания Института Лопачев уехал преподавать в Сибирь, сохранилось его 11 писем к Сологубу за 1882—1892 гг. (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 421).

31. Печ. по машинописи: № 3, л. 1184.

32. Печ. по машинописи: № 1, л. 305—306. Вар. ст. 6—8: а) «Версификатор в голове / Таскает их наготове, / Как мать ребенка в чреве носит»; б) «Поэт искусный много тем / Имеет для своих поэм, / Как мать ребенка, песню носит»; ст. 29: а) «Звонит красивый голосок», б) «Он мил тому, кто одинок». *Вам напишу я: рифмы есть, / И много их...* — Ср.: «Много и рифм у меня, много размеров живых...» (А. А. Фет. «Друг мой, бессильны слова, — одни поцелуи всесильны...», 1842).

33. Печ. по автографу: № 33, л. 8 — 8 об. (Черновики поэмы «Одиночество»). Вар. ст. 1 карт.: «Вечерком мы с тобой соберемся», дата: *25 июня 1882, 20 июня 1883*. Ранняя редакция текста. Вар. ст. 5—8: а) «Украшает цветами весна, / И вино оживляет беседу, / И беседа весельем полна. / Мы свою торжествуем победу»; б) ст. 6: «И любовь оживляет беседу».

33а. Печ. по автографу: Там же.

34. Печ. по машинописи: № 2, л. 249. <Из Дн.> *Босоногим мальчуганом / Здесь блуждал я и мечтал...* — Автобиографический мотив: «С хождением босиком у маленького Феди связаны радостные воспоминания. Его часто посылали с поручениями: отнести письмо или сбежать в лавочку за хлебом, за водкой, когда гости придут, за чаем, за сахаром. Ребенок рад был вырваться из душной атмосферы. Выскокив на волю, он мгновенно забывал домашние невзгоды и радостно носился, шлепая босыми ногами по лужам, весь отдаваясь зелени, весеннему небу и своим мечтаниям. <...> Хождение босиком, прикосновение голых ног к теплой земле и мягким травам навсегда было мило Ф<едору> К<узъмичу> и переносило его в мир фантазии» (*Черносвитова*. С. 231).

35. Печ. по машинописи: № 3, л. 685. Вероятные вар. прочтения ст. 13: «Склоняясь перед силой тайной», «Склоняясь пред силой тайной».

36. Печ. по машинописи: № 4, л. 1263.

1883

37. Печ. по машинописи: № 4, л. 1202.

38. Печ. по машинописи: № 4, л. 1604.

39. Печ. по автографу: № 8, л. 4—4 об. Первоначальный вар. ст. 21: «Ты жизнь разбила у меня». *Ферула* — розга, хлыст. Возможно, стих. обращено одновременно к матери — Т. С. Тетерниковой (см. прим. к стих. «Каждый год неукоснимо...», 3 апреля 1879) и Г. И. Агаповой, принимавшей деятельное участие в воспитании Ф. Сологуба (подробнее о Г. И. Агаповой см.: *Мисникевич Т. В.* «...Я имел достаточно „натуры“ вокруг себя» (Новые материалы к ранней биографии Ф. Сологуба // Лица: Биографический альманах. СПб., 2002. Вып. 9. С. 499—517). *И я узнал, что ты больна...* — Возможно, имеется в виду предсмертная болезнь Агаповой, о которой Сологубу писал М. М. Агапов в письме от 4 сентября 1883 г.: «Представь себе. Федя, я не могу без содрогания смотреть на нее — это буквально шевелящийся скелет, каждый сустав ты можешь изучить на ней. <...> Она не сознает близости смерти и не знает своей болезни, мы скрыли от нее. <...> Маша прочла твое письмо ей вслух — она сказала: «Милый, хороший мальчик, — жаль, что тебе нельзя приехать»» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 906, л. 2); после похорон матери М. М. Агапов писал Сологубу: «...она и тебе была вторая мама, на ее глазах ты вырос» (Там же. Л. 5 об.). *Как дух отчаянья и зла / Ты над душой моей стояла...* — Ср.: «Как дух отчаянья и зла, / Мою ты душу обняла...» (М. Ю. Лермонтов. «Как дух отчаянья и зла...», 1831).

40. Печ. по автографу: № 8, л. 6; *ап.*: «Из Луизы Аккерман»; «Недостаточно сильно выражено» (напротив третьей строфы). *Аккерман Луиза-Виктуар* (1813—1890) — французская поэтесса, творчество которой сложилось под влиянием идей А. Шопенгауэра; для лирики Аккерман характерна философская интонация пессимизма: размышление о судьбе человечества, тщете верований и иллюзий, утверждение безотрадности, бесцельности и несовершенства жизни, настроение душевного одиночества и мировой скорби. Русские переводы из Аккерман появились в периодике в 1876—1877 гг.; источник переложения Сологуба не выявлен.

40а. Печ. по автографу: № 8, л. 6—6 об. См. редакцию текста: *ИМ.* 1893. № 5. 31 января. С. 3 (заглавие: **Наконец-то**); *АМ.* С. 141.

41. Печ. по автографу: № 9, л. 159 об.; *ап.*: «Между 2 и 3 июня». Первоначальный вар. ст. 3: «Быть может, зол я. Злоба века»; ст. 8: «И думать больно и обидно».

42. Печ. по машинописи: № 4, л. 1220.

43. Печ. по автографу: № 8, л. 9.

44. Печ. по машинописи: № 4, л. 1435; дата: *1 октября 1883*.

45. Печ. по машинописи: № 8, л. 9—9 об. Вар. ст. 1 карт.: «Я полюбил. Я грозой чистой». Вар. ст. 7: «И вот, как летом, под грозой». См. редакцию текста *31 октября 1883: «Я полюбил. Мечтой чистой...»* // Свет. 1889. № 138. 20 июня. С. 3; *Пауэр.* С. 13.

46. Печ. по машинописи: № 2, л. 321. Даты карт.: *24 июля 1881, 5 апреля 1882, 7 ноября 1883*. Ст. 2, 11, 13, 16, 17, 19, 23, 24 опубликованы: *БП.* С. 549. См. редак-

цию текста: *БП*. С. 80—81. *Ариадна* (*греч. миф.*) — дочь критского царя Миноса, во владениях которого находился *Лабиринт*, где обитало чудовище Минотавр; полюбив афинского героя Тезея, которого Минос обрек в жертву чудовищу, Ариадна тайно дала ему меч и клубок нитей; с их помощью он убил Минотавра и выбрался из Лабиринта. Стих. было отправлено на просмотр Василию Алексеевичу Латышеву (1850—1912; преподаватель математики Учительского института, главный редактор журнала «Русский начальный учитель»), который оказывал содействие Сологубу в его первых публикациях. 7 января 1884 г. Латышев писал ему: «Во время праздников Ваши два стихотворения показал в редакции нового „Еженедельного обозрения“. По идее им сочувствуют, но говорят, что оба стихотворения требуют обработки, особенно „К Господу Богу“ <см. примеч. к стих. „В подвале, где плесень сырая...“, 7 ноября 1878>. В „Лабиринте“ особенно требует исправления начало стихотворения. Вообще, образность выиграет при большей сжатости» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 392, л. 14). Ср. редакции: **Ариадна** («Где ты, моя Ариадна...»), 5 апреля 1882 (*КД*. С. 35; заглавие: **Ариадна**); «Царевой мудрой Ариадной...», 27 апреля 1896 (*СВ*. 1896. № 1. С. 123; *Тени*. С. 123, *ССШ I*. С. 105, *ССС I*. С. 105).

47. Печ. по автографу: № 8, л. 11. По-видимому, к адресату стих. обращены записи автора: «Портрет моего дорогого Саши, с которым, кстати, трудно быть» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 8, л. 16); «Изобразить непрочность человеческого счастья, призрачность самого бытия его. Стоит ли жить? Любовь к мальчику. Счастье — Нирвана. Прекрасный облик мальчика» (Там же. Л. 16 об.); «Qui pro quo, — ври, прохвост. Кажется, довольно близкий перевод! 5 марта 1885 г. День печальный. Педагогический Совет. Дир<екторская> бум<ага> о Саше» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539, л. 252); запись на обороте листа из тетради адресата: «Из ручной Санной корзиночки» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539 а, л. 14). См. редакцию текста: **Ребенок** («Молюсь я за тебя...») (*ПЖ*. 1897. № 234. 27 апреля. С. 1970; *Пауэр*. С. 4).

48. Печ. по автографу: № 8, л. 13—13 об.

48а. Печ. по автографу: № 8, л. 13—13 об. Вар. ст. 1—4: «Светом полно, широкое небо, / Дышит зноем, в полях не души, / И колосья несжатого хлеба, / Наливаясь, зреют в тиши».

48б. Печ. по автографу: № 8, л. 12. Первоначальное название: «На корню». Вар. ст. 2: «Раскалилось. В полях ни души». *Ап*: «Летом недоимки не собираются» (автограф).

49. Печ. по машинописи: № 3, л. 821. ...детей, / Тебе несущих кровь и силу, / Враждой кровавою своей / Проводишь в раннюю могилу?.. — Возможно, подразумеваются процессы над членами организации «Народная воля», проходившие в 1879—1883 гг.: «Процесс 28-ми» (лето 1879 г.), «Процесс 16-ти» (осень 1880 г.), «Процесс 20-ти» (зима 1882 г.), «Процесс 17-ти» (весна 1883 г.), которые закончились смертными приговорами или осуждением народолюбцев в каторгу.

50. Печ. по автографу: № 8, л. 15. Вар. ст. 1: «В тревогах жизни суетливой»; ст. 5: «И этот пламень, разгораясь».

51. Печ. по машинописи: № 4, л. 1259. Первоначальный вар. ст. 13 автографа: «И пылкая остынет кровь». *Ап*: «Изобразить непрочность человеческого счастья, призрачность самого бытия его. Стоит ли жить? Где счастье? Любовь к мальчику. Счастье — Нирвана. Прекрасный облик мальчика» (автограф: № 8, л. 16 об.).

52. Печ. по автографу: № 8, л. 17. Вар. ст. 3: «И блуждал высокий ум».

53. Печ. по автографу: № 8, л. 15 об.—16. Вар. ст. 3—4: «Из владык он был один / За престол отцов спокоен». Стих. написано по случаю состоявшегося 20 ноября 1883 г. в здании Санкт-Петербургских судебных установлений торжественно-открытия памятника императору Александру II.

54. Печ. по автографу: № 8, л. 18 об.

55. Печ. по автографу: № 8, л. 18. Автограф 2 под заглавием «В пустыне» (ед. хр. 8. Л. 17; в авторской картотеке текст не зафиксирован); вар. ст. 1—5:

а) Я в безлюдной степи изнемог;
Много дней я бродил, как шакал:
Я исхода иль пищи искал,
Но повсюду лишь жгучий песок,
Да свод неба я взором встречал.

б) Я в безводной степи изнемог;
Много дней одинок, как шакал,
Я бродил и исхода искал,
Но везде только жгучий песок,
Да свод неба я взором встречал.

Ап: «Послать в «Ниву». 15 апреля 1884, послано» (автограф); «Нива. 16 апреля 1884» (карт.).

56. Печ. по машинописи: № 5, л. 1758.

57. Печ. по автографу: № 8, л. 23—23 об.; подпись: *Ф. Холова*. Псевдоним (*Холова*) восходит к названию реки, протекающей в Крестцах. См. редакцию текста: Наблюдатель. 1898. № 6. С. 72; *Пауэр*. С. 66.

58. Печ. по автографу: № 8, л. 25; первоначальная датировка: *Конец 1883 года*.

59. Печ. по автографу: № 8, л. 25.

60. Печ. по автографу: № 8, л. 26—26 об.; первоначальная датировка: *В конце 1883 года*. См. редакцию текста: *Пауэр*. С. 4. Возможно, это строфы 2 и 3 стихотворения «Ты — лилея долин, ты лилеи нежней...» (см. стих. № 64).

1884

61. Печ. по автографу: № 8, л. 28. Ср.: «Что ж ты, моя доля?», *28 декабря 1886* (см. с. 218 наст. изд.).

62. Печ. по машинописи: № 2, л. 50 с исправлением опечатки в ст. 10 по тексту автографа.

63. Печ. по автографу: № 8, л. 30.

63а. Печ. по машинописи: № 4, л. 1234; вар. ст. 3: «Солнца лучом не согреты». Ап: «Образование. 28 января 1905» (автограф, карт.).

64. Печ. по автографу: № 8, л. 31. Ср.: «Потрясенной душой созерцающая...», *16 марта 1885*.

65. Печ. по автографу: № 8, л. 31 об. Первоначальная датировка карт.: *Весна 1884*. Вар.: перед строфой 1: а) «Эти глазки голубые / Ласково горят, блестят. / Огонечки в них, живые / За ресницами горят»; б) «Ваши глазки голубые / Словно звезд

дочки блестят. / Огоньки в них, что ль, живые / За ресницами горят?»; вар. ст. 4: «Вдыхать тончайший аромат» (машинопись); вар. ст. 5: «Ваша милая улыбка».

66. Печ. по машинописи: № 2, л. 478. <Из Дн.>

67. Печ. по автографу: № 8, л. 32. Вар. ст. 5: «Чтоб отдохнуть, хотя немного»; ст. 9: «Вы так пленительны и милы».

67а. Печ. по машинописи: № 1, л. 303. Даты карт. («В дни непогоды и мороза...»): 24 января 1884, Весна 1885.

68. Печ. по автографу: № 8, л. 27 об.; *ап*: «Послать в „Ниву”, 15 апреля 1884».

69. Печ. по машинописи: № 1, л. 150. Первоначальная дата автографа и дата машинописи: 30 февраля 1884. Даты карт.: 3, 20 февраля 1884, 17 апреля 1889. Ср.: «Кто любит мать...», 17 апреля 1889 (см. с. 248 наст. изд.). Первоначальный вар. ст. 2: «Свою мать, любит так, что ничья красота» (автограф: № 8, л. 33 об.).

70. Печ. по автографу: № 8, л. 34. См. редакцию текста: Пауэр. С. 6.

71. Печ. по автографу: № 8, л. 35—35 об.

71а. Печ. по автографу: № 8, л. 35—35 об., первоначальный вар. ст. 6: «Ослабевши в борьбе».

72. Печ. по автографу: № 8, л. 36.

72а. Печ. по автографу: № 8, л. 36. Вар. ст. 12: «Море жизни молодой».

73. Печ. по автографу: № 8, л. 37, первоначальный вар. ст. 2: «И увяла уж юность развратная». Строфы 1 и 2 датированы 16 января, 3—10 марта 1884. *Ап*: «Из Гофмана, Шарля Бодлера». Вероятно, в авторской помете мистифицируется источник текста.

73а. Печ. по автографу: № 8, л. 37.

74. Печ. по автографу: № 8, л. 38; поздние вар. ст. 7: а) «И вмиг прогнал мою печаль», б) «И сладок был мне, как любовь»; *ап*: «Безвременник» (см. примеч. к стихотворению «Осень холод привела...», 24 июня 1889). См. редакцию текста: Ручью («Спасибо, милый мой ручей...») (ИМ. 1894. № 17. 24 апреля. С. 3; ССС XIII. С. 2).

75. Печ. по автографу: № 8, л. 18 об., первоначальный вар. ст. 1: «Лучше в рабской доле жить».

76. Печ. по машинописи: № 3, л. 849. Дата карт.: 27 мая 1884.

77. Печ. по машинописи: № 4, л. 1617.

78. Печ. по машинописи: № 4, л. 1227.

79. Печ. по автографу: № 8, л. 59; первоначальный вар. ст. 6: «Меня ведет к двум могилам». Ср. с редакцией 24 июля 1889 (см. с. 260 наст. изд.).

80. Печ. по машинописи: № 4, л. 1572. Вар. ст. 1—4: «Старадать ли, все ль еще терпеть, / И все ли ждать освобожденья? / О нет, нам нечего жалеть, / Не будет нам освобожденья!», ст. 5: «Идем мы скованной толпой», ст. 10: «Но силой злой чужды

народу», ст. 15: «Не страшно целый век страдать». *Стогна* — площадь, улицы в городе.

81. Печ. по машинописи: № 3, л. 1160.

82. Печ. по машинописи: № 3, л. 696.

83. Печ. по машинописи: № 4, л. 1603.

84. Печ. по машинописи: № 3, л. 1061. Первоначальный вар. ст. 1 автографа: «Ночью вышел я босой из дома». Ср. с авторской записью: «1882—<188>4. Крестцы. <...> Барыня Марфа. Перчатка на правой руке. Массивная. Всю комнату занимает своими юбками. Ее любовный пыл» (*Канва*. С. 254). Ср.: «Перецеловала семь подруг...», *10 декабря 1885* (с. 207 наст. изд.).

85. Печ. по автографу: № 8, л. 80—80 об. *Ап*: «Вестник Европы. 2 июля 1889» (карт.). В составе авторской подборки стих. было отправлено В. А. Латышеву для возможного определения в печать. 4 октября 1885 г. он отвечал Сологубу: «Приятно было получить Ваше письмо, п<отому> ч<то> искренне интересуюсь Вашей судьбой и желал бы быть полезным Вам. Относительно стихов скажу, что в них часть мне нравится, часть кажется слабой: стих и содержание неровны. Первая часть стихотворения „Ей” мне положительно нравится, но во 2-ой половине мысль неопределенна: дается ли совет быть равнодушною, или побуждение пренебрегать толпой, или даете утешение?» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 392, л. 21). *Твою тоску, твои надежды <...> Осудит равнодушный свет.* — Аллюзия на стих. А. С. Пушкина «Когда твои молодые лета...» (1829), ср.: «Но свет... Жестоких осуждений / Не изменяет он своих...». Ср.: «Ты вся горела нетерпеньем...», *22 апреля 1900* (Невский альманах жертвам войны. Писатели и художники. Пг., 1915. С. 68; *АМ*. С. 92).

86. Печ. по машинописи: № 2, л. 492.

87. Печ. по автографу: № 8, л. 82—84. Вар. ст.: 35: «О лени и о стыде»; ст. 38: «О человеческом труде». *Ап*: «В Великих Луках. Стихи»; на обороте план: «Провинция. Мелкое чиновничество — мещанство. Небогатая семья. Мать работает. Дочка — научилась романам <так!> — изнеженность. Целая группа таких. Но наша барышня — сравнительно умна. Барышня современных идей. Молодой учитель из столицы. Нападает на барышню за леность. На другой день она в огороде, в трапезном платьишке, босиком, работает. — А барыня и раньше то же говорила. Все любовь наделала. Любовь разгорается». *Логин* — главный герой романа «Тяжелые сны» (1883—1894).

88. Печ. по машинописи: № 3, л. 858.

89. Печ. по автографу: № 8, л. 88; под текстом позднее вписанная дата: *28 октября 1922*. Вар. строфы 5: «Изнемогает в этот зной, / Не отдыхает только жница, / Полуодетая девица. / Хотя невольною слезой / Не раз увлажнена ресница»; ст. 28: «Ей, утомленной, уж ясна». Ср. редакцию: «Безумно душен и тяжел...» (**Жарким летом**) (*ССШ V*. С. 206, *ССС V*. С. 206). Вариация на тему стих. Н. А. Некрасова «В полном разгаре страда деревенская...» (1863). Ср.: «Зной нестерпимый: равнина безлесная, / Нивы, покосы да ширь поднебесная — / Солнце нещадно палит». Строфа 1 — ср.: «И всю природу, как туман, / Дремота жаркая объемлет...» (Ф. И. Тютчев. «Полдень», конец 1820-х гг.).

89а. Печ. по машинописи: № 2, л. 32. *Ап:* «Екатеринбургская неделя. До 19 июля 1890» (автограф). Ср. редакцию: «Безумно душен и тяжел...» (*Жарким летом ССШ V. С. 206, ССС V. С. 202.*)

90. Печ. по машинописи: № 2, л. 953. Стихотворная вариация повести Сологуба «Утешение» (не позднее 1899; впервые: Север. 1899. № 15—21. 11, 18 и 25 апреля, 2, 9, 16 и 23 мая).

91. Печ. по автографу: № 8, л. 90. *Слабеют мощные когда-то силы, / Мне больно, словно кровь мою сосет / Вампир свирепый. Близок сон могилы!..* — Вероятно, реминисценция из стих. Ш. Бодлера «Враг» («Цветы Зла», не позднее 1857), ср.: «О горе мне! Увы, так скоро жизнь идет... / И черный враг смелей все и смелей / Сосет мне кровь из сердца и растет» (перевод П. Якубовича; Вестник Европы. 1882. № 3. Март. С. 93).

1885

92. Печ. по машинописи: № 6, л. 1878.

93. Печ. по автографу: № 8, л. 92. Вар. ст. 2: «Меня он в сень свою увлек»; между ст. 3 и 4: «И потому, преследуемый роком»; ст. 7: «Что плоти рок так дивно, благодатно».

94. Печ. по машинописи: № 3, л. 857. Первонач. датировка автографа и машинописи: *Февраль 1885*. Первонач. вар. автографа (№ 8, л. 94): ст. 1: «Мудрый знает, что напрасны», ст. 3: «Парки строгие бесстрастно», «Жизнь — конечное движение», ст. 11: «В нем всей жизни настоящей»; *ап:* «Около начала 23<-го> г<ода>». *Но из этой же могилы / После холода и тления / Вновь возникнут жизни силы, / Возродится вновь движение...* — Ср. запись Сологуба от 10 января 1881 г. с пометой «Институтское утро»: «Мальчика ужасала его судьба после смерти, когда он перестал верить в Бога и восстание мертвых. Он думал: „Сознание, душа, то, что во мне мысли и чувство, радуется и страдает, эта маленькая масса, затерянная где-то среди моего мозга, истлеет, разложится на составные элементы. Куда они денутся?“ И холодно, и грустно становилось ему, когда он мечтал о злой судьбе под гробовой крышкой. „Но, может быть, эти элементы соединятся опять, и опять перейдут в тело человека, и опять я буду жить!“ Когда же эта мысль блеснула в нем, он почувствовал какую-то огромную, великую радость. „Я не умру! я буду вечно жить и думать...“» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539, л. 139). Ср.: «Мудрый знает все причины...», *9 декабря 1884* (см. с. 197 наст. изд.).

95. Печ. по автографу: № 8, л. 96. Дата уточнена по местоположению автографа.

96. Печ. по автографу: № 8, л. 97. Это и следующее стих. записаны на одном листе; располагаем их в порядке следования.

97. Печ. по автографу: № 8, л. 97.

98. Печ. по автографу: № 8, л. 96.

98а. Печ. по автографу: № 8, л. 96. Ср.: «Жил бы я повеселей...», *15 января 1889* (см. с. 244 наст. изд.).

99. Печ. по автографу: № 8, л. 98. <Из Дн.>. *Со мной лесная тишина / И тихо дремлющие воды...* — Ср.: «Смотрю и я, как бы живой, / На эти дремлющие воды...!» (Ф. И. Тютчев. «Опять стою я над Невой...», июнь 1868).

99а. Печ. по автографу: № 8, л. 98.

100. Печ. по машинописи: № 2, л. 328.

101. Печ. по автографу: № 8, л. 99, первоначальный вар. ст. 2: «Склонился с удой на песок».

102. Печ. по автографу: № 8, л. 99.

103. Печ. по автографу: № 8, л. 99.

104. Печ. по автографу: № 8, л. 99 об.

105. Печ. по автографу: № 8, л. 99 об. *Ап:* «Латышеву». См. примеч. к стих. № 50.

106. Печ. по автографу: № 8, л. 99 об.

107. Печ. по автографу: № 8, л. 20—21; зачеркнутое заглавие: «Жарким летом». Карт. под заглавием «Дармоеды». Строфы 1—5 датированы *24 ноября 1883*, 6—9 — *18 июля 1885*, 10 — *29 июля 1885*. Первоначальный вар. ст. 13 и 14: «Тут барыш весьма огромен, — / Да для нас он не идет»; ст. 16: «Наш задавленный народ».

108. Печ. по автографу: № 8, л. 19 об., 21—21 об.; зачеркнутое заглавие: «Дармоеды». Дата установлена по местоположению автографа. *Ап:* «1 февраля <Б. г.>».

109. Печ. по машинописи: № 4, л. 1197. Ср.: «Ночью вышел я тайком из дома...», *23 октября 1884* (см. с. 193 наст. изд.).

1886

110. Печ. по автографу: № 8, л. 105.

111. Печ. по автографу: № 8, л. 106. Первонач. вар. строф 1 и 2 и ст. 9:

Буря ли злобно бушует,
Солнце ли радостно светит, —
Сердце больное тоскует, —
Знает, что счастья не встретит.

Если б на завтра и счастье, —
Будет уж поздно, быть может:
Гнет рокового ненастья
Бедное сердце изложет.

Нынче ли — скоро умчится?

Ап: «Страшно подумать, что уже 24-й год, страшно!»

112. Печ. по автографу: № 8, л. 107. *Погубил я, раб мгновенья, / Жизни лучшие цветы, <...>И прекрасные мечты...* — Ср.: «Жизни лучшие мгновенья — / Сердца жаркие мечты...» (Я. П. Полонский, не позднее 1844).

112а. Печ. по машинописи: № 2, л. 323а.

113. Печ. по автографу: № 8, л. 107 об.

113а. Печ. по машинописи: № 2, л. 309.

114. Печ. по машинописи: № 2, л. 327. *Глуловат был Сеня бедный...* — Ср.: «Трусоват был Ваня бедный...» (А. С. Пушкин. «Вурдалак» из цикла «Песни западных славян», 1834).

115. Печ. по машинописи: № 4, л. 144б.

116. Печ. по машинописи: № 4, л. 1395.

117. Печ. по машинописи: № 2, л. 295.

118. Печ. по автографу: № 8, л. 112—112 об. Строфы 1—3 датированы 1885, строфы 4—7 — 3 июля 1886. Первоначальный вар. ст. 2: а) «Три долгих года ты жила», б) «Три трудных года ты жила», ст. 5 и 6: «Твоя могила на погосте / Цветы над нею зацветут», ст. 8: «К тебе с любовью прибегут», ст. 10: «Пока еще иных забот», ст. 16: «В сердцах потомков не умрет».

119. Печ. по машинописи: № 4, л. 1242. Ст. 1 и 2 автографа датированы 3 июля 1886, ст. 3—18 — 17 августа 1885. Даты карт.: 17 августа 1885, 26 февраля 1889, 17 мая 1890; даты карт. 2: весна 1881 (ап.: см. 18 июня 1880). Вар. ст. 1 карт.: «Под небом страны полуденной...» (дата: Весна 1881). Ср.: «Под солнцем весны благовоной...», 26 февраля 1889 (см. с. 245 наст. изд.); «Стрекоз говорливая стая...», 17 мая 1890 (Ежемесячные литературные приложения к Живописному обозрению. 1898. № 7. С. 96; Пауэр. С. 67).

120. Печ. по машинописи: № 4, л. 1265.

121. Печ. по машинописи: № 3, л. 944. *Один декабрь страшит — / Тогда не то, что болен, / Но словно я разбит...* Ср.: «Каждый год я болен в декабре...» (1913), впервые: Заветы. 1914. № 3а. С. 8.

122. Печ. по автографу: № 8, л. 46—46 об. Карт. с подзаголовком «Рассказ в стихах». Вероятно, начальный фрагмент незавершенной поэмы «Ночное воспоминание». Ап.: «Ишимова». *Ишимова Александра Осиповна* (1804—1881) — детский прозаик, переводчица, издатель детских журналов. Сюжет «Ночного воспоминания» (посещение кладбища) перекликается с «Рыцарем на час» (1862) и с «Утренней прогулкой» («О погоде», 1858) Н. А. Некрасова; поэма содержит множественные аллюзии на некрасовские тексты: *В наш осенний и пасмурный день...* — Ср.: «Если пасмурен день, если ночь не светла, / Если ветер осенний бушует...» («Рыцарь на час»); *Я бездумно иду, а кругом / Безмятежно покойны могилы, / Непробудным покояся сном — / Не воскреснут убитые силы...* — «Я ушел по кладбищу гулять; / Там одной незаметной могилы, / Где уснули великие силы, / Мне хотелось давно поискать» («О погоде»); *Здесь журнальные снят прелетарии... .. Здесь и кости Миная рассыльного...* — персонажи стих. Н. А. Некрасова «Песни о свободном слове» («I. Рассыльный» и «II. Наборщики»), 1865.

122-1. Печ. по автографу: № 8, л. 44 об. Вероятно, фрагмент незавершенной поэмы «Ночное воспоминание». В авторской картотеке как самостоятельный стих. не зафиксировано.

122-2. Печ. по автографу: № 8, л. 44 об. Дата установлена по местоположению автографа. Вероятно, фрагмент незавершенной поэмы «Ночное воспоминание». В авторской картотеке как самостоятельный стих. не зафиксировано.

122-3. Печ. по автографу: № 8, л. 48. Дата установлена по местоположению автографа. Возможно, фрагмент незавершенной поэмы «Ночное воспоминание». *Бьется сердце неровно, тоскливо, — / Стынет кровь, и душа холодна...* Ср.: «Что ни год — уменьшаются силы, / Ум ленивее, кровь холодной...» (Н. А. Некрасов. «Что ни год — уменьшаются силы...», 1861).

123. Печ. по машинописи. < Из Дн.>

124. Печ. по машинописи: № 2, л. 8. Стихотворная параллель к одной из сюжетных линий романа «Мелкий бес» (1892—1902; задуман в период службы автора в Великих Луках в 1885—1889 гг.): одна из невест Передонова — Марта Нартанович, *шляхтенка, дочь арендатора*; Передонов, пытаясь уязвить Марту (гл. 6), говорит ей: «„А польки все — неряхи. <...> Я не про вас говорю. Я знаю, что вы будете хорошая хозяйка”. — „Все польки — хорошие хозяйки”, — ответила Марта» (ср.: *И шляхтенки, вдобавок, хозяйки / Будут мужу такие, что чудо!..*).

125. Печ. по машинописи: № 6, л. 1873; первоначальный вар. ст. 4: «Сердце бедное в огне». Ср.: «Доля моя, доля...» (*11 января 1884*) (см. с. 182 наст. изд.).

126. Печ. по автографу: № 8, л. 104; первая строфа датирована *6 сентября 1885*, строфы 2—4 — *28 декабря 1886*.

126а. Печ. по машинописи: № 6, л. 1982 а.

1887

127. Печ. по автографу: № 8, л. 124 об. *Фидий* — прославленный греч. скульптор (5 в. до н. э.), создатель классических образцов эллинистической скульптуры, среди которых статуя Афины Парфенос, сохранившаяся в копиях.

127а. Печ. по автографу: № 8, л. 124.

128. Печ. по машинописи: № 3, л. 848. Первоначальный вар. ст. 1 карт.: «Мороз стекло разрисовал».

129. Печ. по автографу: № 8, л. 126—126 об. *Моей отчизне строят ковы / Ее недавние друзья. <...> Готов воинственный сосед / Нарушить мир наш благодатный...* — Имеется в виду изменение политической ориентации внутри «Союза трех императоров» (Германии, России и Австро-Венгрии), в связи с угрозой войны между Германией и Францией. В ноябре 1886 г. Россия попыталась укрепить свое влияние в Болгарии, однако правящие круги Австро-Венгрии объявили, что появление русских войск в Болгарии означало бы для Австро-Венгрии начало войны с Россией. Германия использовала эту сложную ситуацию на Балканах и пыталась оказать давление на внешнюю политику России в своих интересах — добиться от нее неучастия в возможной войне на стороне Франции в обмен на поддержку в Болгарии. *Не поднимаешь ты меча <...> твоя надежда — / Самодержавный Государь...* — Вопреки планам Германии Александр III согласился оказать Франции политическую поддержку и тем самым предотвратил новый военный конфликт в Европе.

129а. Печ. по автографу: № 8, л. 126—126 об.; *ап*: «Свет. 15 февраля 1887» (карт.).

130. Печ. по автографу: № 8, л. 127—127 об., *ап*: «Свет. 15 февраля 1887» (карт.).

130а. Печ. по машинописи: № 1, л. 345. Первоначальный вар. ст. 1: «Последний луч зари сбежал...», ст. 21: «Ее он много целовал».

131. Печ. по машинописи: № 3, л. 1101.

132. Печ. по машинописи: № 2, л. 616; дата: 1887. *Модести (от франц. modestie)* — кокетки.

133. Печ. по машинописи: № 8, л. 136. Ср.: **Воскресни** («Замолкнули праздные речи...»), *апрель 1887 (Фимиамы. С. 43; КД. С. 45)*.

134. Печ. по автографу: № 1, л. 137; первоначальный вар. ст. 15: «Я, как хлеба, лобзаний желала».

134а. Печ. по машинописи: № 6, л. 1962. Автограф и карт. без заглавия.

135. Печ. по машинописи: № 2, л. 164.

136. Печ. по машинописи: № 2, л. 669.

137. Печ. по автографу: № 8, л. 138—139. См. редакцию текста *21 июня 1887*: «В весенний день мальчишка злой...» (*БВ. 1897. № 161. 15 июня. Утр. вып. С. 2 (без подписи); ПК 1908. С. 151; ССШ I. С. 90; ССС I. С. 90; ПК 1922. С. 147; БП. С. 89*).

138. Печ. по машинописи: № 2, л. 315.

139. Печ. по машинописи. <Из Дн.>.

140. Печ. по автографу: № 8, л. 141. *Я только расточал / Твои благие дарованья!..* — Ср.: «Свой дар ты праздно расточил...» (А. А. Голенищев-Кутузов. «Самому себе», не позднее 1884).

141. Печ. по машинописи: № 2, л. 436.

142. Печ. по машинописи: № 4, л. 1536. *Сосулька* — сослуживец Сологуба, о котором есть заметка в «Канве к биографии»: «**Великие Луки**. Учеников секли часто во всех классах. Сосулькина индюшка. Сосулька сек медлительно и с издевочками. Велит раздеться, лечь на пол, несколько раз перелечь, как удобнее. Иногда сам уйдет, — лежи и жди» (*Канва. С. 255*). См. также стих.: «Сладок, точно карамель...», *3 сентября 1888 (НС. С. 181)*, на автографе помета: «А назвала его так мама, — любит дать насмешливое прозвище, и всегда метко» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 9, л. 45).

143. Печ. по машинописи: № 2, л. 661. *Ап*: «Из дневника» (автограф: № 8, л. 142). Стихотворная параллель к сатирическому фрагменту из романа «Тяжелые сны» (1883—1894; гл. 14, вечер у Кульчицких).

144. Печ. по автографу: № 8, л. 143. Первоначальный вар. ст. 1—2: «Нега, роскошь, блеск, наряды, / Шумом дни ее полны», ст. 34: «Летом жарким и без гроз».

Незавершенное произведение, после ст. 48 зачеркнуто: «Изменилася картина / Умер старый генерал», далее — обрыв текста.

145. Печ. по машинописи: № 3, л. 847.

146. Печ. по машинописи: № 3, л. 707. *Ан:* «Баня у Маши Волтик, с полверсты» (автограф).

1888

147. Печ. по автографу: № 9, л. 2.

147а. Печ. по автографу: № 9, л. 2. Первоначальный вар. ст. 1: «Холодный листопада вид». *Ан:* «Север. 17 апреля 1889; Русский вестник. 30 марта 1889; Свет. 1 августа 1889; Иллюстрированный мир. 4 февраля 1890» (карт.).

148. Печ. по автографу: № 9, л. 4. Первоначальный вар. ст. 1—2: «Никем не признанный философ, / Никем не понятый мудрец».

149. Печ. по автографу: № 9, л. 6—6 об. Ср. с текстом недатированной записи Сологуба: «Жизнь мало-помалу разрушала мои храмы: религия; братство; свобода; служение истине; поэзия. Всматриваюсь в себя: мрак. В окружающих: грязь и пошлость. Философия — безотраднa. Родник завален обломками. Но он кипит» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539, л. 255).

149а. Печ. по автографу: № 9, л. 6—6 об.

150. Печ. по автографу: № 9, л. 8—8 об.

151. Печ. по машинописи: № 3, л. 834.

152. Печ. по автографу: № 9, л. 12.

153. Печ. по машинописи: № 4, л. 1195. Первоначальный вар. ст. 6 автографа: «А с лица катится пот».

154. Печ. по автографу: № 8, л. 22—22 об. Строфы 1, 2 датированы *21 июля*, строфа 3 — *29 июля 1888*. Даты карт.: *21, 29 июля 1888, 13 июня 1892*. *Ан:* «Россия начиналась в Киеве. Столица во Владимире. Москве. Петербурге. Усталое сердце рвется из П<етербурга>. Не в Москву суеверную. Не в ничтожный Влад<имир>. В Киев». Поводом для написания стих. послужили торжества по случаю 900-летия крещения Руси, которые с особой пышностью отмечались в июле 1888 г. в Киеве и Петербурге. *Аскольд и Дир* — бояре Рюрика, затем киевские князья (2-я половина IX в.); около 866 г. Русь под предводительством Аскольда и Дира совершила первый поход на Константинополь. *Но смирила их буйный набег / Пресвятая владычица мира...* — По греческим свидетельствам, поход Аскольда и Дира не удался вследствие чудесного заступничества Богородицы: поднявшаяся буря разбила русские ладьи и остатки дружины возвратились в Киев.

155. Печ. по автографу: № 9, л. 24—25. <Из Дн.>.

156. Печ. по автографу: № 9, л. 26.

157. Печ. по машинописи: № 4, л. 1433. Строфы 1 и 2 автографа датированы *8 апреля*, 3—5 — *26 сентября 1888*. По-видимому, отклик на обсуждение в печати статьи В. С. Соловьева «Россия и Европа. Труды Н. Я. Данилевского и Н. Н. Стра-

хова» (Вестник Европы. 1888. № 2 и № 4), которая вызвала негативные отзывы правой прессы, автора обвиняли в клеветничестве и антипатриотизме, в особую вину Соловьеву ставили его частые поездки в Европу (ср. с заглавием).

158. Печ. по автографу: № 9, л. 52. Дата карт.: 5, 8 октября 1888. Первоначальный вар. ст. 12: «Еще угромей и мрачней».

159. Печ. по автографу: № 9, л. 51; дата: 8 октября 1888. Первоначальный вар. ст. 12: «А я — мальчишка босоногий», ст. 15—17: «Меня отец не баловал, / И часто он меня хлестал / Ветвями гибкими березы»; после ст. 17 было: «Но был едва ли окружен / Аркадий нежностью и лаской, / И под циничной, вечной маской // Любовь едва ли видел он». Ап: «5 октября 1888». Объединено с предыдущим стих. общей карточкой с датой: 8 октября 1888.

160. Печ. по машинописи: № 2, л. 343; первоначальный вар. ст. 17 автографа: «Украшенья палат».

161. Печ. по машинописи: № 3, л. 820; первоначальный вар. ст. 2: «Всех заманчивей сказка одна».

162. Печ. по автографу: № 9, л. 57—57 об.; поздние вар. ст. 1: «Не боюсь я злой старости, нет»; «Не страшна ты мне, старость, о, нет!..».

163. Печ. по автографу: № 9, л. 59; ранний вар. ст. 1 карт.: «Ой ты, русский сон». Ап: «Насон-град. Вологда и Иоанн Грозный; Свет. 269. 1888 г.; Воскресенье. 27 ноября» (автограф). Источником стих. послужила заметка «О Насоне, „ползухе“ и историческом теленке», опубликованная в «Русском курьере» (1888. № 324. 23 ноября. С. 3) и затем перепечатанная в газете «Свет» (1888. № 269. 27 ноября): «Дело было при царе Иване Грозном. Въезжает царь Иван Васильевич в город. Точно мертвое царство. Все спят: спит воевода и воеводский сын. Спят попы и приказные. Спят обыватели. Спит и вся тварь бессловесная... Жирный кот воеводский развалился на крыше, на солнышке и спит сладко, тихо мурлыкая. А две свиньи купеческие — растянулись на базарной площади и храпят во всю ивановскую... Удивился царь и спрашивает: „Что это значит?“ И говорит ему дьяк: „Великий государь, видно, мы еще рано приехали, не успели встать вологжане!..“ — „А-а!“ — промолвил царь. И приказал свите повернуть назад, за заставу. В час пополудни вторично въехал в город Грозный. Та же картина. „Как? ужели все еще не встали?“ — удивился Иван Васильевич. Тут, откуда ни возьмись, маленький мальчишка. Сейчас к нему с запросом: „Что это, ужели еще вологжане не вставали?“ — „Нет, вставали, да теперь они пообедали и после обеда отдохнуть легли“. — „Ну, не буди мешать их отдыху“, — решил царь и снова выехал за заставу. В семь часов, в третий раз, въехал царь в город. Что за диво: опять весь город спит!.. „Неужели все еще после обеда не просыпалась?“ — воскликнул совсем изумленный царь. „Нет, государь, вставали, — доложил ночной караульщик, — да вот поужинали и спать легли!..“ Махнул царь рукою и оставил Вологду. Три раза въезжал и все попадал „на сон“, и пошло с той поры название Вологде Насон-град». *Грозный царь Иван собирается / Царство русское обозреть кругом, / И на Вологду подвигается...* — Согласно преданию, Иван Грозный намеревался сделать Вологду своей столицей, трижды посещал город (в 1545, 1566, 1568 гг.) и в последнее посещение прожил там два с половиной года.

164. Печ. по машинописи: № 4, л. 1193. Первоначальный вар. ст. 5 автографа: «Но знаю, угадать он может». *Федорушка Кузьмич*. — В 1920-е гг. Сологуб рассказывал Е. Я. Данько: «Когда я с матерью жил в уездном городишке, там люди уже до того опрощались и фамильярничали, что меня звали не Федор Кузьмич, а „уж ты

приходи чай пить, Федорушка Кузьмичевушка” — вот до чего доходили» (*Данько Е. Я. Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения / Вступ. статья, публ. и коммент. М. М. Павловой // Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 1. С. 221*).

165. Печ. по автографу: № 9, л. 65—65 об.; вар. ст. 18: «Тебе пустынный путь наш труден».

165а. Печ. по автографу: № 9, л. 65—65 об.; *ап*: «Русское обозрение 18 декабря 1897» (карт.).

166. Печ. по машинописи: № 3, л. 687.

1889

167. Печ. по машинописи: № 2, л. 43; первоначальный вар. ст. 6 автографа: «Сердце беспечная радость».

168. Печ. по автографу: № 9, л. 100; строфа 2 зачеркнута.

169. Печ. по машинописи: № 2, л. 21.

170. Печ. по автографу: № 9, л. 101; первоначальный вар. ст. 11: «Да не скажет злобный мир». Ср.: «Жил бы я повеселей...», *март 1885* (см. с. 202 наст. изд.).

171. Печ. по машинописи: № 6, л. 2015; первоначальный вар. ст. 4 автографа: «Подобной лишь мечте».

172. Печ. по автографу: № 9, л. 101; первоначальный вар. ст. 4: «Работник стоял, утомленный», ст. 14: «Путем угнетенной кручины», ст. 16: «Несчастных рабочих вела». Ср. редакции: «Под солнцем страны полуденной...», *3 июля 1886* (см. с. 213 наст. изд.); «Стрекоз говорливая стая...», *17 мая 1890* (Ежемесячные литературные приложения к *ЖО*. 1898. № 7).

173. Печ. по машинописи: № 2, л. 60. *Корчаг-Гречина* Евграф Яковлевич (род. 1838) — в 1888 г. был назначен директором реального училища в г. Великие Луки. См. недатированную запись Сологуба о нем: «За винтом Гречина обругал Антонова сапожником. Тот прекратил игру. На завтра вызывает на дуэль. Гречина не принял» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539, л. 299).

174. Печ. по машинописи: № 6, л. 1984.

175. Печ. по автографу: № 9, л. 110; поздний вар. ст. 8: «И круглая, как скалка». *Ап*: «Ряска малая. Плавает в стоячих водах, иногда затягивает» (автограф); «Ряска трехдольная. Небольшая безлистная зеленая пластина, снизу с одним корешком, погруженная в воду, прозрачная, суженная в ножку в форме черешка. Растение ветвистое многолетнее. Очень обыкновенно по стоячим водам. Во время цветения всплывает на поверхность. Цветет крайне редко. Зимует» (карт.). Ср.: «Покрыла зелень ряски...», *11 июля 1895* (*КН*. 1897. № 12. С. 127; *Тени*. С. 145; *ССС I*. С. 16; *ССС I*. С. 16).

176. Печ. по машинописи: № 4, л. 1343. *Брашно* — кушанье, еда.

177. Печ. по машинописи: № 3, л. 998. На обороте автографа авторская запись: «Причина современна следствию. Ничего не существует, кроме того, что вошло в сознание, вернее, — в ощущение».

178. Печ. по автографу: № 9, л. 115. Ср.: «Кто, скажи, бескорыстно и пламенно любит...», 3 февраля 1884 (см. с. 186 наст. изд.).

179. Печ. по автографу: № 9, л. 116 об.

179а. Печ. по автографу: № 9, л. 116 об. Ан: «Живописное обозрение. 5 мая 1891» (карт.). Ср. с ред. 25 февраля 1901 (ССт. С. 137; ССШ V. С. 203; ССС V. С. 199; БП. С. 241).

180. Печ. по машинописи: № 6, л. 2014 а. Строфы 1 и 2 автографа датированы 12 октября 1888, 3 и 4 — 7 мая 1889. Первоначальный вар. ст. 8—9: «Рубашонку мою / На бегу ветер поднимает»; ст. 13: «Я рубашку долой».

181. Печ. по автографу: № 9, л. 123.

182. Печ. по машинописи: № 4, л. 1381. Вар. ст. 34: «И в ней приют своим путем».

183. Печ. по автографу: № 9, л. 123 об. *Кволий* (квелый — обл.) — хилый, слабый, болезненный, писклявый. *Зой* — в слав. демонологии существо, олицетворяющее эхо, лесные шумы; *Топотун* — вероятно, нечистая сила, проявляющая себя звуком; *шишига* — овиный домовый, бес, близкий кикиморе; *Шелестинные старушки* — авторский неологизм для обозначения нечистой силы, от глагола «шелестить» — производить шелест, шорох; действовать незримо, незаметно.

184. Печ. по автографу: № 9, л. 124. Карт. без заглавия.

184а. Печ. по машинописи: № 5, л. 1738. Карт. без заглавия.

185. Печ. по машинописи: № 4, л. 1225. Первоначальный вар. ст. 1 автографа: «Затем, что синего чулка».

186. Печ. по машинописи: № 6, л. 1906. Первоначальный вариант ст. 4: «Тоску шемящую мою!». Ан: «Vitis vinivera. Виноград. Weinstock. La vigne cultivée. Из Азии. Обвивается около деревьев, стел<ется> тонк<ими>, нитевид<ными>, вьющимися усами. Около подпор<ок>. Подрезают. Май—июнь — метелки душ<истых> цвет<ков>. Чаш<ечки> мал<енькие>, пятизубч<атые>. 5 леп<естков> соед<инены> вершиной при раз. <отпад.>? в виде колпачка. Мел<кие> чаш<елистики> и тыч<инки>. Кружок — 5 чешуек. Плодовое, ягодное, 1 или 2 сем.» (автограф: № 9, л. 127 об.).

187. Печ. по автографу: № 9, л. 132. Ранний вар. ст. 3: «На небе ползучая мгла», ст. 9—12: «Он помнит, как цвета того / Так долго листья его ждали, / И вот, не дождавшись его, / Увяли и на землю пали».

187а. Печ. по машинописи: № 3, л. 1151а. Карт. под заглавием «Осенняя могила», зачеркнутое заглавие: «Безвременник». Ан: «Colchicum autumnale. Сем<ейство> Colchicaceae. Безвременник. Herbst-Zeitlose. Le safran bâtarde. Луковичное. Лиловые цветы осенью, когда нет листьев. На следующую весну — листья, как у тюльпана, а посреди их <1 нрзб.> коробочка (собственно, 3 коробочки, внизу сросшиеся). На лугах западных и южных губерний. Семена и луковица заключают острый яд» (автограф: № 9, л. 132 об.); «Свет. 1 августа 1889; Всемирная иллюстрация. 26 февраля 1890; Детское чтение. 27 июня 1890; Новое время. 27 ноября 1896; Русская мысль. 17 декабря 1897» (карт.). Ср. позднюю редакцию: **Осенняя могила** («Осень холод привела...», 27 октября 1914) (БВ. № 14484. 9 ноября. Утр. вып. С. 2; Сологуб Федор. Война. Стихи. Пг., 1915. С. 32; АМ. С. 216).

188. Печ. по автографу: № 9, л. 138—139. Ранний вар. ст. 2: «Картины грустных детских лет», ст. 5—8: «Давно похищенный забвеньем, / Ничтожный случай вспомнил я, / И светлым, чистым наслажденьем / Душа исполнилась моя», ст. 10: «Я как-то летом проходил», ст. 12: «Но все ж я многое следил» Ал: «Свет. 29 декабря 1889; Южный край. 6 апреля 1890» (карт.).

189. Печ. по автографу: № 9, л. 140.

Ранний вар.:

ст. 1—2: Когда я влекся безнадежно
К тому, чего напрасно ждал, —
ст. 4: И так надменно презирал.
ст. 5—6: И закалялась в пытке лютой
Моя суровая душа,
ст. 10—16: Презренных дел, и лжи, и зла,
И скоро жажда возрожденья
Во мне навеки умерла.
Не свергнуть мне тоски суровой
С души поруганной моей,
И не свернуть тропы терновой
На путь надежды юных дней.

189а. Печ. по машинописи: № 1, л. 105 с исправлением опечатки в ст. 15 по тексту автографа.

190. Печ. по машинописи: № 4, л. 1555.

191. Печ. по автографу: № 9, л. 146—147, ст. 85—87, 89—93 вымараны чернилами. По-видимому, автор предполагал включить стих. в поэму «Одиночество» (ср. дату написания и авторский план поэмы, л. 3). Вариация «бродячего» сюжета об ожившей статуе; в интерпретации сюжета Сологуб совпадает с Л. фон Захер-Мазохом (см. фрагмент из романа «Венера в мехах», 1879; русский перевод в 1909 г.: *Л. фон Захер-Мазох. Венера в мехах.* М., 1993. С. 17). Ср. со стих. К. К. Случевского «Статуя» (1860).

192. Печ. по автографу: № 9, л. 148—149, 151. Первоначальный вар.:

ст. 1: Про тяжелые, мрачные, душные дни,
ст. 3—9: Лишены утешений веселой свободы,
В нищете и пороке таились они.
Оглушен и подавлен гремющей столицей,
Посреди неприветных кирпичных громад.
Рано стал наслаждаться с своею царицей, —
Но немного богиня дала мне наград.
И мрачна, и бледна ко мне муза спускалась,
ст. 11—12: Тяжело беспокойная грудь волновалась,
На устах ее звонкая песнь трепетала,
ст. 15: Разливалась песня в полнощной тьме.
ст. 17—18: Точно плакала грешница в страшной тюрьме.
И волшебная сила полночного пенья,
ст. 24—25: Проносились победы коварного зла,
Преклонялась толпа перед властным позором
ст. 28: Затаенная, знойная буря вставала
ст. 31: И мечта, точно птичка больная, порхала
ст. 39: И во сне мерещились призраки горя,
ст. 41—42: Торжествующий, зобный, как дикое горе,
Закипевшее бурею в душном просторе,

Ст. 49—50: И сбылось, и обрушила злая судьбина
Неизбежный удар на усталую грудь,

193. Печ. по автографу: № 9, л. 78; первоначальный вар. ст. 6: «На заоблачных
высях альпийских высот».

194. Печ. по автографу: № 9, л. 119 об.

195. Печ. по машинописи: № 3, л. 1132; первоначальная дата карт.: *15 июня
1889.*

196. Печ. по машинописи: № 2, л. 456 с исправлением опечатки во ст. 2 по тек-
сту автографа. Строфы 1—6 автографа датированы *10 сентября 1888, 7, 8 — 16 ию-
ля 1889. Тук* — здесь: чернозем. *К ярму тяжелому привязанный, послушно / Глубо-
кий тук полей вол плугом бороздит, / Ярмо, да плуг, да бич, да тяжкие усилья...* —
Аллюзия на стих. А. С. Пушкина «Деревня» (1819), ср.: «Склонясь на чуждый плуг,
покорствуя бичам, / Здесь рабство тощее влачится по броздам / ... Здесь тягостный
ярем до гроба все влекут...».

197. Печ. по машинописи: № 2, л. 371.

198. Печ. по автографу: № 9, л. 158 об. Ср. с ред. *22 июля 1884* (см. с. 191 наст.
изд.).

199. Печ. по автографу: № 9, л. 159. Первоначальный вар. ст. 2: «И злой приро-
дою обижен», ст. 7: «Но если б как-нибудь в пути», ст. 9—10: «Я возмутил бы друж-
бу нашу / Своей надменною душой», ст. 12: «Поднес ласкающей рукой».

200. Печ. по автографу: № 9, л. 158. Первоначальный вар. ст. 6: «О невозмож-
ном идеале», ст. 7: «Как я любил, как я мечтал». Ал.: «Восточная заря. 17 декабря
1910» (карт.).

201. Печ. по машинописи: № 2, л. 650; под текстом две даты, первая зачеркнута:
1 января 1887, 27 июля 1889. Относится к циклу «Из дневника». *Пейсаховка* (от евр.
peisah — пасха) — нехлебная (свекловичная) водка, употреблялась иудеями на пас-
ху.

202. Печ. по автографу: № 9, л. 161—161 об.

203. Печ. по автографу: № 9, л. 164.

204. Печ. по автографу: № 9, л. 165. Первоначальный вар. строфы 1: «Томим нуж-
дою и заботой, / И одинок, и угнетен, / За нелюбимую работой / И день и ночь
проводит он»; ст. 8: «Природа горечь разлила»; в строфе 4 изменен порядок строк:
3—4—1—2; вар. ст. 15: «Но он послушен воле тайной»; вар. ст. 20: «В плоды тяже-
лого труда».

205. Печ. по автографу: № 9, л. 164 об. <Из Дн.>.

206. Печ. по машинописи: № 6, л. 1852; первоначальный вар. ст. 2—3: «Да злой
насмешки все сильнее. / Так в раны всыпанная соль», ст. 8: «Стыдливо подавля-
ешь?», ст. 12: «Атака — лучшая защита».

207. Печ. по машинописи: № 2, л. 288. Вариация фольклорного сюжета о вол-
шебном коне — Сивке-бурке.

208. Печ. по машинописи: № 2, л. 483. Датировка ст. 1—4 автографа: *Март 1885. Ал.*: «Южный край. 6 апреля 1890; Московская иллюстрированная газета. 29 апреля 1889» (карт.).

209. Печ. по автографу: № 9, л. 73. Первоначальный вар. ст. 2—4: «И пора тревожному уняться, / И что больше нет во мне уж сил / Вслед за ним гореть да порываться», ст. 6: «На людские стоны служит эхом».

210. Печ. по машинописи: № 2, л. 570. *Суждений много очень диких: «Шекспир, Бэкон — великие умы!»* — Вероятно, имеется в виду теория, выдвинутая в 1856 г. Делией Бэкон, о том, что подлинным автором пьес У. Шекспира был английский философ Фрэнсис Бэкон (1561—1626); в России вопрос о Бэконе как авторе шекспировских пьес впервые был рассмотрен в появившихся в конце 1880-х гг. исследованиях жизни и творчества Шекспира: *Кох М.* Шекспир. М., 1888; *Чуйко В. В.* Шекспир, его жизнь и произведения. СПб., 1889.

211. Печ. по машинописи: № 3, л. 678. Первоначальный вар. ст. 17 автографа: «Ну, а мостик провалился» (№ 9, л. 87). <Из Дн.>.

212. Печ. по машинописи: № 2, л. 449.

213. Печ. по автографу: № 9, л. 84. Вариация библейского сюжета (Быт. 39: 1—18). Ср. редакцию: **Красота Иосифа** («Залиха лежала, стеная, на пышной постели...»), *15 марта 1892* (Восход. 1895. № 9. С. 183 (подзаголовок «Легенда»); *Ст. I. С. 61; CCC XIII. С. 217*).

214. Печ. по машинописи: № 6, л. 2000 с исправлением опечатки в ст. 25. Ст. 1—16 автографа датированы *11 ноября, 17—41 — 19 ноября 1889*. Дата машинописи: *11 ноября 1882*.

215. Печ. по автографу: № 9, л. 86.

216. Печ. по автографу: № 9, л. 87.

217. Печ. по автографу: № 38, л. 331 об. Первоначальный вар.:

ст. 1—2: Ни на жизнь, ни на свет не надейся,

Пой от боли, усталое сердце, разбитое горем,

строфа 2: Изнывая напрасной любовью,

Догорай, как свеча, погасимая бурей сердитой, —

И земля, утучненная нашею кровью,

Будет нам от клевет и страданий надежной защитой.

ст. 9: На ее безмятежном просторе

Ср. редакцию: «*После жизни недужной и тщетной...*», *21 января 1893* (*Тени. С. 155, Пробуждение. 1907. № 11. С. 180, CCC XIII. С. 44*).

218. Печ. по автографу: № 9, л. 93; поздний вар. ст. 10: «Смертным телом я твердо умру».

218а. Печ. по автографу: № 9, л. 93.

219. Печ. по автографу: № 9, л. 94—96. Вар. ст. 2: «Сквозь темную зелень задумчивых лип», ст. 7—8: «Борясь с жестким, несносным страданием, / Сидел с нею рядом под липами я», ст. 18: «Давно уж я смерти безропотно жду», ст. 22: «Где буду

я скоро так сладостно спать», ст. 24: «И не дано права тебе тосковать!», ст. 44: «Ты счастья и воли себе не найдешь», ст. 49—50: «Мне кажется мир золотою решеткой / На два разделенный, как ад и эдем», ст. 66: «И честью и верой своею клянись».

220. Печ. по автографу: № 9, л. 97; первоначальный вар. ст. 6: «Тихо спит земля», ст. 9: «Если он в отчизне».

221. Печ. по автографу: № 9, л. 80.